

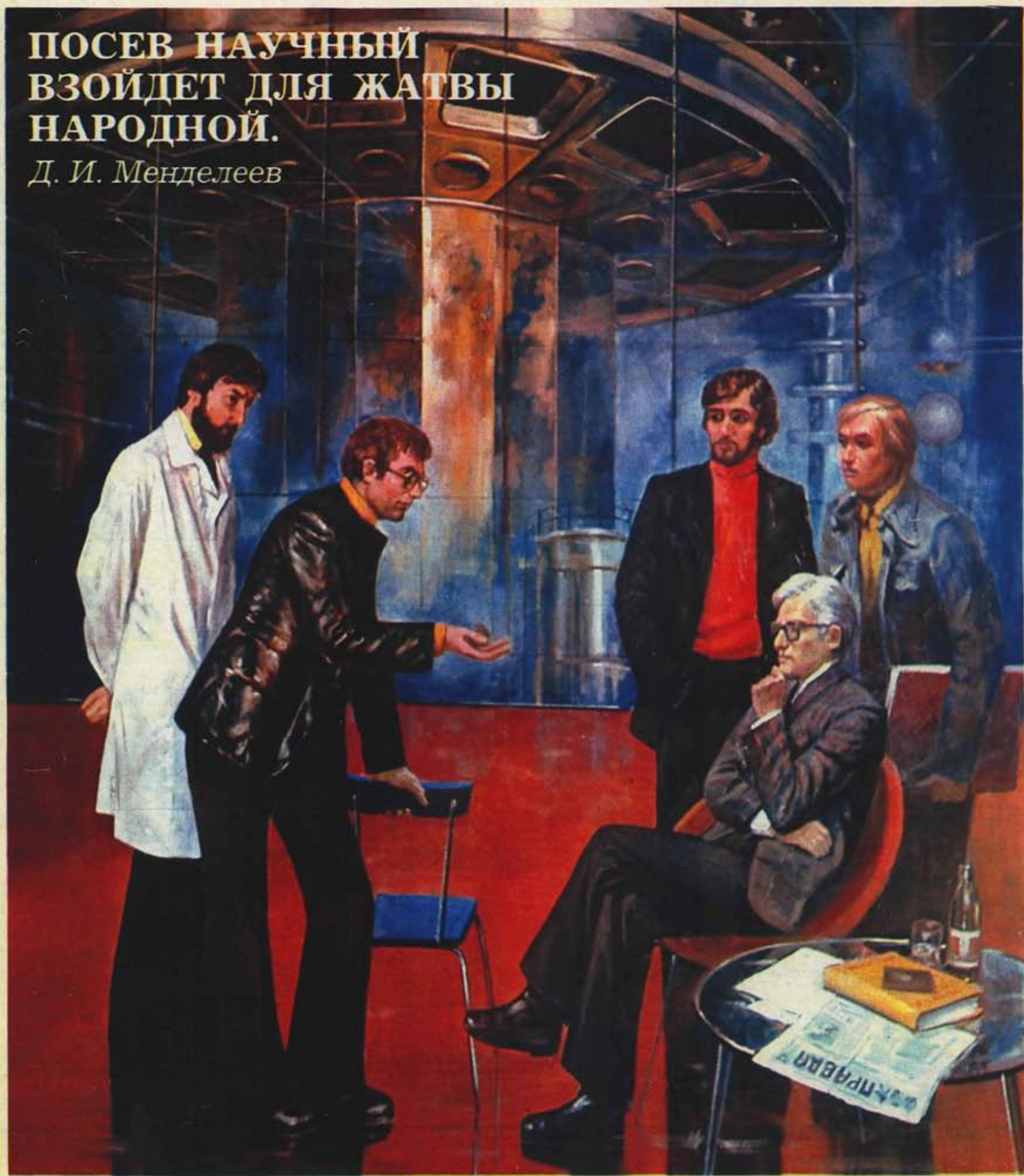

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1979

**ПОСЕВ НАУЧНЫЙ
ВЗОЙДЕТ ДЛЯ ЖАТВЫ
НАРОДНОЙ.**

Д. И. Менделеев

Расшишение

Людмила
САМОПАЛЬНИКОВА,
секретарь
Тюменского
горкома ВЛКСМ,
делегат
XVII съезда
комсомола

Леонид
ЧЕБЛАКОВ,
директор
школы № 34
города Тюмени

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Мы с вами, Леонид, по профессии — оба учителя. Интересно, что для вас, как для учителя, главное в ученике? Каким бы вы хотели видеть своего выпускника?

Л. ЧЕБЛАКОВ. Как учитель физики, я мечтаю прежде всего, чтобы мои ученики глубоко изучили предмет, который я им преподаю. Но кроме этого, к счастью или к несчастью для себя, пока сам не разобрался в этом, я не только учитель, но еще и директор школы. И на собственном опыте убедился, что подобная чисто «просветительская» миссия учителя сегодня явно недостаточна. Знания, конечно, знаниями, но и немаловажно, чтобы у выпускника за годы учебы в школе выработалась активная жизненная позиция, целеустремленность, сознательное стремление верно выбрать свое место в жизни.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Но ведь очень часто не только ученики, но и мы, учителя, наставники, ошибаемся, думая о ком-нибудь: этот-то наверняка добьется своего, а вот тот — вряд ли... Потом смотришь — от первого остались одни пустые мечты и фразы, а второй потихоньку, поменьше забирается в гору и начинает тащить на себе такой груз, который не снится ни нам, ни ему.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Может, это странно, но я, как директор школы, чувствую, что школа не всегда или порой просто мало предоставляет ученику возможностей выявить себя, осознать в себе тягу к той или иной профессии, утвердить себя в своей мечте. И не случайно поэтому, что среди наших бывших учеников так много разочаровавшихся в том, что они выбрали сначала своим жизненным путем...

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Выходит, директор школы сам себя критикует?

Л. ЧЕБЛАКОВ. А почему бы и нет? На мой взгляд, один из самых важных сегодня вопросов — вопрос профориентации школьников — решается в школе, я бы сказал, недостаточно активно и, больше того, без серьезного научного подхода. А ведь будущее страны — за теми школьниками, которые сегодня сидят за партой, и вопрос, кем они хотят быть, к чему стремятся, что любят и что не любят, — это и социальный, и научный, и нравственный вопрос. Вот почему надо всячески внедрять в школе комплексный подход к делу воспитания и обучения школьников.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Но не получается ли у нас так, что, стремясь к комплексности, к широкому и всеобщему охвату школьников пусть очень важными, пусть самыми насущными задачами, мы упускаем из виду всячески отдельного человека, его природную индивидуальность? И тем самым нивелируем человека?

Л. ЧЕБЛАКОВ. К сожалению, мы должны констатировать, что еще не все школы страны обладают такой базой, которая бы позволила каждому

ученику найти себя в соответствии со своими наклонностями и увлечениями. Вот вам пример. В нашей школе ученики проходят трудовую практику на электромеханическом заводе. С этим заводом у нас очень тесные связи, полное, казалось бы, взаимопонимание, но ведь специальность, которую осваивают наши ученики на этом заводе, всего одна — металлообработка. Выходит, мы на этих уроках выполняем только одну сторону задачи — приучаем школьников к труду, прививаем им навыки трудовой дисциплины, совершенно не учитывая ни наклонностей, ни способностей каждого из них. Всех причисляем под одну гребенку.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Однако наклонности и способности человека — это ведь не нечто раз и навсегда данное от природы. Наклонности выявляются через что-то; через труд на токарном станке можно совершенно неожиданно для себя сделать открытие: оказывается, работа на станке наполняет душу радостью и гордостью, так как ты сам способен произвести сложную деталь; или, наоборот, ты вдруг осознаешь, что это совсем не твое призвание — из-под резца у тебя бежит стружка, а тебе, оказывается, больше всего на свете хочется быть конструктором или дизайнером, создавать новые машины и модели. То есть я хочу сказать, что в основе самовыявления человеческих наклонностей все равно лежит труд — либо утверждающий тебя в твоих способностях, либо отрицающий их.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Теория, конечно, логичная и даже отчасти справедливая, но повседневная жизнь, сколько я ни думал о ней, никак не укладывается в рамки этой теории. Казалось бы, и станки у нас на заводе разные — и фрезерные, и токарные, и строгальные, и сверлильные, то есть нет никакого угнетающего, тормозящего творчество однообразия, а смотришь — у иного ученика не то что трудовые навыки вырабатываются, а, наоборот, вообще отвращение к работе появляется. Противоречие? Конечно! Но кроется оно не в школе, не на заводе, не в самом даже ученике, а глубже: в атмосфере, которая окружала этого человека с самого его рождения. Не случайно первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов сказал на состоявшемся в мае этого года IV Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном вопросам усиления работы комсомола по коммунистическому воспитанию учащихся и подготовке их к труду: «С юных лет молодой человек должен быть подготовлен к умению работать с полной отдачей своих физических и духовных возможностей везде и всюду — дома, в школе, у станка, в поле, понимать простую истину: ничто не дается в жизни само собой, без трудностей, а корень слова «трудность» — труд».

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Леонид, а сколько человек из вашего последнего школьного выпуска пошли работать именно на родной электромеханический завод?

Л. ЧЕБЛАКОВ. Точная цифра, я думаю, здесь ни о чем не говорит. Всего из четырех классов на завод пошли 11 человек. Много это или мало? Мало, я согласен с вами. Но ведь еще более 20 процентов выпускников поступили в технические вузы, многие пошли в профтехучилища разного профиля. Конечно, рано пока говорить о том, что все они станут впоследствии хорошими специалистами, толковыми работниками, что школа в их становлении сыграла главную роль... Как говорится: пожием — увидим. Мне только кажется, что мы сегодня еще об одном серьезном факторе не сказали: о роли личности преподавателя, руководителя трудовой практики в школе. Если такой преподаватель — действительно личность, он может сформировать не только правильное трудовое отношение, но и главное — нравственное отношение ученика к труду, к своему родному краю, ко всей жизни.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Насколько я знаю, в вашей школе есть такой человек...

Л. ЧЕБЛАКОВ. ...Вы о Мякишеве говорите? Да, и для меня самым удивительным является то, что Алексей Егорович как-то очень незаметно и естественно воспитывает в школьниках самые ценные и важные качества: любовь к дорогому всем нам Тюменскому краю, желание не просто остаться работать и жить в родных местах, но и приносить как можно больше пользы — на любом поприще, какое бы они ни выбрали для себя. Это, конечно, талант педагога и человека.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. А как необходимы такие таланты сегодняшней школе! Пассивный, безынициативный, просто равнодушный ко всему педагог никогда не воспитает в своем ученике гражданина и борца. В книге «Рождение гражданина» В. А. Сухомлинский, обращаясь к педагогам, писал: «Исключительно важно, чтобы мир мыслей, чувств, переживаний подростка постепенно расширялся — от взгляда на свое село, город, область до взгляда на свою Родину, на современность и будущее. Если подросток думает о проблемах, касающихся судьбы Родины, он принимает близко к сердцу то, что выходит за пределы удовлетворения его потребностей. Добивайтесь, чтобы глубоко личным для подростка стало конкретное дело».

Л. ЧЕБЛАКОВ. Сказано прекрасно, но поверьте, Людмила, на практике дается все это ой как нелегко! Для меня, чем больше я работаю учителем и директором школы, тем большей загадкой становится ученик, особенно старшеклассник. Кажется, ты нашел какой-то подход к нему, почти подобрался пусть к маленькому, но своему педагогическому открытию — и вдруг смотришь: опять что-то не то. Педагогика — это творчество, но самое трудное — уйти от ежедневного шаблона, уйти от самого себя вчерашнего, позавчерашнего, прощлого. Оказывается, опыт, — не всегда наш друг и помощник; становясь опытной, мы самоуспокаиваемся, начинаем почитать на лаврах.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. А ребята это хорошо чувствуют. Вообще, согласитесь, они гораздо проницательней и умней, чем мы о них часто думаем. Сколько, например, мы проводим разных мероприятий, вечеров, диспутов, где особо подчеркиваем значимость сегодняшней тюменской экономики в балансе всей страны, а ребята, оказывается, очень хорошо понимают это сами. Это понимание проявляется не в словах, а в поступках. Работая в горкоме комсомола, я теперь лучше вижу общую картину и могу сказать, что большинство выпускников города не покидают родные края. Многие даже предпочитают не поступать в вузы, а ехать на север Тюменщины — работать на газовых и нефтяных месторождениях, на различных стройках.

Л. ЧЕБЛАКОВ. А вам не кажется, что родители наших выпускников — народ более консервативный, чем сами ученики...

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Не то что кажется — это так и есть...

Л. ЧЕБЛАКОВ. Ребята, к примеру, хотя и всем классом отправляются сразу после выпуска на Самотлор, и первые, кто препятствует этому, — папы и мамы. Особенно мамы.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Мам, конечно, можно понять...

На заводе

Л. ЧЕБЛАКОВ. А вот в Спарте, если я не ошибаюсь, мальчиков с самого раннего детства отрывали от матерей. Знаете, кто вырос из них? Мужчины!

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. По-моему, это все-таки чересчур жестоко. Хотя сама мысль о том, что детей нужно воспитывать не только в безоглядной родительской любви, но и в строгости, в атмосфере уважения к людям и понимания насущных проблем общества, — эта мысль мне близка.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Хорошо, когда родители для своих детей — и друзья, и советчики, и пример в жизни. Но посмотрите, какое, например, отношение у многих мам к училищам ПТУ. Я не побоюсь утверждать, что ПТУ в наше время переживают революцию. Какую еще революцию? — спросят многие. К примеру, хотя бы психологическую! Раньше к «ремесленникам», как называли когда-то учащихся техучилищ, отношение было снисходительное, ученик школы смотрел на пэтэушника сверху вниз, да и народ там собирался действительно особый: те, кто плохо учился или кто вел себя из рук вон плохо. А теперь? Теперь почти каждого ученика после окончания 8-го класса мы сами спрашиваем: как планируешь свою дальнейшую жизнь? И если ученик говорит: пойду учиться в профтехучилище — разве мы препятствуем? Нет. Потому что, во-первых, сам ученик резонно замечает: в училище я и среднее образование получу и специальность за это же время хорошо приобрету, а во-вторых, мы и сами понимаем: училище — это как бы вторая ступень нашего общеобразовательного дела. Это путевка в трудовую жизнь. А вот некоторые родители, как самый консервативный «педагогический» элемент, еще относятся к профтехучилищам по старинке и часто делают все возможное и невозможное, чтобы сын или дочь продолжали учиться в школе.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. А что из этого выходит? Ничего, кроме ссор детей с родителями и какого-то глухого взаимного непонимания. Больше того, родители идут в школу, к нам, в горком комсомола, и жалуются. Начнешь говорить откровенно, по душам, — смотришь, а разговор получается трудным. Потому что такой отец или мать твердят одно: мол, надо моему или моей учиться, это главное, вот пусть окончит десять классов и тогда делает что хочет, а на самом деле думают: какое там работать? Да он (или она) еще дитя! Успеет наработать! Да и потом — мы хуже других, что ли? Пусть лучше после десятилетки в институт идет, в техникум, чем гробить себя в ПТУ...

Л. ЧЕБЛАКОВ. Между прочим, подобная родительская логика совершенно не соответствует духу времени. Взрослые часто готовы защитить детей от чего угодно, а в результате они защищают их от самой жизни, от настоящей борьбы и преодоления трудностей. Мне, честно говоря, гораздо больше по душе те ребята, которые иногда в своей запальчивости готовы ехать куда угодно или работать где угодно, лишь бы не киснуть и не проникаться духом «родительского благодушия и благополучия». Кстати, как ни странно, за ребят, которые уходят из нашей школы в ПТУ, я больше спокоен, чем за тех, кто остается в ней, спокоен в смысле их трудового будущего. Дело в том, что в ПТУ профессиональная дифференциация шире, интересней и глубже, чем на уроках труда в школе или на практике в цехах электромеханического завода. Поэтому учащиеся ПТУ к определенному возрасту подходят и граждански и профессионально более зрелыми, чем выпускники десятых классов, и именно учащиеся ПТУ составляют костяк пополнения рабочего класса. Я думаю, мы все обязательно должны всерьез заботиться о том, чтобы человек, вступающий в жизнь, не только выбрал какую-то профессию, но уже и испробовал ее в трудах и поту. С ПТУ — тут все ясно. А вот что касается школ, то тут нужно, по-моему, повсеместно организовывать межшкольные учебно-производственные комбинаты и обязательно иметь в городе профориентационный центр.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Такой центр уже есть, например, в Ленинграде. У нас в горкоме комсомола недавно родилась мысль съездить туда — поучиться, посмотреть, как там все организовано.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Думаю, в подобном центре особое значение должны иметь вопросы научного и теоретического профориентирования учащейся молодежи, точно так же, как межшкольные учебно-производственные комбинаты, например, занимаются практической профориентацией.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. На IV Пленуме ЦК ВЛКСМ говорилось, что «профориентация — широкое поле деятельности для комитетов комсомола. Создание нужного общественного мнения, морально-психологического климата в школе, атмосферы уважения к рабочим профессиям — таковы наши конкретные задачи». А мы с вами, Леонид, в своей повседневной, практической работе достаточно ли умело создаем такой морально-психологический климат в школе?

Л. ЧЕБЛАКОВ. В том-то и дело, что любой ученик — натура сложная, и всякий раз нужен тонкий индивидуальный подход, чтобы успешно решать подобные вопросы. Объективно — это очень непростая проблема.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Не кажется ли вам, что мы относимся к школьникам в основном как к объекту воспитания и обучения. Но ведь они — еще и субъекты воспитания и обучения, со своими личными интересами, со своими внутренними, непростыми проблемами, со своей собственной точкой зрения на многие вопросы. И как же тут прийти к такому единству, чтобы то, что думаем о них мы, и то, что они сами думают о себе, совпало, чтобы «я» и «мы» слились воедино? Василий Александрович Сухомлинский писал: «В человеке начинается гражданин, когда сфера его личных интересов расширяется, включая в себя интересы многих людей». А ведь не секрет, что очень часто школьники не только не открываются нам дружелюбно и искренне, а, наоборот, еще глубже прячут в себя свое сокровенное и наболеее...

Л. ЧЕБЛАКОВ. Это потому, что они не доверяют нам. Да-да. Мы ведь с ними часто на хитрости идем: просим быть откровенными, а сами говорим или придуманную правду, или не всю правду. А они это чувствуют. Уж если бросил в почву зерно и хочешь собрать урожай — будь открыт, честен и последователен. И потом с ребятами нужно не морализировать, а спорить.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Интересно, Леонид, а вам самому много приходится спорить с учениками? Ведь всегда есть опасение, что споры могут привести к нежелательным результатам — например, к взаимным обидам или просто к отчуждению. Кстати, на том же IV Пленуме ЦК ВЛКСМ подчеркивалось, что «в укреплении комсомольских организаций, росте их авторитета важную роль играют правильные взаимоотношения комитетов, комсомольских групп с директором школы, классным руководителем, всем педагогическим коллективом. Доверие окрыляет, а товарищеская требовательность взрослых воспитывает ответственность».

Л. ЧЕБЛАКОВ. Мало быть требовательным или увлеченным педагогом, надо еще быть смелым человеком. Я заметил, многие учителя просто-напросто боятся спорить с учениками. Думают, что от этого страдает их авторитет, а кроме того, старшеклассники так иной раз припирают к стенке, что трудно и выйти из спора с честью. Лично я спорю не боюсь.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Когда я работала в школе № 12 учителем физики, у меня тоже бывали трудные моменты. По разным поводам и причинам. Может, мне помогало то, что до учебы в пединституте я полтора года проработала вожатой в той самой тюменской школе, в которой когда-то училась, а кроме того, еще полтора года проработала на судостроительном заводе, узнала, как говорится, жизнь и могла анализировать и сравнивать, прежде чем учить кого-то. И вот я заметила, что моим ученикам, кроме основного предмета — физики, интересны еще и другие уроки — уроки человечности, увлеченности и правдивости. И когда мне не хватало этого самой, я пасовала перед жизнью. Вплоть до того, что хотела никогда больше не братья за учительство. Выручала спасительная мысль: раз внушаю ученикам, что они должны быть честны сами перед собой, целеустремленны, что именно они, а не кто-то другой должны развиваться и обогащать наш Тюменский край, значит, и сама я должна

быть такой. Иначе мне как человеку цена ноль. Именно как человеку.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Хотел бы иметь такую учительницу, как вы, у себя в школе...

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Возьмите!

Л. ЧЕБЛАКОВ. Э-э, нет, мне теперь, как директору школы, гораздо выгодней, что секретарь горкома комсомола по школам — человек, хорошо понимающий школьную жизнь. Ведь проблем общих у нас с вами — у комсомола и у школы — немало, и решать их лучше и легче, когда есть полное взаимопонимание между нами.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Тут я должна вам, Леонид, возразить. Союзники-то мы союзники, но мне кажется, что школа и, в частности, школьники очень часто оказываются на положении ведомых. Мало у ребят собственной инициативы, в том числе и у школьного комсомола. Нередко случается так, что мы сверху, из горкома, предлагаем ученикам-комсомольцам те или иные мероприятия. А разве так должны сегодня жить комсомольцы, патриоты своего края? Отчего возникает такое ощущение, будто некоторым комсомольцам ни до чего нет дела?

Л. ЧЕБЛАКОВ. Упрек я ваш принимаю и хочу сказать, что это и есть то главное, над чем мы сами у себя в школе бьемся. Я уже говорил, знания знаниями, но очень важно, чтобы выпускник покинул школу с активной жизненной позицией. Для нас, тюменцев, это имеет особое значение, потому что наш край — один из самых быстро развивающихся в стране, и мы должны иметь надежную опору в лице подрастающего поколения. Я убежден: мы обязаны не подталкивать и не организовывать комсомольцев, а пробуждать в них творческую активность, создавать атмосферу поиска, заинтересованности, увлечения делом.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Для этого надо, чтобы вместе со школой и родители относились к своим детям не созерцательно, а тоже творчески, активно. А ведь нередко сталкиваешься с таким довольно распространенным подходом родителей: «Мы его (или ее) кормим, поим, все им дали, чтобы жили и учились хорошо. Что еще от нас надо?»

Л. ЧЕБЛАКОВ. При этом родители часто даже не понимают психологию детей, с трудом усваивают истину, что их ребенок — постоянно меняющийся, развивающийся человек и требует разного к себе отношения в зависимости от возраста.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Особенно характерно в последнее время то, что от воспитания детей под разного рода предлогами самоустраиваются отцы.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Родителям во все времена не хватало времени на воспитание детей. Но дело ведь не в специальном воспитании, дело в самой атмосфере семейной и трудовой жизни родителей. Сын или дочь должны быть в курсе всех забот и тревог семьи — и тогда уже в семье ребенок получает первые навыки мыслить общественно, переживать за отца или мать. Поразительная вещь: иной раз я спрашиваю своего ученика: «Кем работает у тебя отец?» — он отвечает: «На заводе», — а кем, чем занимается, сказать не может. Какой из такого сына может вырасти патриот своего края? Что он будет знать о тех грандиозных проектах, которые сегодня претворяются в жизнь на Тюменщине, если он не ведает даже, чем занимаются его родители?

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. Да, равнодушные — это не просто черта характера, это активная отрицательная сила. Недаром в народе говорят: не бойся врага — бойся равнодушных. Нужно бороться с равнодушными детей к делам родителей.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Лично для себя я уже давно сделал вывод: мы, педагоги, обязаны в определенной форме проводить постоянную работу с родителями, поддерживать с ними деловой и дружеский контакт, а не просто общаться по поводу отметок и поведения их детей.

Л. САМОПАЛЬНИКОВА. За Тюменью и Тюменским краем — большое будущее. И что бы мы ни делали — учились, работали или отдыхали, мы должны быть уверены, что наши богатства будут осваиваться не только приезжими чудо-богатырями, а самой тюменской молодежью и комсомолом. К этому призывает нас и партия.

Л. ЧЕБЛАКОВ. Думаю, так оно и будет.

Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ

Наша обложка:
КАРИНА
ГРУЗИНСКОГО
ХУДОЖНИКА
Ивана ВЕПХВАДЗЕ
«ДИСПУТ».

- 1** УРОКИ ЖИЗНИ.
«РАСПИСАНИЕ НА ЗАВТРА». Диалог секретаря Тюменского горкома ВЛКСМ Людмилы САМОПАЛЬНИКОВОЙ и директора школы № 34 Тюмени Леонида ЧЕБЛАКОВА.
- 2** КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ. «СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ». Письма рабочих.
- 6** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «К ТАЙНАМ ДВУХ ОКЕАНОВ».
- 7** Стихи Александра ТКАЧЕНКО.
- 8** Рассказ Тынымбая НУРМАГАМБЕТОВА «ПОЛИВАЛЬЩИК».
- 12** МОЛОДЫЕ ГОРОДА. «ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫЙ». Очерк Леонида ПЛЕШАКОВА.
- 14** Стихи Анатолия ПРЕЛОВСКОГО.
- 18** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Георгий БАЖЕНОВ. «ЛИШАЕТСЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ...»
- 20** Анатолий МАЛАХОВ, доктор геолого-минералогических наук. «КАМЕННАЯ РАДУГА».
- 23** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24** ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Таисия БЕЛЯЕВА. «НЕ ОБЕЩАЙ СЕБЕ УСПЕХА». Очерк о молодом актере Игоре КОСТОЛЕВСКОМ.
- 26** НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 28** Повесть Генриха БОРОВИКА «МОМЕНТ ИСТИНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

НАДЕЯТЬСЯ НА СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ?

Автор статьи «Не хочу так работать» («Смена» № 17) слесарь Ким Андреев говорит об отношении людей к своей работе, станкам, инструменту. Прочитал я статью и вспомнил случай из своей биографии. Как-то в самом начале трудовой деятельности дали мне задание — снимать облой на деталях. Полу-

СПОР П ПИСЬМ

чил фрезу, закрепил в патроне. Только прикоснулся ею к детали — фреза поломалась. В чем, думаю, дело? Режим резания, обороты и подачу выбрал как указано по технологии, а поломалась...

Заведующая инструментально-раздаточной кладовой Анна Сергеевна Панова не стала наказывать меня, молодого рабочего, а выдала новую фрезу. И снова поломка! А с инструментом было, ох, как трудно...

Тогда Панова забрала сломанные фрезы и пошла в цех, где они проходили термическую обработку. Там-то и выяснилось, что вся партия этих фрез с браком. Заменяли их другими, и дело пошло. Одной фрезой я обработал 250 деталей и сдал инструмент целым и исправным. Какой же вывод? Плохая работа порождает своего рода цепную реакцию. Кто-то неправильно обработал фрезы — в результате я поломал ценный инструмент.

От неудачного начала, может, опустились бы у меня руки, затянулось становление как рабочего. Но мне повезло — помогла Панова, следил за моими первыми шагами наставник Иван Басанец. Однако нередка ситуация, когда новичок, получив в отделе кадров пропуск, предоставляется сам себе. Слоняется весь день по заводу как неприкаянный: не то что познакомиться с людьми, объяснить тонкости устройства станка — работой в суете не обеспечат. Сегодня не загрузили на всю смену, завтра, а потом, смотришь, он прогуляет или раньше положенного уйдет домой. Именно с таких «мелочей» и начинается недисциплинированность. Потом приходится его не воспитывать, а уже перевоспитывать.

Но обеспечить работой — этого мало. Надо еще учитывать состояние новичка, стремящегося побыстрее утвердить себя в цехе, почувствовать равным среди равных. В этом стремлении есть даже определенная опасность.

Был у меня подшефный Володя Кутрань. Чувствую, взялся за дело с рвением, хочется ему побыстрее перевыполнить норму. Бывало, инструмент у него на станке так затупится, что не режет металл, а просто трет его и давит. Но затачивать фрезу Володя не идет, пытается сэкономить на этом время. Объяснил ему, что с острым инструментом он сделает больше качественных деталей, а так не выигрывает ни в чем, экономия времени мнимая. К счастью, Володя крепко усвоил, что инструмент в наших руках — самое главное.

Все новички, приходящие к нам на завод из профтехучилищ, имеют второй или третий разряд. Но мы-то видим, что не все своему разряду соответствуют! Кто-то просто плохо учился в ПТУ, другому

Неудачное
начало.
Что за ним?

Почему
не опустились
руки
у новичка?

Обеспечить
работой —
этого мало.

Без вины
виноватые?

Слесарь Ким Андреев: «Не хочу так работать» (№ 17).

Шофер Владимир Куликов: «Тормоз» (№ 18).

Комсомольский работник Лариса Беседина: «Компромиссы исключаются» (№ 21).

Этими выступлениями началось читательское обсуждение важных экономических проблем, которые так тесно смыкаются с воспитанием нравственности молодого рабочего. Идеология и хозяйствование — эти категории, которым посвящены недавно принятые постановления ЦК партии, смыкаются буквально на каждом шагу, обнаруживая новые возможности, новые пути к важным достижениям.

Конец четвертого года пятилетки, преддверие последнего, завершающего года, место комсомола в общей работе, сущность трудового воспитания молодого человека — вот сердцевина разговора, который продолжают читатели...

РОДОЛЖАЕТСЯ А ЧЕТЫРЕХ РАБОЧИХ

работа не по душе. Конечно, мало получить разряд, надо его еще оправдать. Но будем справедливы к недоучившимся или плохо обученным. Порой в этом нет их вины.

Не раз я бывал в нашем ГПТУ-2. Радовали перемены, которые там происходили. За последние годы в учебные программы были внесены новые теоретические курсы; на уроках ребят знакомят с новейшими станками. Но теория — это одна половина учебного процесса. Волнует меня другое — то, как применяются полученные знания на практических занятиях в производственных мастерских. Ведь мне приходилось сталкиваться со случаями, когда выпускник этого училища не мог самостоятельно справиться с заданиями средней сложности. Почему? Да потому, что в ученических мастерских ребята делают простейшее: отвертки, молотки, зубила. Разумеется, как предварительный этап такое необходимо. Но современное производство требует от выпускника училища гораздо большего. Отвечает его умение этим требованиям?

Думаю, что проблема выпускника училища в том, что на первых порах его практическая подготовка явно уступает теоретической. Мое мнение такое: чтобы повысить мастерство, а значит, и человеческую уверенность в себе каждого выпускника ПТУ, надо поднять уровень практических занятий, дать ребятам делать детали сложных конфигураций — тогда с первых дней на заводе у них будет больше интереса к делу, а значит, и активности, инициативы.

У молодежи трудового и жизненного опыта меньше, чем у нас, но ведь ей предстоит шагнуть дальше нас, выше нас. Уже сегодня от человека, стоящего у станка, требуется многое, и он все меньше становится простым исполнителем. Это не достигается только за счет профессиональных навыков: от нас, наставников, опытных рабочих, зависит, в какой мере наши воспитанники понесут в будущее не только полученное мастерство, но и высокие идеалы добра и справедливости, чувство рачительного хозяина. Это серьезный, глубокий вопрос. Он сложен еще и потому, что новички видят не только положительное на производстве, но и негативное. Разве мало сегодня проблем в организации труда, в технологических процессах? И то, как мы сами поступаем в трудной ситуации, учит их больше, чем любая мораль.

Взять хотя бы недавний случай. Получил я партию профилей, из которых надо изготовить детали, называемые «тавриками». Начал обрабатывать заготовки на горизонтально-фрезерном станке, и к концу смены у меня набралось 600 металлических кусков отходов. Проходит мимо этих отходов мастер Рашид Халитов и говорит:

**Теория
и практика
нераздельны!**

**Проблемы
выпускника.**

**Поступки
в трудных
ситуациях
учат больше,
чем любое
морализирование.**

**Металл —
не для свалки.**

— Сергей, скажи уборщицам, чтобы они не увозили остатки на свалку. Я их заберу. Как раз получатся мелкие детали моей группы. Марка металла подходит.

И все остатки от моих «тавриков» были использованы. Другой вопрос — почему же у меня образовалось столько отходов? Вес детали после обработки равен лишь 41 грамму. А заготовка для каждого «таврика» весит 580 граммов. Мне нужно было сделать 300 деталей. Общий их вес 12 килограммов 300 граммов, а материала на них отпущено 174 килограмма. Ну как можно согласиться с такой расточительностью? А причина ее в том, что завод-поставщик присылает для данных деталей заготовки завышенного размера. Неужели невозможно заказать более экономичный профиль? Ведь на подобные «таврики», только на другие номера изделий, профили поступают нужных размеров.

Хорошо, что рядом со мной тогда оказался Рашид. Но разве можно надеяться лишь на счастливый случай? Не секрет, что многие считают подобную расточительность в порядке вещей. Но стоит ли тогда удивляться, если иной рабочий равнодушно отправит на свалку еще годный металл, оставит необработанным станок, разбросает как попало инструмент?..

Сергей ЧИНАЕВ,
фрезеровщик Ташкентского авиационного
производственного объединения
имени В. П. Чкалова

**Как
«делают»
отходы.**

**Что значит —
чувство
хозяина?**

**НЕ СОШЛИСЬ
ХАРАКТЕРАМИ...**

Я прочитал статью К. Андреева «Не хочу так работать» и подумал о ребятах, которые после службы в армии не возвращаются к своим станкам. Таких немало. А как нашему заводу не хватает станочников, сколько средств тратится на их обучение! Вот уже скоро десять лет, как я работаю на предприятии, и понимаю, что причины, по которым увольняются, не возвращаются после службы, разные. Бывает и

**А
они
не
возвращаются...**

так, что условия труда хорошие, технология прогрессивная, а человек тем не менее решает распрощаться с заводом. Задумываюсь — отчего?

Совсем недавно я обучил Володю Шалашова. Станки наши рядом, и я вижу, какую деталь он обрабатывает и на каких оборотах. Парень трудолюбивый, все схватывает на лету; не раз был победителем в соревнованиях. В общем, чувствую, отличный фрезеровщик получится. Но вот однажды спрашиваю: «Ты-то после армии вернешься в цех?» Отвечает: «Не знаю». В подобных случаях «не знаю» часто равнозначно слову «нет»... Копаться тогда в душе у парня не захотелось, но его ответ — совершенно неожиданный для меня — заставил о многом задуматься, прежде всего о себе, своей роли наставника.

Вспомнил, как Володя говорил, что в нашей работе «ни ума, ни фантазии не требуется, знай крути ручку делительной головки». Хотя работа на нашем участке разнообразная, но вот беда — мелкосерийная, и все простые детали. Это Володю и отталкивает.

Но мои-то наставники, Михаил Чуйкин и мастер Николай Александрович Макаров, — они же, кроме умения работать, привили мне и любовь к профессии. Так почему же я не смог привить то же своему ученику? Всегда помогал ему и словом и делом...

Впрочем, если быть откровенным, всегда ли? Иногда, чего греха таить, нервы подведут — ну, и всплывет вдруг. Знаете, когда с планом запарка или еще какие неурядицы. Бывало, подходит Володя ко мне, а у меня самого что-то не ладится. Вот тут и пробеги «кошка черная» между нами, накричишь на него ни за что. Потом вспомнишь, что ведь сам был учеником, подойдешь к нему, начнешь объяснять, что к чему. Парень веселеет, вновь смотрит с улыбкой. Да ведь сделанного не воротишь, неприятный осадок у него в душе остался. Нечасто, конечно, такое бывало, но ведь недаром говорят, что одна маленькая капля переполняет чашу.

И потом, когда на мой вопрос о своих планах после армии ответил: «Не знаю», — может, он просто ждал от меня как от наставника чего-то: допустим, чтоб я сказал, какой он классный фрезеровщик и как нужен цеху, или просто ободряющего слова? Мне же не захотелось или просто поленился «копаться в душе у парня». Вот теперь и гадай: вернется он из армии в цех или нет... Делу-то я его обучил, но что в этом толку, если не заронил ему в душу интереса к профессии. И причина, наверное, не только в характере ученика, но и в характере наставника. Видимо, не хватило выдержки, терпения или проницательности.

Уходя с завода, человек обычно называет какую-либо простую и понятную причину: заработок не устраивает, условия труда, ездить далеко и т. д. Думаю, это не всегда искренне. Но не будешь же в самом деле говорить начальнику цеха или отдела кадров о том, что не устраивает характер наставника. Вроде даже несерьезно как-то. А ведь это тоже причина, и немаловажная. И нам, наставникам, не надо лениться заглядывать в душу учеников. Свои собственные поступки, свой характер тоже надо почаще анализировать — ведь нельзя допускать, чтобы твоё плохое настроение отражалось на живом человеке. Такой вывод для себя я сделал из истории наших взаимоотношений с Володей Шалашовым. Если не вернется он к нам в цех — большую часть вины буду видеть в себе самом...

Александр ЛОБАЧЕВ,
фрезеровщик завода
«Красное Сормово»,
член бюро
Горьковского обкома ВЛКСМ

КАК СБЕРЕГЛИ... ЗАВОД!

Теплоозерск — отдаленный рабочий поселок. Но все-таки он не глубинка: буквально под нашими окнами проходит главная дорога страны — Транссиб, Транссибирская железнодорожная магистраль.

Есть у нас вокзал и есть перрон. И вот с ними у поселка долгое время были связаны самые безрадостные дни, потому что возможность легкого передвижения определяла всю его жизнь. Теплоозерск — это прежде всего цементный завод, а все окрестные сопки сложены из отличного известняка. Люди приезжали, осматривались... и уезжали. Взамен приезжали

Вернется ли в цех Володя?

Что оттолкнуло новичка?

«Черная кошка»... во взаимоотношениях.

В чем вина наставника?

Не ленись заглянуть в душу ученика. Почаще анализируй свои поступки.

Кто ходит с «бегунком»?

Если быть откровенным...

другие. И они уезжали, так никому и не запомнившись. Я как-то спросила напарника, который радостно собирал подписи на «бегунке», почему он так быстро уходит. Тот махнул рукой:

— Что есть Теплоозерск? Серое небо, серая жизнь... Нужно, Надя, жить красиво... Будешь возражать?

Нет, я не возражала. Сейчас вспоминаю, как однажды мне подарили астры, серые от цементной пыли... Нужно было поддержать цветы под водопроводной струей, чтобы проявился подлинный их цвет. Ясное дело, цементное производство чистым не назовешь, но в поселке и правда все было серым — не только налет на цветах. И небо.

Сейчас, годы спустя, я понимаю, что те люди с вокзала тоже были правы, но в правде своей они не были бойцами. Но их вялой жизнью жила тогда и я. Смена с плеч — вот и хорошо, вот и к получке ближе. И шли мы на ту смену и с той смены, утопая по циклотки в цементной пыли, въедливой в кожу, вязкой в дождь. Шли да шли. А куда?

Завод в начале семидесятых годов был на грани закрытия. Оно и понятно: себестоимость цемента была высокой, марка низкой, и вообще, зачем отрасли заводик, на котором в полную нагрузку трудился лишь отдел кадров? Да и я в начале своего трудового пути никак не думала, что станет завод мне близким и родным. Родным — по каким таким признакам? Близким — это еще за что?..

Недавно, в канун тридцатилетия завода, Хабаровский крайком партии провел в Теплоозерске представительный семинар руководителей промышленных предприятий. Речь шла о том, как жить и трудиться в наши дни. Небо над поселком в дни семинара было голубым, улицы — чистыми, а из труб валил светлый, почти невидимый дым. Показуха? Так, как было, к примеру, по соседству — на известковом заводе? Там ждали начальство, что могло при случае и «снять стружку». По этой причине остановили на сутки завод, и все три смены орудовали метлами: доводили до «кондиции». А чистота та, что и шило в мешке... Но и такая показуха не вымоет неба. А у нас жилищно-коммунальный отдел завода только подкрасил свой недвижимый фонд в салатный цвет, а фундаменты отделил синью. И после такого туалета поселок еще шире заулыбался, заулыбался во весь ряд своих домов. Вот и все приготовления к семинару. Все, если не считать 6—7 предшествующих лет.

Что было? Готовился к закрытию завод, один из ста в отрасли, бесперспективный завод, какие-то полпроцента от общего вала. Поселок как-нибудь пережил бы это закрытие, вернулся бы к земле, поразвезался бы по другим местам. А каково государству, если учесть, что не сопки вокруг Теплоозерска, а буквально золото... Замечательный цемент давать можно!

Сейчас вспоминают, что толчком стала поездка делегации теплоозерцев в Ангарск, на родственное предприятие. И вот ходили рабочие и специалисты по заводу, не пятая белых рубашек, не обувая болотных сапог. И стены в цехах сверкали белизной, а в комнатах отдыха, что у нас по причине домино звались «козлятиками», дню и ночью пытели титаны, грея чай, звучали радиолы, а на зеленом сукне столов лежала свежая пресса. «Можно подумать, — усмехнулся кто-то из наших, — вы выпускаете не цемент, а хлеб». «Ага, — походя кивнул провожатый, — хлеб. Хлеб промышленности». Задело — ведь и у нас хлеб...

А может быть, все началось с того, что новый директор выслушал на планерке доводы специалистов о неизбежности прорывов в производстве, но не стал выступать, а молча повесил на стенку, позади себя, табличку: «Кто хочет что-нибудь сделать — находит средство, кто не хочет ничего делать — находит причины». Началась ломка, не только техническая, а скорее всего моральная. Сейчас вижу: ржавчина была не в узлах машин, а в душах. Инерция пассивности управляла людьми...

Недавно к нам приезжали ангарцы с ответным визитом. «Это, — говорят, — у вас лучше... И это... Отставали, отставали и ...» Коротко отвечали, пожмая плечами: «Реконструкция».

Вроде бы начали с малого — перевели печи с разных марок угля на одну, а затем и совсем отказались от угля — мазут оказался экономичнее и надежнее.

Потом начали капитальный ремонт печи. И не просто отремонтировали. По нашей собственной инициативе к существовавшему фильтру вращающейся печи № 1 добавили третье поле. Это была разработка наших заводских специалистов. В итоге: коэффициент полезного действия фильтра увеличился на пять процентов против проектного задания. А мы узнали, как это здорово — уметь работать лучше, чем предусмотрено заданиями. Совсем другое самочувствие.

А ведь внешне осталось вроде бы все то же.

Пыль на астрах.

Завод был на грани закрытия...

Как готовиться к встрече начальства?

Показуха или настоящая работа?

Разве у нас хуже?

«Кто хочет что-нибудь сделать — находит средство, кто не хочет ничего делать — находит причины».

Хорошее самочувствие — откуда оно?

Издали, уже на подъездах к Теплоозерску, видишь рукотворные облака, что исходят из труб и цепляются за вершины ближних сопок, а по утрам ложатся легким туманом на росные травы. Журналист краевой газеты сравнил как-то эти дымы с джином, вырвавшимся из бутылки. Но ведь сейчас-то это уже укороченный джинн — одна из труб «дышит» уже только бледным парком. А скоро так задышат и другие. И уже нет у нас на астрах пыли...

Так в старые стены входило новое содержание. Сменилось и оборудование, стало более совершенным. Скажу по себе: в какой-то момент была робость перед ним — ощущала нехватку знаний. А ведь работала я уже не первый день — пятый год. Поступила в наш индустриальный техникум, окончила его, стала по диплому техником-технологом, но со своего рабочего места не ушла. Работа сейчас от нас знаний требует. Но не только. Другой у нас к ней подход теперь. И понятно: растущему производству требуются растущие люди. И сейчас у нас каждый третий — рационализатор. В общем, не только оборудования коснулась реконструкция. Люди ощутили необходимость и возможность другого отношения к работе...

А вот и результат: два года назад впервые аттестовали на государственный Знак качества наш портландцемент марки «600», а сейчас этот знак высшего отличия носит вся продукция, все пять марок цемента, выпускаемого нашим заводом. При этом снизилась и себестоимость продукции. Плановая работа коллектива отмечена не только в крае, но и в стране — дипломом ВЦСПС и Госстандарта СССР. Вот уже 22 квартала подряд удерживаем первенство в отрасли.

Скажу еще о себе: и в жизни больше я стала понимать. Как к депутату идут и идут люди. Бывают, обращаются за содействием. Но помогаю не всегда, иногда не считаю нужным помогать. Не секрет, что есть еще такие граждане, которые хотят прийти к своему маленькому счастью, не думая о счастье других. Ему и квартиру побыстрее и льгот побольше...

— Хочешь получить квартиру побольше да поуютней? — спрашиваю в таком случае. — Так получай. Но поработай сначала, как Алексей Боштовенко: ему завод выделил новую квартиру вне всякой очереди — за неоднократное лидерство в социалистическом соревновании...

Тридцать лет Алеше Боштовенко, чуть побольше, чем мне, а он уже глава династии: три брата и сестра трудятся на заводе. Младшему из династии — семнадцать лет. Саша окончил поселковое ПТУ, а распределяться в Хабаровск не захотел. «Ну и что, что Хабаровск — краевая столица? И у нас в Теплоозерске не тихо, поезда гудят, делегации ездят...» Это такой довод он приводил в дирекции, прося сменить направление. Будет толковым рабочим, раз ощущает родину с малолетства.

У сопки стоит завод. И что ни день, уходит из его ворот состав с цементом, полногрузный, с весомым грохотом на стрелках. Вот-вот перевалим рубеж в миллион тонн цемента в год, и какого цемента: высокомарочного, лучшего в отрасли. Недавно на доске объявлений повесили телеграмму из поселка гидростроителей на Зее: «Низко кланяемся за высокую марку, плотины из вашего цемента перестоят пирамиду». И это тоже награда, как орден «Знак Почета», врученный заводу по итогам девятой пятилетки.

Телеграмма адресовалась руководству, а читалась всем заводом. Так у нас всегда: и труд на всех один и радость на всех одна. Полная гласность во всем. И мы давно привыкли, что уже наутро знаем, как поработали вчера, причем не только как всем заводом сообща, а в отдельности тоже... И вот сейчас, думая о постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы», я вижу, что наше предприятие — простой и ясный пример правильности такой политики.

Вот он, поселок, высится на зеленых сопках белокаменными кварталами, балконы домов увиты яркими цветами, проезжающим виден плакат на лобастом взгорке: «Теплоозерск борется за звание поселка коммунистического труда». Пусть посмотрят и запомнят люди, что есть на «нашенской» земле такой поселок с хорошим названием Теплоозерск, приметный озером, что дало поселку имя. Быют в нем чистые ключи, да так быют, что и в зиму то озеро не замерзает.

Надежда КОСЬ(РЕВА,
машинист сырьевых мельниц
Теплоозерского
цементного завода,
депутат Хабаровского
краевого Совета
народных депутатов

**Робость —
от нехватки
знаний.**

**Растущему
производству
требуются
растущие люди.**

**Всем ли
надо
помогать?**

**Главе
династии —
тридцать
лет.**

**Долговечнее
пирамид.**

**Гласность —
во всем.**

**За что
борется
Теплоозерск?**

А ПО-МОЕМУ, ТАК НЕ БЫВАЕТ...

Скажу прямо: статья К. Андреева «Не хочу так работать» меня очень удивила. По-моему, таких цехов у нас уже давно нет. Цех, описываемый К. Андреевым, вызывает в памяти 30-е годы, когда в промышленности действительно зачастую практиковалась «самодеятельность». Но тогда в этом была жизненная необходимость. Сегодня же такой необходимости нет.

Сейчас в цехе, на заводе прежде всего нужна грамотная организация производства. Именно она решает все. И в большей или меньшей степени она есть на всех заводах страны. В цехе же, где работает К. Андреев, все до сих пор определяет «самодеятельность». Посудите сами: одни рабочие выбрасывают станки за негодностью, а другие подбирают, ремонтируют их и устанавливают в цехе. Инженер же цеха выступает при этом в роли... свидетеля. Он, видите ли, спрашивает у рабочего: «Почему не прошишь новый станок?» Что это за инженер такой? Всякий инженер в цехе должен и может запретить работать на станке, требующем ремонта, добиться прежде всего, чтобы станок отремонтировали. Но в цехе К. Андреева полновластный хозяин не технического руководство, а все та же «самодеятельность». Конечно, опытный рабочий и на неисправном станке может добиться неплохих результатов, но ведь мы трудимся на организованном производстве. Производство без организации труда сейчас может принести только вред. Так что, может быть, правильнее добиваться организации, а не восторгаться «самодеятельностью» рабочих и уповать только на нее?

На современном предприятии мастер смены видит все: и как работает рабочий, и как он загружает станок — и, заметив беспорядок, обязательно исправит его. Должен, обязан исправить. И именно у мастера рабочий выясняет все неясности по заданию, а не бегаёт к нормировщикам. Все просто, четко, отлажено. Там же, где «самодеятельность», — каждый выходит из положения по-своему. А ведь всего-то достаточно выполнять свои обязанности. Правда, для этого нужно сначала их точно определить. А то захотелось рабочему заработать — и он просит у мастера поработать сверхурочно. А кому нужны сверхурочные сами по себе? Мастеру? Начальнику цеха? Да, к ним прибегают, но это в основных цехах, в конце месяца, когда «горит» план, а не так, чтобы захотел поработать сверхурочно — пожалуйста. Так что если «самодеятельность» развязывает руки рвачам, то организация труда по ним бьет.

Мне лично кажется, что всякий рабочий любит свой станок, свой завод, стремится совершенствоваться в своем мастерстве, не быть хуже других. Тут есть что-то спортивное, а оно, по-видимому, прочно заложено в человеке.

К хорошему рабочему на предприятии всегда особое отношение. На него никто не будет кричать, его никто не станет ругать — специалистов своего дела у нас очень уважают. А лодыря, случайного человека в цехе может обругать и свой брат рабочий. И это закономерно. Ведь если я работаю в цехе, я знаю и вижу, кто что и как делает. Каким бы большим цех ни был. И если я вижу несправедливое распределение работы, то мастеру я об этом обязательно скажу. Да и каждый скажет, по-моему. Бояться тут нечего.

Так что по поводу статьи К. Андреева сказать можно много. Но, на мой взгляд, в цехе, о котором он рассказал, во-первых, нет элементарной организации труда. А во-вторых, трудом рабочих там никто не руководит. Одну «самодеятельность» К. Андреев хвалит, другую «самодеятельность» страстно ругает. А по-моему, ни той, ни другой на нормальном современном предприятии нет и быть не должно. Так что многое в его выступлении просто нехарактерно для большинства наших предприятий.

Интересно, разделяют ли мою точку зрения другие читатели?

Сергей СОЛОВЬЕВ,
г. Днепропетровск

**Разве есть
такие
предприятия?**

**«Самодеятельность»
вместо
организации.**

**Кто же
в цехе
хозяин?**

**А зачем
работать
на
неисправном
станке?**

**Сверхурочные
по собственному
желанию?**

**Что
развязывает
руки
рвачам?**

**Специалист
или
случайный
человек?**

**Главный
враг —
неразбериха.**

**А вы согласны
со мной?**

Сергей РЫБАКОВ,
Николай ХЛЕБОДАРОВ,
специальные
корреспонденты
«Смены»

Арктику и Антарктику справедливо называют «кухней погоды» на планете. Эти сверхгигантские природные «холодильники» не только «создают» циклоны и антициклоны, но и, охлаждая воды окружающих морей, «гоняют» в Мировом океане причудливые языки подводных течений. Долгие годы «ледяные шапки» планеты изучались практически с поверхности, но ученые заметили, что на формирование погоды не меньшее влияние оказывают всевозможные течения. Научные исследования позволяют утверждать, что и бурная подводная жизнь (даже в тропических морях) связана с притоком глубинных холодных вод. Ярким примером может служить Перуанское течение, температура которого почти на десять градусов ниже, чем в окружающих водах. Любопытно, что только это течение дает одну пятую мирового улова рыбы.

Глобальные подводные исследования — дело будущего, а пока в научных

нея, превратилась в южное ночное небо. Я ощутил блаженное чувство невесомости и стал мало-помалу травить фал — единственную ниточку, связывающую меня с поверхностью. Сквозь молочную темно-синюю пелену вижу подводную часть льдины с трещинами, уходящими в черную бездну. Жутковато: вдруг эта льдина — айсберг? Кстати, все дрейфующие станции в Арктике базируются на айсбергах — самых надежных ледяных площадках, которые впервые заметил Роберт Пири в районе Земли Элсмир. Позже советские полярные летчики находили в Арктике целые ледяные острова размером 32 на 28 километров и толщиной более 60 метров. Под такой горой можно и выхода наверх не найти в лабиринте подводных трещин. В бирюзовой воде перед глазами проплывают темнобрюхие сайки, у которых глаза светятся, как рубины. Видимо-невидимо разных рачков, пылеватыми облаками висят они в лучах, пробивающихся через лед, который служит своеобразной линзой.

Даю сигнал: «Все нормально». Медленно погружаюсь. Уши закладывает, как при взлете самолета. Становится холодно, хотя на мне под гидрокостюмом — пуховое белье и шерстяные свитер и рейтузы. Страшно и от неизвестности: что там, в бездне?

Сверху, на льдине, все было вроде благополучно, но снизу я уже вижу, что несколько трещин скоро «разор-

принесли множество сюрпризов. Холодные воды просто кишели различной живностью, прекрасно «цвел» планктон, и даже киты и касатки посещали эти места. Приспособленность подводного мира к суровым условиям оказалась настолько совершенной, что ученым пришлось заново пересматривать свои взгляды...

...Резкий голос руководителя подводных работ звучит откуда-то изда-лека:

— Пора заканчивать! Всплывай осторожно! Могу сообщить некоторые данные о месте погружения: глубина 65 метров, температура воды 0,8 градуса, в пробе воды содержится 34 грамма солей. На поверхности вода имеет температуру на градус ниже. Бери пробу грунта и всплывай!

Не удивлен, что голос Станислава звучит на высотах лирического тенора: сказывается эффект глубины. Всплываю долго, поэтому, чтоб скоротать время, вспоминаю, как открыл для себя совершенно новый мир, закончив спортивную подводную школу «Дельфин».

Руководит подготовкой спортсменов и исследователей Прапор, опытный подводник, побывавший с аквалангом в 14 морях. Он разносторонний спортсмен, что очень помогает ему справляться с неожиданностями подводного мира. Несколько погружений в Черное море сделали меня поклонником этого увлекательного вида спорта. И не только меня. Более восьмисот

в 162 точках на неизведанных льдах. На одной из таких точек я и нахожусь.

Моя задача — провести съемку только в одной точке огромного Арктического бассейна. Но вместе с другими исследованиями она даст широкое представление о температурном режиме во всей водной массе, колеблющейся от нескольких метров до пяти километров, о степени солености и плотности жидкости, ее химическом составе.

Наблюдения за температурным режимом вод в Северном Ледовитом океане показывают, что сразу под льдами находится собственно полярная вода, температура которой близка к точке замерзания; чуть глубже — слой более теплой воды, имеющий повышенную соленость, в самом глубоком слое температура опять понижается. Средний — самый теплый — слой учеными рассматривается как продолжение ветвей теплого течения Гольфстрим.

В свое время советские ученые открыли подводный хребет Ломоносова, который разделяет всю котловину Северного Ледовитого океана — от Земли Элсмira до Новосибирских островов — на две части. Даже льды дрейфуют в этих котловинах в разные стороны, а подводные течения мигрируют еще причудливее. По остаткам морских организмов и анализу проб грунта советские геологи установили, что за последние 50000 лет приток теплых вод в Северный Ледовитый океан прерывался во времена оледенения, а около 100 миллионов лет назад

К тайнам звух океанов

программах исследования Арктики и Антарктики предусматриваются лишь одиночные спуски аквалангистов в их прибрежных водах. Работа эта новая и носит экспериментальный характер. Количество аквалангистов, взглянувших на дно Арктики и Антарктики, можно перечислить поименно. Среди них и специальные корреспонденты «Смены» — опытные подводники Николай Хлебодаров и Сергей Рыбаков, которые совершили уникальные погружения на разных концах одного меридиана — 90 градусов — в Карском море и море Дейвиса, откуда и ведут свои репортажи.

Николай ХЛЕБОДАРОВ. Одевали меня втроем, но сквозь запотевшие стекла гермошлема я видел лишь чьи-то уверенные движения и слышал четкие команды, приглушенные тканью гидрокостюма.

— На глубине «держи воздух», — ставляет руководитель подводных работ Станислав Прапор. — Будешь прыгать, как на Луне...

Спускаясь под лед, я знал, что еще гидробиолог Петр Ширшов во время дрейфа в Арктике обнаружил подо льдом множество мельчайших существ и мелких растений — фитопланктон, основу жизни многих организмов. Значит, даже толстый слой льдов не препятствует фотосинтезу. Но есть ли жизнь на дне? Многие сомневались: природный холодильник все же!

Гулко плеснула вода за спиной, и длинные ряды торосов — этот белый хаос — как бы опрокинулись в бирюзовую воду, которая, постепенно тем-

вует» ее на части в самом нежелательном месте. Знали бы мы об этом несколько дней назад — не разбили бы на ней лагерь. С аэродромом теперь наверняка ничего не выйдет, неизбежны потери приборов, «намертво» установленных подо льдом.

Приступаю к работе: определяю направление подводного течения и его температуру, передаю наверх свою оценку состояния подводной части льдины и структуры льда. Дальше придется брать грунт со дна. Глубиномер показывает 53 метра. Выплываю на светлое пятно и неожиданно вижу дно. Пейзаж ошеломляет: каменный хаос, глыбы заросли причудливыми водорослями и губками, кругом плавают незнакомая мне живность. Слабый дневной свет едва пробивается сквозь мутную пелену. Включаю светильники. Из молочного тумана выплывают причудливые морские звезды, странные «грибы», настоящие «шары», похожие на перекачи-поле. На свет бросаются довольно крупные рыбы, мешая вести съемку. А мне еще необходимо взять образец горной породы, замерить температуру воды на дне...

Совсем недавно даже ученые называли подводный мир таинственным «миром безмолвия», «миром без запахов», «миром без солнца», а холодные воды Арктики и Антарктики — практически безжизненными. Однако все это оказалось не таким: и рыбы не прочь «поболтать», и акулы «чуют» добычу по запаху за несколько километров, и солнце согревает и освещает подводный мир. Первые же погружения под лед на «макушках планет»

человек заканчивает спортивный подводный клуб «Дельфин» ежегодно, а в летних подводных экспедициях участвует до трех тысяч его воспитанников. Пока это единственный в стране клуб, где готовят аквалангистов для развивающихся отраслей науки: ихтиологии, археологии, геологии, биологии и многих других, в которых специалист обязан владеть и навыками опытного подводника для работы в акваториях морей и океанов. И в эту северную экспедицию пригласили опытных подводников из клуба «Дельфин».

Да, человек очень энергично взялся за изучение Мирового океана. Может быть, потому, что понял наконец: в океане есть все, что нужно для жизни. И все это можно добыть.

Физика, биология, геология — вот главные объекты внимания современной океанографии — науки настоящего, но особенно будущего. Жить на планете, которая на три четверти покрыта водой, и оставаться существом сухопутным — это не удел человека. Настала пора смело вторгаться в Мировой океан с тем, чтобы познать его и заставить служить человечеству.

Однако познание начинается с измерения, поэтому океанографическая съемка Северного Ледовитого океана, осуществляемая по Международной программе «ПОЛЭКС-Север», стала первым и уникальным явлением. Съемка началась одновременно с западной и восточной сторон океана, с мысов Шмидта, Челюскина, островов Средний, Диксон, Земля Франца-Иосифа. Специалисты высаживались

на месте океана вообще была обширная суша. Эти геологические факты добыты огромным трудом, но еще большая работа впереди.

Огромный интерес для будущего представляют сейсмические явления, отмеченные в западной части котловины. Установлено, что пояс землетрясений тянется от Исландии через Гренландское море к Шпицбергену, а затем вдоль сибирского побережья к морю Лаптевых, откуда переходит на Верхоянский хребет и смыкается с главным сейсмическим поясом планеты — в Тихом океане. Исследование этой особенности Арктики — огромная научная задача будущего, которая может открыть совершенно новые перспективы поисков всевозможных полезных ископаемых. И грунт, поднятый со дна, — это тот «ключик», который помогает геологам «заглянуть» глубоко в недра.

...Наконец шлем наполнился туманом. Стало прохладно. Это я перешел «точку росы».

— Нельзя ли всплыть поскорее? — спросил я. — Туман, ничего не видно!

— Декомпрессию прошел! — ответил Прапор. — Можешь всплывать быстрее!

Взглянув наверх, я увидел сквозь прозрачную воду синеву неба. На радостях даже забыл стравить воздух. Не успев опомниться, я поплавок вылетел на поверхность. Хотя кругом было белое безмолвие, все же обрадовался, что благополучно покинул холодную и все еще неудобную толщу Арктики.

Невольно вспомнились слова отважного первопроходца Арктики Роберта Пири: «В Арктике шансы всегда против исследователя. Незримые хранители тайны обладают неисчерпаемым количеством хозырей, которые они предьявляют смельчаку, дерзнувшему вступить с ними в игру. Жизнь там собачья. Но работа достойна настоящего человека...»

И все же жить в Арктике надо, а работать просто необходимо, поэтому на затерянной в океане льдине работает горстка людей, опуская до самого дна ровную цепочку приборов с тяжелым батометром, который фиксирует температурный разрез всей толщи. Из каждого прибора — проба воды: хим-состав, плотность, температура, содержание примесей и органики. Посреди Северного Ледовитого океана рождается наука, раскрывающая тайны белого безмолвия.

Сергей РЫБАКОВ. За двадцать с лишним лет исследования Антарктики биологами был собран значительный коллекционный материал из многих прибрежных районов. Были описаны сотни новых для науки видов животных и водорослей. Однако оставалась неисследованной флора и фауна у самых берегов Антарктики, где она находится, казалось бы, в крайне неблагоприятных условиях (предельно низкие температуры, тяжелые ледовые условия, короткий период солнечного освещения). Первые же спуски под припай позволили обнаружить уникальную фауну, поразившую ученых своим обилием и разнообразием.

В составе одной из групп гидробиологов-подводников антарктической экспедиции удалось поработать и мне. Моей главной задачей являлась фото-съемка.

Как это ни парадоксально, но нырять со льда в воду в суровых условиях Антарктиды оказалось значительно проще, чем в любом другом месте спускаться со шлюпок или корабля. Холод и ветер не заставляют водолаза лезть отогреваться под воду, как это бывает почти всюду. Прорубь в толще льда, правда, трудно, но зато на него можно поставить палатку и пользоваться ею довольно долго.

Придерживаясь за край проруби, я смотрю вниз. Кажется, что между маской и дном пустота. Очень непривычное ощущение — кружится голова, как будто стоишь на краю пропасти. Шевелю ластами, чтобы приобрести начальную скорость, а потом по инерции скольжу вниз. Поддерживая отрицательную плавучесть, словно парашютист, парю над дном. Вода морей Антарктиды, кроме летних месяцев, исключительно чиста и прозрачна. Водолаз виден из проруби даже на глубине до 60 метров. Аквалангист наблюдает снизу прорубь так же четко, как астроном Луну на темном небе. Снизу лед напоминает свод гигантской пещеры, края которой растворяются в сиреневой дымке. Фиолетовый кристалл воды пронизан лучами света, повторяющимися очертания трещин и образующими световой лабиринт. Течение медленно несет планктонные организмы, поражающие необычной формой: большинство имеет многочисленные ножки, щетинки, усики, глаза висят на стебельках. Встречаются медузы гигантских размеров.

Проплыв из проруби к острову, я очутился в сказочном ледяном царстве, в изящных хрупких кустах ледяных кристаллов. Интереснейшее явление — образование донного льда. На глубине 8—10 метров везде от берега спускались пирамиды и замки из острых плоских кристаллов, пересекавшихся под разными углами. Под натиском льда часть животных отступила на глубину, а других он просто «захватывал» и всплывал под припай вместе с вмержшими животными.

Классическое ледоведение считало, что лед нарастает зимой, а стает летом. Однако наблюдения за подвод-

ной частью льдов показали, что нижняя его поверхность не увеличивается даже в самые суровые морозы. Лед, оказывается, стачивается подводными течениями. Вообще процесс образования льда — ключ ко многим тайнам.

Порой столбик льда помогает проникнуть не только в тайны Антарктики, но и в прошлое всей планеты. Гляциологи утверждают, что, изучая лед, можно установить состав воздуха во времена... Колумба или реконструировать климат и его «капризы» за прошлые века. На разных глубинах в подводной части айсбергов можно найти частички грунта, по которым вполне восстанавливается история рождения и возраст ледяного острова. Один из знаковых океанологов заметил, что теория — правая рука науки, а левая — наблюдения. Так что без наблюдений за льдом, без сведений о динамике его таяния уже нет и полноценной науки. Никто и никогда не занимался систематическим исследованием льдов из-под воды, особенно у полюсов. Новый раздел науки о льдах можно уже назвать «подводное ледоведение»...

...Донный лед вплотную примыкал к полям морских ежей и звезд самых различных размеров и расцветок. Звезды, усыпанные яркими пятнами, достигают в поперечнике 30—40 сантиметров. Ежи несут на иглах толстые подушки из красных водорослей, предохраняющие их от нападения морских звезд. Среди ежей и звезд поднимаются розово-оранжевые кустики альционарий, а россыпи камней покрыты пушистым светлым ковром непонятных «мохов». Мой взгляд привлекли нежные цветки, но стоило протянуть руку, как они ловко прятались внутрь своих тонких стебельков. На глубине 40 метров я попал в царство асцидий — животных, напоминавших высокие вазы. Несомненно, самые красивые из всех донных животных — это прекрасные нежные существа актинии, напоминающие распутившиеся цветы хризантем или георгинов. Сходство, конечно, чисто внешнее. Это не цветок, а хищник. Цилиндрическое тело актинии нижней частью плотно прикрепляется к скале, а многочисленные щупальца постоянно находятся в движении в поисках добычи.

Залюбовавшись живыми цветами, я забыл, что нахожусь на глубине 45 метров, где уже начало подкрадываться глубинное опьянение. Воздух становился густым и вязким, с привкусом металла. Наверное, пора подниматься! Помедли, я все же раскинул руки и спланировал к сплошным зарослям арктических губок. Они переливались всеми цветами радуги. Я находился в каком-то сказочном музее с фантастическим количеством цветных экзотических экспонатов. Глубиномер показывал 58 метров. Становилось все холоднее. Глубина манила. Я вспомнил случаи, когда аквалангист, увлекшись экзотикой подводного мира, так и оставался там навек.

Как это ни обидно, но даже самая совершенная фотография не дает достоверного представления о подводном мире. Красивейшие подводные пейзажи оказываются на фотографиях плоскими, отдаленные предметы расплываются. Там, куда свет не попадает, остаются глубокие провалы и тени. Сияющее нежно-голубое пространство воды, в котором, как в дымке, растворяются массы животных и растений, выглядит при этом просто темным фоном. Много раз я наблюдал, как человек, просматривая подводные снимки, оставался к ним совершенно равнодушным или же начинал их вертеть, желая найти, с его точки зрения, приемлемое положение изображенного. Люди пока еще не подготовлены к восприятию подводного мира. Именно поэтому мы стремимся сделать фотографии с человеком. Там, где есть человек, все становится на свои места, у снимка возникает ориентация и масштаб. Однако здесь я был один, один под громадным ледяным панцирем Антарктиды!

С трудом подавив соблазн снять еще

несколько кадров, я начал всплывать. Теперь в поле зрения я держал только прорубь и медленно поднимался к ней...

Прошло более 150 лет после того, как человек впервые появился на этом континенте, однако и сегодня природа сохранила здесь свое первобытное состояние. Благодаря усилиям Советского Союза, США, Англии, Австралии и других стран в Антарктиде создается величайший заповедник живой природы. Природу этого континента принято называть суровой. Но летом Антарктида может быть прекрасной. Она поражает феерической яркостью и необычностью красок неба, моря и светящихся айсбергов. Лазурная гладь моря, слепящая белизна припая, красновато-коричневатые скалы, черно-белые доверчивые, как дети, пингины или похожие на голубку Пикассо белоснежные буреветки. Еще красивее — подводный мир.

Во многом еще не познанный, он не только способен прокормить человека, но и должен стать мощным источником полезных ископаемых. Однако на пути в океан много препятствий, как очевидных, так и скрытых: громадное, возрастающее с глубиной давление, токсическое действие кислорода и углекислого газа, наркотическое действие инертных газов, жесткие температурные условия и насыщенные газами организмы, требующие длительной декомпрессии, несовершенство дыхательной аппаратуры и даже нападение морских животных — вот далеко не полный перечень барьеров, которые надо преодолеть.

Известный астронавт Скотт Карпентер, проживший в подводной лаборатории «Силаб-2» 30 суток и систематически выходявший из нее на работу в толщу воды, по возвращении на поверхность заявил, что подводный мир более враждебен человеку, чем космос. Это заявление астронавта и аквалангиста не лишено оснований, иначе давно бы мы знали лежащий у наших ног океан не хуже обратной стороны Луны. К сожалению, человек не покорил еще и первых 50 метров водной толщи; глубина эта пока еще доступна только опытным подводникам.

...Казалось, никогда не кончится толстый слой голубой прозрачной воды, а так хотелось поскорее вырваться из царства опьяняющей красоты, поскорее ощутить под ногами бугристый лед, вдохнуть кристально чистый воздух. Но торопливость акваланту противопоказана. Метров за 15 до проруби я увидел, что в лунке плавает тюлень, выставив из воды голову и чуть шевеля задними лапами. Поднимающиеся из акваланга пузырьки воздуха стали цекотать его, он опустил голову и заметил меня. Видимо, я не был похож ни на одного из знакомых ему обитателей моря: кроме акваланга, выпускающего гроздь сверкающих и урчащих пузырей, у меня была камера для фотосъемки с двумя лампами на кронштейнах. Глаза тюленя моментально округлились, физиономия задержалась в полнейшем смятении, и бедняга в панике исчез под водой. В полном изнеможении я зацепился за кромку льда и, сдернув маску, жадно вдохнул вкуснейший воздух девственной Антарктиды, воздух Земли!

Все труднее и труднее «вырывать» у природы ее тайны. И хотя ученые вооружены мощнейшими исследовательскими судами, оснащенными современными приборами, последнее слово все же за человеком. Специалисту, пожалуй, одного взгляда достаточно, чтобы глубже и по достоинству оценить подводный мир, такой труднодоступный. Даже телесъемка не передает тех профессиональных деталей, которые необходимы ученому для выводов. Совершив два погружения на одном меридиане — 90 градусов, — мы хотели рассказать, что человек стоит лишь на пороге покорения таинственной среды — подводного космоса, который ждет своих первопроходцев, в первую очередь молодых...

Александр ТКАЧЕНКО

Олимпийская чаша

*Олимпийский рубез,
Олимпийский редут —
Это жест в предвкушении жеста!
И вот-вот друг на друга пойдут
Совершенство и совершенство.
Это бронза в предвкушении серебра,
Это золото в предвкушении высшего —
Честь, Славы, Добра,
Вместо веса тяжелого, лишнего.
Олимпийская чаша наполнена!
И вот-вот с места
Тронется шестине,
И вот-вот мы узнаем доподлинно,
Кто торжественно,
Кто уныло пойдет.*

Футболистам киевского «Динамо»

1.
*1943 год. Перед игрой:
«Мы играем сегодня против банды,
ребята,
проиграть или выиграть — нету вопроса.
Тот, кто выйдет на поле,
не вернется обратно,
Так что им играть, нам — бороться!
Нас трибуны узнают.
Но из ртов онемелых
не услышим брани шутилой,
напрасно.
Как всегда, мы играем в футболках
белых,
но на самом-то деле — в красных...»*

2.
4:1 в пользу киевлян.

3.
*Убили всех, одиннадцать убили.
И запасных, конечно, не забыли.
Мешают войнам игры здорово —
убили б юношей и все команды их
дворовые.
Чтобы флаг Советов навсегда
был спущен,
убили б всех наполненных грядущим,
да, встретив под Смоленском, Киевом,
Москвой
всех, кто с войны не воротились,
не долетели пули в год сорок шестой,
когда Мунтян и Бышовец родились!*

Дикий сад

*Сколько может продолжаться
этот долгий листопад?
Ведь давно пора прижаться
к голым веткам...
Дикий сад!
Я люблю тебя за темень,
ты безгрешно нелюдим,
Нервной, трепетной системе
как ты вдруг необходим!
Над пустынною скамейкой,
в первобытной кроне дуба,
я не думаю о смерти,
и печаль моя — не убыль.
И, входя в сплетенье веток
низких яблонь, низких вишен,
становлюсь я незаметным,
у ствола остановившись.*

ПОЛИВАЛЬЩИК

Говорливый студень родник, пробив склон небольшой горы, протекал посередине аула, щедро наполнял все арыки прозрачной водой и широко растекался вдали, в сизой степи. Аул Кайрак, обосновавшийся у благодатного источника, разумеется, никогда не испытывал нужды в воде. Его искони пользовались кому как приходило в голову: поливали сады и огороды, отводили в любом месте канавки и месили глину на саман, а иные даже купали в ней мелкий скот. Коли воды оказалось вдоволь, гусей и уток развело в ауле видимо-невидимо.

Пять лет тому назад совхозное руководство решило засеять широкую равнину за аулом клевером. Весть эта была встречена всеми сочувственно. «Ну и правильно,—рассудили аульчане,—не пропадать же добру. А лишний корм скоту не помеха». Так же вполне благосклонно отнеслись в ауле и к другой весте—о том, что поливальщиком клеверного поля назначен Жаманкул. «Ну, что ж,—поговаривали аульчане.—Кому же еще поливать поле, как не Жаманкулу? Директором совхоза ему все равно не стать...»

В первый же год клевер вырос на славу. Зеленое поле, распространявшее по всей округе душистый запах, восхищало не только скотину, но и людей.

До осени клевер косили четырежды. Возле совхозной фермы горой возвышались зеленые скирды, радуя сердца скотников. По всему району сразу заговорили о двухгодичном запасае. Жаманкул от неожиданной славы не чувствовал под собой ног. Его, принаряженного, горделивого, видели отныне все чаще на автобусной остановке. То он спешил на центральную усадьбу, то в район на какое-нибудь совещание. В районной газете появилось несколько заметок с его портретом. «Взошла счастливая звезда Жаманкула»,—говорили в ауле. Но счастью его никто не завидовал.

Беда подстерегла аул уже на следующий год. Ни с того ни с сего родник захирел. Оскудели вмг обычно переполненные арыки. Люди встревожились, зароптали. Одни привычно обрушились на совхозное начальство. «Ишь умники! Позарились на крохотный родник. Клевера дармового захотелось. Небось, и без этого клевера совхозный скот не подоит бы. Зато были бы с водой». Другие во всем обвиняли одного Жаманкула. «Это он трепанул на собрании, будто собирается косить нынче пять раз. Язык-то у него без костей, вот и мелет что попало. Мало, что ли, ему было прошлогоднего клевера?! Кто его, болтуна, за язык тянул? Посмотрим еще, сколько он накосит!»

Словом, наступили для беспечных кайрактинцев беспокойные времена. И, казалось, один лишь Жаманкул спокойно занимался своим делом. С ранней весны пропадал он на клеверном поле. Чистил арыки. Правил кетменем канавки. И снова клевер взошел густо, дружно. До первого полива в ауле царили мир да благодать.

С первого полива все и началось. Однажды на поминках, где, как водится, собираются и стар и млад, Жаманкул, картинно прислонившись плечом к стене, достал из-за пазухи блокнот в черном блестящем коленкоре. Аульчане затихли, предчувствуя что-то неладное...

— Миряне!—торжественно начал Жаманкул и вскинул над головой толстый блокнот в черном коленкоре.—В этой книжке записаны все дома нашего аула. Предупреждаю: разнобою с водой отныне положен конец. Поливать сады теперь будем строго по очереди и лишь один раз в месяц. Поняли? Те времена, когда иные поливали с утра до вечера и превращали свои участки в пруд, ушли безвозвратно. На полив отводится ровно один час. Ни больше ни меньше. Не уложился в этот час—пеняй на себя. Вот так! А чтобы не было недоразумений и стычек, будем руководствоваться вот этими часиками...—И Жаманкул поднял над головой древние карманные часы величиной с блюдце на длинной темной цепочке.

Аульчане озабоченно молчали. Многие только сейчас смутно почувствовали, что с Жаманкулом шутки плохи. Никто в ауле не предполагал, что у этого тихони столь властный и крутой нрав.

Вскоре Жаманкул обрушил свой гнев на гусей и уток, мирно плававших в арыке.

— Клевер—культура благородная, нежная,—сказал он.—Нельзя его поливать грязной водой. Так что, почтенные, сокращайте-ка поголовье пернатых.

Сокращать так сокращать. В ауле все начали забивать гусей и уток. Казалось, был объявлен месячник по заготовке битой птицы. Правда, никто особенно не огорчался. Аульчане целый месяц только и делали, что лакомились нежной гусятиной и утятиной, а кое-кто из остряков, вытирая ладонью жирные губы, благодарил Жаманкула, по воле которого так долго пировал аул.

Потом Жаманкулу не понравилось, что горделивые молодки берут воду прямо из родника.

— Вы, товарищи бабы, вовсе не райские девицы, что черпают живительную воду из источника Зем-зем. Вам ведь ничего не стоит споганить или затоптать родник. А вода из ключа и так еле сочится. Нечего вам туда шляться, гремя ведрами. Берите воду из арыка!

Языкастые бабы, которым палец в рот не клади, почему-то не осмеливались схлестнуться с Жаманкулом. Их только и хватало на то, чтобы проворчать что-то невнятное ему вслед.

Вот так нежданно-негаданно пятьдесят дворов кайрактинцев оказались в полной зависимости от поливальщика Жаманкула. Аульчане аксакалы, обмениваясь новостями со сверстниками из других аулов, глубокомысленно говорили о духе Жаманкула, витающем отныне над Кайраком.

Молодой литератор из Казахстана Тынымбай Нурмагамбетов был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей. Первое его произведение на русском языке было опубликовано в «Смене» в 1975 году—повесть «Прощай, ата». За нее Тынымбай был удостоен годовой премии нашего журнала.

Мы продолжаем внимательно следить за творчеством писателя и предлагаем вашему вниманию, читатель, его новый рассказ «Поливальщик».

Между тем поливальщик, познав вкус власти, уже не знал, к кому и как придаться. Теперь его приводила в ярость вода в ведрах и флягах у порога каждого дома.

— Дай вам волю—вы каплю воды не пустите на клевер,—ворчал он на аульчан.—Это куда годится—у каждого входа по три ведра стоят! Сто пятьдесят ведер на один аул! Сколько земли можно поливать этой водой, представляете? Если вы не образумитесь, я распоряжусь, чтобы в магазинах не продавали больше ведер. Тогда посмотрю, как вы будете запасаться водой! Тогда, может, оставите родник в покое.

Аульчане от удивления только цокали языками да хватались за воротник и взывали к милости аллаха. Старики поговаривали: «Помните наши слова, добром это не кончится». Кое-кто спешно вырыл во дворе колодец, предпочитая обходиться без привычной родниковой воды, лишь бы не иметь дело с не в меру ретивым поливальщиком.

Старики оказались правы: добром это не кончилось.

Шел как-то Жаманкул вдоль головного арыка к роднику. Шел степенно, важно, зорко оглядываясь вокруг хозяйским оком. Брови его были нахмурены, зрачки в глубоких глазницах поблескивали сурово.

Вообще в ауле и раньше поговаривали, будто взгляд Жаманкула обладает недоброй магической силой. Первым распустил этот слух его же сосед—черный, круглый, как колобок, старичок. У него однажды пал теленок, и это несчастье колобок-старичок упорно приписывал глазу Жаманкула. Люди почему-то охотно поверили россказням старика. С тех пор при виде Жаманкула бабы прикрывали своих малюток подолом платья или поспешно вымазывали им лица сажей, оберегая их таким испытанным способом от дурного глаза.

Так вот шел не торопясь Жаманкул в тот злосчастный день вдоль арыка и вдруг увидел, как кто-то отвел почти у самого устья родника канаву и втихомолку поливал свой сад. Жаманкул вначале глазам своим не поверил. Он даже застыл, как вкопанный, от удивления. «Так это ведь грабеж посреди белого дня!—сказал он, опомнившись, вслух.—Я тебя, стервеца, кто б ты ни был, выведу на чистую воду!»

Жаманкул круто свернул, пошел вдоль канавки и вскоре убедился, что поливал свой участок вне очереди молодой тракторист Муртташ. Поливальщик ринулся было с кетменем в руке к его дому, но тут же одумался. Благоразумнее, пожалуй, было вызвать строптивца к себе и отчитать так, чтобы он отныне вообще забыл дорогу к роднику. Да и не к лицу ему, почтенному Жаманкулу, ходить в дом к какому-то мальчишке и затевать с ним на утеху аульчан перебранку.

Жаманкул подозвал мальчонку, игравшего возле сарая, и велел ему немедленно позвать Муртташа.

— Скажи, что сам Жаманкул требует его к себе!

В грозной позе, опираясь о кетмень, ждал поливальщик возле головного арыка. Ждать пришлось долго. Муртташ был недомерок, щуплый, невзрачный. Он плелся навстречу, будто считал в уме каждый шаг. Глядя на его походку, можно было подумать, что виноватым был не он, а сам поливальщик. Это вывело Жаманкула из себя. Забыв про степенность, он бросился ему навстречу с криком:

— Эй, ты, недомерок! Кто тебе дал право самовольно брать воду? Кто, я спрашиваю!

Коротышка Муртташ оказался, однако, не из робкого десятка. Визгливым бабым голосом обрушился на Жаманкула.

— Чего орешь? Родник тебе от отца, что ли, в наследство достался? Или я, по-твоему, от мачехи родился? Или я прибудный какой-нибудь? Если у меня сад горит, у тебя, что ли, божью воду вымалывать? Хочу поливать—поливаю! И тебя не спрошу. Вот!!!

От слов таких Жаманкул и вовсе рассвирепел.

— А-а... ты еще лаешься, шенок плюгавый?! Ну, тогда я тебе покажу, что значит водой без спросу пользоваться. Я тебе, сморчку, мигом башку сверну и скуду сворочу!

Он набросился на неказистого тракториста, совершенно уверенный, что легко придавит его своей тушей, но не тут-то было. Не успел Жаманкул и глазом моргнуть, как растянулся на земле... да не просто на земле, а еще и под коротышкой Муртташем. От обиды и позора Жаманкул завопил дурным голосом на весь аул. В одно мгновение сбежался народ, разнял драчунов. «Пустите меня... пустите!»—хрипел Жаманкул.—Я придавлю эту козявку!»

Двое джигитов привели Жаманкула домой. Но и дома он долго не мог успокоиться.

— Не-ет... Я это так не оставлю. Я ему покажу. Я найду на него управу. Ох, как я теперь схлестнусь с коротышкой Муртташем! Да провалиться мне, если я его не упеку за решетку!

Успокоившись, Жаманкул придирчиво обследовал себя. Та-ак, ворот рубахи изорван. Э-э... и на лице две царапины. Вон как... даже кровь выступила. Да и руку недавно невзначай порезал серпом. Пожалуй, есть все основания показаться милиции, составить акт.

Весть о том, что Муртташ избил грозного поливальщика, облетела аул еще до наступления сумерек. Мальшня носилась по улицам и домам и как нечто небывалое передавала всем ошеломляющую новость: «Същшали, Муртташ поколотил поливальщика!» Иным и этого казалось мало. «Какой там поколо-

тил!—шептались по углам.—Чуть-чуть не убил. Да, да! Еле отняли». И до глубокой ночи кружились любопытные мальчишки вокруг дома Жаманкула, заглядывали в окна, в двери, свистели и улюлюкали.

Ночью, лежа в постели, Жаманкул долго размышлял о случившемся и тщательно продумал план отместки. «Ну, хорошо,—думал он про себя.—Съезжу в район, найду в милицию. Выложу все, как было. А ведь в милиции тоже не дураки сидят. Вдруг возьмут и спросят: «Кто первым начал скандал?» Что я им тогда отвечу? Вот тут-то я и окажусь в дураках. Надо мною же и посмеются. Выходит, никакой выгоды нет. А расходы наверняка заметные. Дорога в один конец—рубль двадцать пять. Дорога назад—еще рубль двадцать пять. А разве два пятьдесят не деньги? Да-а... Нескладно получается. Опять же от милиции так просто не отделаешься. Скажут: зажди завтра, загляни послезавтра. Будут водить тебя целый год за нос. А где я возьму два пятьдесят на каждый день? Есть-пить, хлебосоль, и в районе надо. Там меня не ждут ни брат ни сват. Значит, поневоле завернешь в столовую. А там по копейке все карманы вывернутся... Э, не-ет...—решил он, уже засыпая.—Лучше уж никуда не ехать».

Утром, проснувшись, он опять надолго задумался. На душе было мутно. Промолчать после вчерашнего шума и делать вид, будто ничего не случилось, нельзя. Засмеют. На всю жизнь опозориться. Выход один—надо ехать. Он нехотя встал, помылся, выщедил чашку квашеного молока. Потом велел жене подать серые выходные брюки с короткими, едва по щиколотки, штанинами и черную сорочку с короткими рукавами. Подумав, решил ехать не в сапогах, а в старых, хорошо разгнанных ботинках. Рубаху с разорванным воротником завернул в газету. Денег взял немного, лишь на один день. Дом покинул неохотно, к автобусу шел через силу. Он тщательно старался возбудить в себе вчерашнюю ярость. Ехать не хотелось—хоть убей. Было бы здорово, если бы задержался автобус или—что лучше—вообще бы не прибыл. Только разве так бывает? Когда не надо, он, как нарочно, выныривает из-за угла раньше времени. Вот он стоит, глаза молилит, словно специально его, Жаманкула, дожидается. Поливальщик гневно глянул на шофера и невольно поплелся к кассе. Он уже протянул было деньги в окошко кассы, как неожиданно вырос подле него старик Мырзабек. Тут же подошли и те двое, что вчера провожали Жаманкула до дому.

— Ну, дорогой, куда путь держишь?
— В район,—буркнул Жаманкул, отворачиваясь.
— По делу, что ли?—поинтересовался Мырзабек, стараясь встать к нему лицом.
— Так... в милицию.
— Вот те раз! А чего ты в милиции потерял? Повздорил с Муртташем и теперь судиться, что ли, вздумал? Ну и ну! Джигит! Ничего не скажешь! Опомнись, Жаманкул, дорогой. Кто ты и кто этот Муртташ? Ты, слава аллаху, один из почтенных людей аула. Наша, можно сказать, опора. А Муртташ—юнец, сопляк. Так, по правде говоря, он ведь тебе братишка. Не так разве? Не чужой же. Ну, сам подумай: загонишь своего братишку в каталажку и будешь торчать один, как пень, возле арыка. Хорошо тебе будет? Радостно тебе будет? Народ тебе спасибо скажет? Нет, милый, не делай глупости. Одумайся. Оставь милицию в покое. У нее и без тебя хлопот хватает. А Муртташ собирается у тебя прощения просить.

Вот эти джигиты по его просьбе только что ярку зарезали. Будь разумным и прости его за дастарханом при всем народе.

Пока старик увещевал Жаманкула, автобус хлопнул дверцей и взревел мотором. Жаманкул спохватился, ринулся, раскинув руки, к автобусу, но двое джигитов, как и вчера, схватили поливальщика под руки.

— Эй, эй, дорогой... отец родной! Уступи нашей просьбе, уйми свой гнев...

Жаманкул невольно улыбнулся. Он изо всех сил старался удержать на лице грозное, непреклонное выражение, но из этого ничего не получилось. В глазах вспыхнули искорки радости, и губы помимо желания расплылись до ушей.

— Ладно уж... бог с вами,—сказал он снисходительно.—Я только загляну домой.

Вконец удовлетворенный, направился Жаманкул к дому. Широкие штанины полоскались на ветру.

Случай этот хотя и оставил у Жаманкула неприятный осадок, однако авторитету его не нанес ощутимого урона. Наоборот, люди стали пуще прежнего опасаться поливальщика. Правда, находились горлопаны, которые порицали Жаманкула, но их неумный пыл тут же охлаждали трезвые головы. «Ойбай, помалкивайте. Держитесь подалше от беды красноглазой. Что вам, жить надоело? Вон бедняга Муртташ подрался с Жаманкулом, а что из этого вышло? И овцу пришлось зарезать, и чапан на плечи ему накрыть, и прощение при всем ауле просить. Еле-еле от беды отделался. И, слава аллаху, что еще так обошлось. Хоть и задира, драчун, а мигом смекнул, что делать. Иначе влепили бы ему лет пять. Может, и в родной Кайрак никогда бы больше не вернулся. Так что, милые, будьте благоразумны и не связывайтесь с Жаманкулом...»

Ну, конечно, кто себе желает худа—стали в ауле отныне издалека обходить поливальщика. На сборищах при нем помалкивали. На пиру от него отодвигались подалше. Нашлись и такие, кто угодливо смотрел ему в рот. Старики из соседних аулов при встрече с ахсакалами из Кайрака спрашивали первым делом, как поживает почтенный Жаманкул. И при этом называли его не просто по имени, а уважительно-учтиво—Жамеке или Жаманкулеке.

И на второй год клевер вырос богато. Еще до наступления знойного лета его косили дважды. Жаманкул теперь не давал прохода самому совхозному начальству, которое несвоевременно обеспечивало его необходимой техникой. Газеты взахлеб расхваливали знатного мираба. И когда Жаманкул собрался уже в третий раз косить клевер, послали его вдруг на областное соревнование поливальщиков.

Жаманкул вырядился в серые выходные брюки с куцыми, до щиколоток, штанинами, в черную с короткими рукавами сорочку и отправился в путь. В районе его принял сам заведующий сельхозотделом, сказал приятные, напутственные слова и даже напоследок по плечу похлопал.

Девять знатных мирабов, собравшихся со всей области, привезли на картофельное поле пригородного совхоза. Здесь провели собрание, поздравили участников соревнования с торжественным событием в их жизни и познакомили с членами жюри. Потом каждому поливальщику выделили на картофельном поле по пятнадцать рядов. Победителем считался тот, кто раньше всех полет свой участок.

Жаманкул приступил к работе засучив рукава. Он сразу же разулся, закатал выше колен штанины, потом, подумав, скинул и черную сорочку. Он не взял, как другие, в руки первый попавшийся кетмень, выбирал его долго, осмотрительно. Вода текла по арыку посередине поля; надо было умело отвести канавки и направить воду по грядкам.

Привычная работа доставляла удовольствие. Отточенный кетмень в руках Жаманкула поблескивал на солнце. Вода весело побежала по канавкам, и соперники загоношились, не в силах укротить упругий ручеек. Жаманкул, косясь по сторонам, усмехнулся: «Эх, тоже мне поливальщики! Срамота!»

Однако и Жаманкул переоценил свои возможности. Полить пятнадцать рядов оказалось делом нелегким. Поле было неровным, вода то и дело разливалась по краям, выбирала неожиданные русла, стекала в ямки, в рытвины. Приходилось все время направлять поток, править канавку, то углублять ее, то укреплять насыпь. К тому же поле давно не поливали, картофельная ботва высохла, пожухла. Казалось, поднимется ветер и разнесет все, как прах. Иссохшая, истресканная земля жадно впитывала воду, и Жаманкул недобрими словами помянул мираба здешнего совхоза. «Тебя бы, нечестивца, столько времени продержат на солнце без воды! И как только такая земля носит?! Небось, шляется по аулу и поливальщиком себя называет. Посмотреть бы на тебя, какой ты есть. Аллах свидетель, и облик-то, наверно, нечеловеческий...»

Жаманкул, не разгибая спину, тюкал кетменем, мелко-мелко семеня вдоль канавки, направляя мутный поток. Он чувствовал, что пока идет первым. Пот катился с него градом, в пояснице ломило. Раза два он оглянулся назад. Кто-то из соперников только-только отвел от арыка канавку, кто-то тшечно силится укротить непослушный поток. Жаманкул еще раз снисходительно хмыкнул. Он уже не сомневался в том, что первым справится с заданием, и все чаще искал глазами членов жюри. Среди участников соревнования находилась одна смазливая молодка. Стройная, улыбка, разнаряженная, она и впрямь притягивала взор. И такая беленькая, гладкая, словно очищенное яйцо. Можно было подумать, что ее никогда не касались солнечные лучи. Все члены жюри ухмылялись вокруг нее, будто на привязи. Увидев ее впервые, Жаманкул про себя решил, что она никакая не поливальщица, а скорее всего артистка, приглашенная ставить для них концерт.

Теперь эта красотка с кетменем в руке картинно прохаживалась вдоль картофельного ряда. Члены жюри, восхищенно улыбаясь, брали попеременно из ее рук кетмень, ладили канавку, направляли воду, любезничали направо, влево. Ветер доносил обрывки слов: «Сестрица, дай-ка я малость подсоблю... Милая, берегите ручки... Разрешите, я только выровню бугорочки...» Красотка белозубо улыбалась и отдыхала в сторонке под пестрым зонтиком. Кто-то из жюри, спотыкаясь, подбежал к ней с бутылкой лимонада, другой, выхватив бутылку, открыл ее, третий обтер горлышко носовым платком, четвертый достал откуда-то стаканчик. Жаманкул рассмеялся: «Каких только поливальщиков не бывает на свете!»

Солнце едва перевалило зенит, как Жаманкул первым закончил полив. Однако он так вымотался, что решил отдышаться и присел на куст джингила. Он достал из кармана серых брюк сигарету и с удовольствием закурил.

Остальные поливальщики еще копошились на поле. Только смазливая молодка приблизилась к концу рядов. Члены жюри помогали ей, как могли. Кто-то, пристроившись рядом, обмахивал ее раскрасневшееся лицо. Кто-то ее кетменем правил канавку.

Разморенный жарой и усталостью, Жаманкул было погрузился в дрему, как над полем прокатилось нестройное «Ур-ра-а-а!». Вздрогнув, он вскочил, оглянулся. Члены жюри попеременно и долго жали красотке ручку. Председатель жюри — гладколицый, тугобрюхий мужчина в ослепительно белой сорочке — даже пылко обнял смазливую поливальщицу и расцеловал ее у всех на глазах.

Жаманкул не сразу сообразил, что творилось на картофельном поле. Потом он услышал слова: «Товарищи! Первый приз завоевала краса и гордость нашего соревнования, наша всеобщая любимица». Жаманкул спешно кинулся к ликующей толпе. Вид у него был растерянный. «Что они там мелют? — лихорадочно думал он. — С ума, что ли, они все походили?»

Пока он добежал, определился и второй призер. Председатель жюри успел уже пожать руку толстому чернолицему верзиле. Жаманкул едва не лопнул от досады и обиды. Ворвался в круг, с ходу сорвался на крик:

— Эй! Почтенный судья! Совесть у тебя есть?! Где справедливость, а?! Где, я спрашиваю?!

Он так грозно и решительно замаха длинными, как оглобля, руками, что председатель жюри отступил назад и недоуменно выпучил на него глаза. Остальные тоже повернулись к возмущенному Жаманкулу.

— Вы что, уважаемые, не видели, что ли, сколько времени я уже сижу под кустом? Или эта красотка совсем вас ослепила? Когда я кончил полив, она, бедняжка, стояла еще на полпути и обмахивалась платочком. Это что же получается, а?! Это обман получается... Обман! Если у вас нет глаз, так это небо — мой свидетель. Небо-о, товарищи-и!»

И Жаманкул длинным черным пальцем угрожающе указал в голубую высь. Толпа разволновалась. Кто-то ядовито усмехнулся. Еще кто-то невнятно пробормотал, что Жаманкул является полноправным участником соревнования и, дескать, в самом деле закончил полив первым.

Председатель жюри, слегка сконфуженный, уставился в список, поискала пошнырял глазами и твердым голосом вдруг спросил:

— Так это же вы Каракулов Жаманкул?

— Да, я.

— Ну, правильно! О чем разговор? Вам присуждается третье место.

— Ка-ак?! — поперхнулся Жаманкул и снова вскинул было к небу указательный палец, но тут один из членов жюри решительно сунул ему в руку небольшой транзистор и еще какой-то сверток. Кто-то нажал на кнопку транзистора, и над всем полем поплыл густой дикторский голос: «Говорит Алма-Ата. Передаем концерт по заявкам передовиков сельского хозяйства». Тут же кто-то лихо заиграл стремительный кюй на домре.

«Вот собака!» — то ли от досады, то ли от восхищения буркнул Жаманкул и на всякий случай улыбнулся.

Об областное соревнование мирабов Жаманкул рассказывал все лето. В свертке оказалась белая спортивная майка с крупной, красиво выведенной впереди цифрой «3». С этой майкой Жаманкул отныне не расставался. Она словно приросла к его телу. Стоило кому-нибудь на улице невзначай полюбопытствовать, что означает большая тройка на груди, как Жаманкул удивленно вскидывал брови, говорил: «Ойбай-ау, выходит, ты до сих пор об этом ничего не знаешь?!» — и тут же в бесконечный раз затевал обстоятельный и красочный рассказ про областное соревнование знатных поливальщиков. Вообще с той

поры это событие стало основной темой всех аульских пересудов. Должно быть, потому то лето и застряло прочно в памяти кайрактинцев. Оно стало для аульчан своеобразной точкой отсчета, памятной межой в их жизни. Случается, и теперь еще нет-нет да и говорят: «Ну, как же... как же... Это же было в том году, когда Жаманкул на конкурсе поливальщиков занял третье место...»

И сегодня по давней привычке Жаманкул поднялся с постели чуть свет. Быстро влез в выптешные серые брюки. От частой стирки штанины укоротились, едва доставали до колен, прикрывая голенища высоких резиновых сапог. К тому же на брюках в двух-трех местах выделялись неумело наложенные заплатки. Правда, белая майка с цифрой «3» благодаря особым заботам до сих пор сохранила божеский вид. Жаманкул, в отличие от брюк, носил ее только летом, а уже с осени складывал в сундук.

Он походил туда-сюда вокруг дома, позавел, почесался. Аул еще не проснулся. В летнюю пору все спали на улице на деревянных возвышениях во дворе. Жаманкул испытывал досаду оттого, что все вокруг спали так безмятежно и сладко. «Вот дрыхнут, а!» — бормотал он про себя. — Ни забот, ни горюшка. Один я вскакиваю чуть свет и плетусь спозаранок на клеверное поле. А им хоть бы что. Будут храпеть, даже если родник иссякнет. Или, наоборот, весь Кайрак зальет водой. Даже не шелохнутся!»

Но походил-походил просто так, без всякой надобности и цели и наконец опустился на корточки возле треноги и принялся отбивать кетмень. В том не было никакой нужды. Кетмень и без того был отбит, отточен так, что им можно было спокойно бриться. Поставив кетмень на маленькую наковальню, он с размаху принялся тюкать молотком по тоненькой закраине, резким железным лязгом взрывая сонную утреннюю тишь.

Первыми проснулись жена и дети. Потом досадливо подняли головы и перевернулись в постели соседи. Старик, утверждавший, что его теленок подох из-за дурного глаза Жаманкула, резко присел, полоснул взглядом неумного соседа и снова завалился на бок, натянув на голову одеяло.

Никто, однако, ни слова не сказал Жаманкулу. А ему так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь выразил недовольство. Эх, как бы тогда он обрушился на него! «Что?! — заорал бы Жаманкул на весь аул. — Из-за того, что ты дрыхнешь, как ленивая баба, я не должен отбивать кетмень? Так, что ли? Может, ради твоего покоя мне и клевер не поливать? Может, ты еще прикажешь ночь продлить? Всем в постели до обеда нежиться, как разморенной молодке, а?!» Он, Жаманкул, еще бы похлесте сказал. Да вот беда: никто не осмелится ему перечить. И хоть пьлают в иных глазах гневные искорки, но все в ауле слосье воды в рот набрали.

Жаманкул закинул кетмень на плечо и отправился на свое поле. Он уже второй день поливал клевер и за это время даже собаки не подпускал к роднику. Он походил по рядам, подправлял кое-где канавки. Клевер вновь взошел ровно, густо. Жаманкул повеселел. Эх, был бы родник горной речушкой! Направил бы он ее враз на клеверное поле. Какой бы вырос клевер — и представить жутко...

Весь день пропал Жаманкул на своем поле, зорко следил, чтобы ни один клочок земли не остался без влаги.

Жара. Полдень. Жаманкул бредет в аул, предвкушая наслаждение в тени за самоваром. Неподалеку от аула, вдоль арыка, плетется с кетменем в руке незнакомый мальчик-подросток. Странно. Что ему здесь вдруг понадобилось? После той памятной драки с Мурташем Жаманкул избегал неожиданных встреч. Без лишнего шума, спокойно подозвал мальчика к себе. Рыжеволосый чубатый подросток подошел, поздоровался.

— Ну, говори: какие заботы тебя сюда пригнали?

Мальчик запыхался. Заговорил торопливо, сбивчиво:

— У нас... это... огород горит... пропадает. Надо срочно полить. Папа сказал, что...

— А кто твой папа?

— Да Коканбай. Не знаете разве? Мы недавно переехали. Хозяин до нас, видно, ни разу не поливал огород... Вот мы и решили...

— Подожди, не стрекочи. Тут не вы решаете, а я. Понял?

— Да... но ведь огород...

— Подожди, тебе говорят. Заладил: «огород», «огород»... Я так понял, что ты сын нового ветеринара?

— Да-а...

— Ну, так слушай. В этом ауле каждый встречный-поперечный водой не распоряжается. Для этого нужно разрешение. А чтобы получить разрешение, нужно... Жаманкул торжественно извлек из кармана изрядно потрепанный блокнот в черном коленкоре, — нужно сначала записаться в эту книжку. Потом... потом нужно терпеливо дожидаться своей очереди. Та-ак... А дети к этому делу вообще не допускаются. Так что пришли ко мне своего отца. Понял? Так ему и передай. Скажи: мол, дескать, слова, он, дядя Жаманкул, в счет не берет. И еще... сегодня, к примеру, я занят. Никого не принимаю. А вот завтра... Жаманкул достал карманные часы на длинной цепочке, — завтра в девять утра пусть придет. О нет... не в девять. В девять у меня срочное дело... Значит, в десять... да, да... ровно в десять я буду дома.

Подросток потупился, переминаясь с ноги на ногу.

— Вот так, дорогой. Передай папе привет.

Чай пил Жаманкул по обыкновению долго, до седьмого пота. Не отставала от него и жена. Бывало, чашку за чашкой опустошали они незаметно пузатый пятилитровый самовар.

Вот и сегодня он с наслаждением цедил крутой коричневый чай, чувствуя, как ровно покрывается испариной, как смягчается, словно оттаивая, кожа. Жена, прихлебывая из блюдца, как бы между прочим сообщила, что средний сын деверя-писателя привез из Алма-Аты невесту и что его, Жаманкула, пригласили на свадьбу.

Деверем-писателем аульные бабы без злого умысла называли старика Мырзабека. Лет двадцать назад в районной газете была опубликована его крохотная, со спичечную коробку, заметка о весенней стрижке овец в совхозном отделении. Это была первая и последняя проба пера почтенного аксакала. Однако слава писателя укрепила за ним с тех пор прочно.

Жаманкул воспринял весть с некоторым осуждением.

— Что им, обязательно сегодня понадобилось устраивать свадьбу? Невтерпеж, что ли?! Тут люди после трудового дня чай пьют, только-только в пот входят...

— Ой, несчастный! По-твоему, они должны откладывать свадьбу, пока ты не протопеешь? Скажешь! Люди-то уже собрались с верховий и низовий.

Жаманкул с презрения даже скривился.

— Люди! Людям этим, я вижу, делать нечего. Им бы только по свадьбам шататься. Где пир, туда и слетаются, как голодное воронье. А вот мы тут ни на шаг не отрываемся от клеверного поля. Это как понимать, а?!

В это время в шапке набекрень вошел младший сынишка Мырзабека.

— Жамеке, вас приглашают на пир,— объявил с порога.
— Э, что еще за пир такой срочный?
— Брат из Алма-Аты приехал. Жену привез. Народ уже давно собрался. Все вас, Жамеке, ждут. Вам доверено потчевать званных гостей.

Жаманкулу это понравилось. Выходит, он самый главный. Без него и мяса не поднесут в чашах?

— Ойбай-ау, тогда чего я тут сижу? Разве можно, чтобы столько людей меня одного дожидались?! Это же неприлично, что я тут, развалившись, чай пью...

Он решительно отодвинул чашку, схватил полотенце, начал вытирать пот со лба. Делал он это своеобразно: скомкав полотенце узловатыми пальцами, дважды—туда-сюда—резко проводил по лбу, будто лопатой греб снег.

— Да, да... надо пойти,— весело продолжал он.— А то как же? Без Жаманкула разве обойдется? Разве можно столько томить гостей? Пойду... Сейчас же пойду.

Он накинул на потемневшую от пота майку с цифрой «3» пиджак и поспешно вышел из дому.

Гости и в самом деле оказались уже все в сборе. Те, что не поместились в шести комнатах дома Мырзабека, расположились в саду под тенью деревьев. Жаманкула встретили оживленно. Распорядитель пира громко спросил, с кем следует усадить запоздавшего гостя—со стариками или с молодыми, и хозяин дома твердо ответил, что по рангу и положению место Жаманкула среди интеллигентов. Жаманкул рассиял лицом. А тут еще с двух сторон подбежали с кумганями и полотенцами в руках двое джигитов, те самые, которые когда-то разнимали повздоривших Жаманкула и Муртташа. Оба так и лебезили перед поливальщиком.

— Жамеке, подставьте ладошки... Жамеке, помоем ручки... Потом сам хозяин взял Жаманкула под локоток и повел в сад, где сидела в кругу совхозная интеллигенция. Жаманкул не чуял под собою ног. «Какая честь!— подумал про себя.— Сам почтенный Мырзабек громогласно объявил, что мне нечего торчать среди стариков, что мне подобает сидеть за одним дастарханом с интеллигентами. Да продлит аллах твою жизнь, Мырзабек!»

Между тем у лукавого старика оказался свой тайный расчет. Ведя поливальщика под руку, он осторожно спросил:

— Ну как, милый Жаманкул, скоро ли кончишь с поливом клевера?
— Скоро, Мырзеке.
— Хорошо, милый... Небось, ты и сам замечаешь, в каком состоянии наш сад. Все пересохло...

Сейчас Жаманкул был не в силах отказать любезному хозяину пира.

— Ну, пожалуйста, Мырзеке. Поливайте сколько надо. О чем разговор?!
Никогда еще Жаманкул не был столь щедрым. По крайней мере с тех пор, как стал знатным мирабом.

На шумном пиру, среди веселого гама и колготни, Жаманкул, случалось, пропускал стаканчик-другой огненной водицы. И на этот раз он вернулся домой заметнее навеселе.

Вечерело. Катьш, жена, хлопотала у входа—готовила чай. Жаманкул, громко сопя, кое-как стянул сапоги, влез на деревянное возвышение и неуверенно направился на почетное место, где была расстелена подстилка. Однако неожиданно споткнулся и едва не наступил на ползавшего у ног сынишку. Жена вскрикнула.

— Несчастный, ребенка угробишь!
Буйная душа Жаманкула давно уже искала повода для разрядки. И этот повод нашлся.

— Эй, что ты мелешь?! Почему я для тебя несчастный? Заладила, как сорока. Несчастный, не-сча-а-астный. А что я, убогий, что ли, или калека? Ты вообще за кого меня принимаешь? Да во всем ауле, если хочешь знать, нет такого человека, который... который... это... посмел бы мне возразить. Ты скажи: есть хоть один такой, а? Муртташ, что ли? А ну, подай-ка сей момент его сюда. Я мигом ему башку сверну и скулу сворочу-у!

Жаманкул распалился не на шутку. Жена, поняв, что он малость на взводе, благоразумно промолчала. Тогда он изловчился и поймал спящего сынишку.

— У-у, щенок... почему путаешься под ногами? А если бы я вдруг на тебя наступил? А если бы нечаянно споткнулся? Или упал и покалечился? Тогда что? Уй, щенок! Уй, песик ты этакий!—В порыве нежности он бурно расцеловал малыша, угодил губами в нос и отшатнулся.—Эй, чем он измазался?... Тыфу, грязнуля!—И рукавом пиджака вытер себе лицо.

Катьш протянула ему пиалу с чаем, но он опять выкатил на нее блуждающие глаза.

— Эй, ты все-таки мне ответь. Почему я для тебя несчастный? А?! Ты хоть понимаешь, кто я такой? Или не понимаешь-шь?..

— Да отвяжись ты!—с досадой отмахнулась жена.— Как выпьешь, так от тебя спасу нет.

Жаманкул, поморгав, спокойно принял из рук жены пиалу.

Познакомил и свел их когда-то под одну крышу все тот же Мырзабек. Долго ходил Жаманкул в холостяках—все как-то не везло ему в любви. Может, и прокуковал бы век свой в одиночестве, если бы однажды не вернулся Мырзабек из очередной поездки с доброй вестью. «Ну, дорогой, радуйся. Выватал тебе невесту. Глаза—что звезды, брови—что месяц, лицо—что луна. Поезжай. Погляди. Полобуйся. Да спеша, чтобы кто-то не перехватил ее».

У Жаманкула зашло сердце. Не помня себя от радости, отправился тотчас смотреть невесту.

В доме, указанном Мырзабеком, оказались две невесты. Одна была коротконогая, кряжистая и черная, как закопченный котел. У другой—стройной и гибкой, как тальник,—глаза были и впрямь что звезды, брови—что месяц.

Чай разливала кряжистая, черная, а передавала чашку Жаманкулу та, что была похожа на лебедя. Вздвонуванный гость так и вкопился в нее взглядом. Она смущенно опускала черные глазки. Пальчики были длинные, хрупкие, белеющие. Щеки алели, губки трепетали. Принимая из ее рук чашку, Жаманкул сдерживал дыхание, напряженно вытягивался, покрывался потом. «Ай, Мырзабек!—с благодарностью помянул он своего благодетеля.—Знает, кого выбирать, кого сватать. Знает, по ком тоскует мое сердце. Лучше я и сам бы не выбрал...»

Вернувшись домой в родной аул, зашел первым делом к Мырзабеку. «Посмотрел. Поразились. Желаю иметь ее женой».—коротко доложил он.

Через две-три недели привез невесту домой. Привез укутанную, с закрытым лицом, как подобает по старинному обряду. Дома он нетерпеливо откинул покрывало с лица суженой и обомлел. Невестой оказалась та, что разливала чай,—коротконогая, чернолицая, кряжистая...

Жаманкул не удержался, высказал обиду свою Мырзабеку. Тот только хмыкнул, промямлил под нос:

— Как же так, дорогой? Когда я смотрел ее, она, кажется, была стройной да и

лицом бела. Бидно, от радости, что выходит замуж, так быстро поправилась. А потом, наверное, разъезжала по аулам, прощалась с подружками, вот и загорела до черноты. Это, милый, не беда-а...

И верно: через несколько дней он привык к молодой жене. А медовый месяц окончательно растопил обиду. Жаманкул понял, что кряжистые и чернолицые жены тоже на дороге не валяются. Мырзабек при встрече хитро щурил глаза и, на что-то намекая, интересовался: «Ну как, дорогой, ты на меня не в обиде?..» Жаманкул в ответ только растягивал губы до ушей.

— Ну, так слушай, жена,—важно начал Жаманкул после того, как обильный пот выступил на лбу.—Посадили меня, значит, с интеллигентами. Да, да!.. Сам Мырзеке сказал: нечего, дескать, ему, Жаманкулу, со стариками возжаться. Пусть, мол, сидит с интеллигентами. И сам меня, значит, к ним повел... Ну, и сидим, значит, все избранные, важные. Все сплошь ученые. Директор школы, главный зоотехник из центральной усадьбы, главный бухгалтер... Главный агроном еще. Понимаешь: все главные. Ну, и я—само собой—среди них. Главный мираб, значит. И еще там были—ну, как их?—из головы вылетели... Лежим в тени, подушки под бочок подмяли, умные разговоры ведем. Похохатываем...—Жаманкул, что-то должно быть, вспомнив, захохотал вдруг, головой потряс—так ему было сейчас хорошо.—Я сидел рядом, прямо вот так, плечом к плечу, с завфермой. Ну, ты знаешь его, нашего Алшеке. Сидим так близко, запросто, даже коленями соприкасаемся.—Жаманкул ткнул кулаком в подстилку, показывая, как близко сидел к нему завфермой.—И всем он, представляешь, говорит: «Жаманкул—один из лучших джигитов нашего аула. Благодаря ему мы всегда обеспечены водой и кормами. Мы намерены такого работника выдвигать выше». Поняла? Так он и сказал: выдвигать. И при этом меня по плечу похлопал. От долгой речи Жаманкул устал. Он выставил на жену, как бы прося поддержать его в беседе или хоть как-нибудь выразить свое отношение к тому, о чем он рассказывал. Жена, однако, молча прихлебывала чай, и ее безразличие вывело его из себя.

— Эй, ты, слышишь, что сказал обо мне Алшеке? Ты что, от жажды умираешь? Или только сегодня до чая дорвалась? И вообще что это такое?! Я ей рассказываю, а она как воды в рот набрала...

— Ты говори, говори... Я слушаю.

— Как это «говори»? Я что тебе, радио, что ли? Это только радио может болтать весь день о чем поало. А я тебе рассказываю про то, что добрые люди обо мне говорят. Чтобы ты, пустоголовая, сообразала, с кем живешь. У других жены с мужьями разгуливают, под боком сидят. А тебя где черт носит? Посмотрела бы, как меня встречают, как под руку ведут, как среди интеллигентов усаживают, ты бы сама выросла на глазах людей и мужа. Почему не ходишь со мной? Или я тебя за ручку должен вести, а?

Катьш и на этот раз не проронила ни слова. Разговор сам по себе оборвался. Чай допили молча. Жена убрала посуду, свернула дастархан. Жаманкул пытался встать, даже одну ногу опустил с дощатого настила, и тут Катьш, выгирая чашки, как бы невзначай выдала главные для нее новости дня: «А сегодня в магазин поступил редкий материал... кримплен».

— Что?!—Жаманкул резко повернулся к жене.—Достала?

— Откуда? Продавец и близко не подпустил. Кончился, говорит.

— Как это не подпустил? Ты что, прокаженная? Не могла ему объяснить? Сказала бы: я жена Жаманкула. Он, может, тебя просто не узнал?

— Почему не узнал? Он ведь не рехнулся.

— Так ты, наверное, предстала перед ним рваная и чумазая, будто только что хлев чистила? Надо было принарядиться, креп-жоржетовое платье напялить...

— Зачем ему мое платье? Он раздал материал тем, кто ему больше по душе.

— А-а... выходит, я ему не по душе?! Выходит, он может со мной не считаться?!—Жаманкул от возмущения руками замахал.—Тот раз он индийский чай не дал. Теперь опять меня обходит. Ойбай-ау, что же этот стервец передо мной куражится?!

Он спешно схватился за портянки и начал их растягивать с такой силой, с какой опытный продавец натягивает на метр материал. Раздражение в нем нарастало. Казалось, несдобровать сегодня продавцу.

— Почему на меня этот презренный торговец взелся? Я, кажется, на честь его бабы не покушался. Или он забыл, что я хозяин полнового арыка? Захочу, так я ему ни капли воды не дам. И пусть хоть позеленеет от горя!

Наконец он намотал портянки и принялся натягивать кирзовые сапоги.

— Так вот, обещаю тебе, до самой осени я оставлю его без полива. Пусть повалится у моих ног. Не дам, и все! Пусть у него в саду все дотла сгорит! Пусть все в пыль превратится! Пусть все ветер разнесет! Тогда он поймет, что значит с Жаманкулом связываться! Я мигом его проучу! Зараз на место поставлю!

Он слез с настила, топнул в сердцах и с удивлением уставился на свои ноги.

— Эй, Катьш, откуда эти сапоги? Когда я успел обуться?!

— Откуда я знаю? Уже полчаса продавца ругаешь, кряхтишь, сапоги натягиваешь...

— О алла!.. Ну и чудеса! Я же только что сидел босой вот здесь, на подстилке. Сидел ведь, а? Откуда вдруг сапоги? Колдовство, и только!

Он с недоумением посмотрел на сапоги, потоптался на месте, помотал головой и поплелся на улицу. Там было безлюдно, скучно. Жаманкул, заплетаясь ногами, подался к главному арыку.

У берега он неуклюже опустился на корточки, долго смотрел на воду. Она текла ровно, и арык показался полнее обычного. Жаманкул восторженно помотал головой. Чудеса! Откуда столько воды? Неужели новый источник открылся? Он оглянулся. Вокруг стояла ночная мгла. Черная вода поблескивала, плескалась у ног. Жаманкулу стало вдруг жутковато. Голова закружилась. О, чудеса! Он чуть отодвинулся, но потерял равновесие, неловко вытянул ногу и зачерпнул полный сапог воды. С трудом выбравшись на берег и хлопая сапогом, потащился домой.

Жена выгребала золу из глиняной печки во дворе. Жаманкул, волоча ноги, подошел к ней, подбоченился.

— Арык полнехонький,—радостно сообщил он.—Никто не смеет-без спросу брать воду даже ночью. Пусть только попробуют! У такого поливальщика, как я, ни одна капелька воды задаром не пропадет. Никакой наглец не осмелится подойти к арыку, пока я стою на страже. Верно я говорю, жена?!

Катьш молча постелила ему на настиле. Уснул он сразу, едва коснулся головой подушки. Но спал тревожно, тяжело. Всю ночь ворочался, метался, что-то невнятно бормотал. И сон приснился чудной. Будто стоят они с продавцом друг против друга и ругаются нехорошими словами. А между ними в глубоком арыке течет-плещется родниковая вода.

Перевел с казахского
Герольд БЕЛЬГЕР.

ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫМ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
фото Юрия УСТИНОВА,
специальные
корреспонденты
«Смены»

ТЯЖЕЛЫЕ САМОСВАЛЫ —
ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА
СТРОЯЩЕГОСЯ ГОРОДА

В этой командировке мне часто вспоминался наш университетский латинист. Влюбленный в четкую стройность латыни, глубокую, неторопливую мудрость древних философов, Александр Ливерьевич Саккетти старался и нам привить трепетное почтение к ним. На занятиях он порой мог отвлечься и озадачить нас каким-либо парадоксом, занятой мыслью и обязательно приведенная цитата. Ну, например: «Жизнь человека — путешествие в пространстве и времени. Путешествуя в пространстве, человек получает информацию. Путешествуя во времени — он осмысливает ее».

Сейчас и не помню, кому принадлежат эти слова. Я вообще подозреваю, что многие из сентенций Саккетти рождены им самим и приписаны греческим или римским авторитетам лишь для весомости. Но не в этом суть. Если этой осенью в Волгодонске из всех сентенций нашего латиниста я вспомнил именно эту, то только потому, что все в этом городе лишним раз подтверждало ее глубинный смысл: путешествуя во времени, сравнивая прошлое с настоящим, а настоящее с будущим, в самом деле лучше осмысливаешь свершенное и свершаемое.

В этих местах я бывал и раньше. Помню, как в конце июля 1952 года невозможно было попасть на поезда, автобусы, пароходы, уходившие из Ростова, вверх по Дону, в поселок Цимлянский: 27 июля должно было состояться торжественное открытие Волго-Донского судоходного канала, «первой стройки коммунизма», как тогда называли сооружение Цимлянской плотины, гидроэлектростанции, судоходного канала и оросительной системы, напоившей донской водой окрестные степи.

Теперь эта победа уже не кажется столь грандиозной, как прежде. Потому что после нами были построены гидроэнергетические гиганты на Волге, Ангаре, Енисее. Мы стали почти на три десятилетия старше, сильнее и мудрее. И теперь с высоты новых побед позволяем себе и самокритику: раньше, мол,

кое-что сделано не так, как следовало бы. Как-то в разговоре со мной один из молодых руководителей строительства «Атоммаша» посетовал: напрасно после завершения Цимлянского гидроузла здесь была свернута созданная таким трудом строительная база, а опытные кадры переведены в другие районы страны. Как бы, мол, они теперьгодились.

Теоретически в этих рассуждениях все было верно. Но... кто тогда, в 1952-м, мог предвидеть серийное производство реакторов для атомных электростанций? Ведь наш первенец, Обнинская АЭС, мощностью всего в пять тысяч киловатт, вступила в строй лишь двумя годами позже, только в 1954-м.

Между прочим, жизнь этого района после завершения Цимлянского гидроузла вовсе не замерла, не вернулась к исходной точке. Пусть в ней уже не было того шума и того напряжения, какие были в дни разворота строительства, но она не стояла да и не могла стоять на месте. Изменилась направленность интересов, масштабы стали не столь грандиозными, но жизнь шла вперед.

Помню, лет двадцать назад меня забросило в хутор Хорошевский, на виноградники, что сбегают косогами к Цимлянскому морю. В корзинах из ивовых прутьев млели на солнце темно-синие гроздья «плекстника» и «цимлянского черного», который еще называют по-местному «красноостом»: сорвешь ягоду, а на ножке остается красная алая капля. Сок у винограда был вязкий и ароматный, будто настоялся на терпком по осени степном ветру. В Хорошевке — на Дону любят сокращать названия станиц и хуторов — на винном заводе гроздья дробили, потом в огромных деревянных чанах много дней бродила и шумела земная кровь, пока время не превращало ее в рубиновое вино.

Мне тогда здорово повезло: моим провожатым по заводу был главный винодел Жора Калустов. Он рассказывал о вине так, будто речь шла о человеке, веселом, незлобивом, охочем до шутки.

Жора вспоминал, как в первый год своей работы в Хорошевке он пригласил к себе старого казака, который слыл в округе мастером по вину. Калустов расспрашивал, как раньше станичники готовили цимлянское игристое, о котором упомянуто даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, даже в «Евгении Онегине». Старик не таился, рассказывал, как выдерживали виноградари гроздь на кустах до поздней осени. Как потом провяливали ее, чтоб ягоду побольше набрала сахару, как прятали до весны «недоброд», молодое вино с большой сахаристостью, чтобы затем разлить по толстым бутылкам и закопать в песок. В тепле сахар снова начинал бродить, вино набирало углекислоты и крепости, случалось, рвало бутылки. А осенью, в пору свадеб, оно шипело и играло в бокалах, веселое и задорное.

Дед попробовал «заводское» — одобрил: не потерял марку.

А через несколько лет мы вновь встретились уже в Цимле. На окраине поселка вырос новый завод, намного мощнее старого, хорошевского. И Жора Калустов был уже не винодел — после окончания заочного института Георгий Корнеевич работал директором. По-прежнему он часами мог рассказывать о норовистом и непослушном детище спелой виноградной грозди. Показывал и медали, добытые цимлянской продукцией на многочисленных всесоюзных и

международных выставках. Приятно было слышать, что дело старой казачьей станицы не угасло, а даже немало прибавило к своей славе.

Может показаться, что воспоминание о Цимле в рассказе о Волгодонске — ария из другой оперы. Это не так. Даже теперь перегородившая Дон плотина не столько разделяет, сколько соединяет два города, подступившие к ней с юга и севера. А время работает на то, чтобы в будущем двум городам слиться в один территориально-производственный узел, даже если формально они по-прежнему будут числиться самостоятельными единицами. Произошло это не вдруг, не сразу, а прорастало в течение почти трех десятилетий. Корни обоих городов в сооружении гидроузла. Старая казачья станица Цимлянская снялась со своего насиженного места, которому предстояло быть дном моря, и перебралась из поймы Дона на крутой правый берег реки, чтобы стать здесь городом, не порвавшим до конца свои связи с селом, сохранившим его традиции. А выросший в десятке километров к югу Волгодонск, тот и вовсе обязан этому строительству своим рождением. Он рос постепенно, незаметно, но как-то очень настойчиво и методично. В 1950 году для ремонта строительной техники, работавшей на сооружении гидроузла, здесь построили завод, который перерос в опытно-экспериментальное предприятие, поставляющее ныне дорожную технику во многие города Союза и даже за рубеж.

Пущенная в 1952 году в комплексе Цимлянской ГЭС лесобазы стала с годами лесоперевалочным комбинатом.

На берегу молодого водохранилища был построен грузовой порт, обрабатывавший суда, прибывшие с Черного, Азовского, Каспийского, Белого и Балтийского морей. И рядом поднялся один из крупнейших на юге страны элеваторов.

**НА БЕРЕГУ РУКОТВОРНОГО МОРЯ
ВЫРОС НОВЫЙ ВОЛГОДОНСК.**

Цимлянского моря, вызвав такой крутой поворот в его судьбе, какой трудно было и предположить.

В том, что выбор пал на Волгодонск, была своя железная логика.

Атомный реактор—агрегат довольно громоздкий и весомый: более девятисот тонн. Перевозить его удобнее всего водным путем. Значит, заводу-изготовителю нужно обязательно стоять на берегу полноводной реки или моря, которые имеют связь с судоходной системой европейской части Союза, где наиболее целесообразно строить атомные электростанции.

Ростовская область, полностью отвечая этим требованиям, имеет перед другими свои плюсы. В областном центре уже несколько лет работает институт «Атомкотломаш», который ведет научные исследования и занимается проектированием в атомном машиностроении. В Таганроге на заводе «Красный котельщик» давно изготавливают теплообменную аппаратуру так называемого «второго контура» АЭС. Недавно в Ростове построен завод спецэлектродов, используемых при сварке в атомном машиностроении.

А у Волгодонска свои собственные козыри. Тут готовые железная и шоссейная дороги скрестились с водным путем, что заранее разрешало многие проблемы, встающие перед любой новостройкой. Есть линия электропередач, связанная с энергосистемой этой части страны, порт, способный принять и отгрузить любое громоздкое и тяжеловесное оборудование. Отменный климат, соседство с рукотворным морем, крупной рекой и развитыми сельскохозяйственными районами—все это само собой облегчало проблемы снабжения и отдыха горожан. Наконец, именно здесь были найдены отличные площадки для крупного

промышленного и гражданского строительства. Короче, городу предстояло родиться в третий раз.

Естественно, изменения планов отражались на его внешнем облике. Главный архитектор Волгодонска Александр Евгеньевич Фролов посоветовал мне:

— Пройдитесь по нашей центральной магистрали—улице Ленина, и вы проследите развитие советской архитектуры от начала пятидесятых годов до настоящего времени. Тут представлены не только основные стили этого периода, но и взгляды на застройку разных по размеру городов. Волгодонск всегда был городом-акселератором, городом-переростком, который никак не укладывался в отведенные ему размеры.

Что верно, то верно. Идешь по Старому Городу—будто листаешь недолгую историю Волгодонска.

Вот одно—двухэтажные коттеджи, маленькие магазинчики, уютный Дом культуры «Юность», школа № 1, почта. Тридцатилетние тополя и акации успели накрыть их с головой. Это бывший поселок эксплуатационников. Шире улицы, выше дома, на просторной площади—Дворец культуры «Октябрь». Понимаешь: начался город химиков. Атоммашевская эпоха успела вторгнуться и в него, бросив как яркие штрихи, как приметы иного времени, бетон и стекло—то новый универсам, то ресторан, то огромный родильный дом.

А за железнодорожным вокзалом, служившим некогда границей города, поднялись пяти- и девятиэтажные дома, которые на долгое время останутся олицетворением многих новостроек семидесятых го-

**НА МЕСТЕ БЫВШИХ ХУТОРКОВ
И СТАНИЦ РАЗВЕРНУЛАСЬ
ГИГАНТСКАЯ СТРОЙКА.**

**СЛОЖНЕЙШЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
ТРЕБУЕТ ВДУМЧИВОГО ПОДХОДА
К КАЖДОЙ ОПЕРАЦИИ.**

**МОЛОД ГОРОД—
МОЛОДЫ И ЕГО ЖИТЕЛИ.**

Задуманный первоначально как трехтысячный, поселок эксплуатационников Цимлянской ГЭС уже в 1956 году перевалил по численности населения за десять тысяч и получил право на статус города. Желая отразить даже в имени его необычность судьбы поселка, выросшего в степном краю, райисполком просил назвать будущий город Пятиморском. Но оказалось, один Пятиморск в стране уже есть. Поэтому решили, что Волгодонск звучит не менее красиво и отвечает сути дела.

В 1956 году здесь началось строительство химического комбината по производству синтетических жирных кислот на основе нефтепродуктов, получаемых с заводов Кавказа, Поволжья, Западной Украины.

Для Волгодонска это, по существу, означало второе рождение. Потому что после пуска первой очереди комбината в ноябре 1958 года многие из строителей переквалифицировались в химиков. Когда же тут пустили гормолзавод, мясокомбинат, ТЭЦ-1, совхоз-завод «Заря», Волгодонск превратился в уютный тридцатитысячный промышленный городок, невысокий, утопающий в зелени, с большим массивом частных домов, окруженных садами и виноградниками. Короче: стал таким, каким положено быть южному городку его ранга.

Однако химический профиль города многим казался случайным. И когда в 1971 году стал разрабатываться новый генеральный план его застройки, предусматривалось, что будущая профессия Волгодонска—машиностроение, а сам он станет городом со стотысячным населением.

А решение о строительстве здесь крупнейшего в Европе завода по производству атомных реакторов перекроило эти планы, ураганом ворвалось в тихую размеренную жизнь маленького городка на берегу

Обелиск

За решеткой Александровского сада в отдалении от планирующих лиц, под стеной Кремля, как бы взамен посада — занял место престарелый обелиск. Его дворники привычно опекают, пионеры на гранит цветы кладут, его ливни и поэмки обтекают, реставраторы забыли, что он тут. Он стоит себе, прямой и невредимый, выполняет, что поручено ему. Взгляды мимо, толпы мимо, годы мимо в тополином и бензиновом дыму. Лишь прохожий, разбавившийся от ГУМа, сядет рядом, чтобы дух перевести, поглядит на икона, и станет думать, и затылок твердокаменный скрепит. Зашевелится хранившееся втуне — и из школьного запаса вспомнит он: анархистом (с бомбой, что ли?) был Бакунин и во Франции скрывался Сен-Симон... И спохватится потом, что вечер близко, и помчится по стезе своей потом, и упрется ему тень от обелиска прямо в спину негодующим перстом.

За решеткой Александровского сада обелиск растает в сумраке ветвей, но могила Неизвестного солдата светом славы с ним поделится своей.

«Что тебе дождик?
И что тебе грязь?
Жив? Так считай поражение победою.
Счастью не веря, беды не страшась,
следуй, заветам наследственным
следуй...» —

так старики наставляли меня
и друг за другом тихонько повымерли.
Глядь, самого величает радня
чаще по отчеству, реже по имени.
Были мне юные годы легки,
были мне зрелые годы

не тягостны,
скоро подамся и я в старики —
в путь обязательный,
но не безрадостный.
Вот уж, почтенье к старшинству храня,
жить торопясь и прикинувшись
взрослым,
юные нынче пытаются меня
вечными, как говорится, вопросами.
Жизни не жалко, но что им моя,
если свою, единственную, надобно
радою и боль постигать бытия
с детства и надело,
вечно и наново?

Сам еще жить и любить торопясь,
вечным вопросам ответов не ведаю.
Что мне там дождик, проруха и грязь?
Жив? Поражение считаю победою.

Зубчатая стена, как шестерня времен,
прокручивает русское пространство
от запада к востоку, а затем
на Океан — в огромный мир земной,
распахнутый на высоту Вселенной.
Но малая пылинка на зубце
Кремля, что прорастал
из мглы столетий,
чтоб утвердиться на своем холме,
как на ладони целого народа,
— пылинка та и космосу родня
и почве молодой. Она, как слово,
несуетна, чтобы сказаться в срок.

Глядь — жизнь моя как бы прошла,
и я живу как бы другую,
хоть льщусь мечтой, верчу дела,
о дальнем будущем тоскую.
Но в перетоке дел и дней
от прежних — к новым, в той заминке,
мне прошлое мое видней,
как желтизна на старом снимке.
И в зыбком возрасте души,
как все на свете, переходном,

Седой ледок давил на воду,
январский сумрак с неба тек.
Дождь равнодушную погоду
как будто взял под локоток
и по прямой от Химок мгlistых
в захламленный Теплый Стан
провел, как водят интуристов
по приснопамятным местам.

Взвоньется вверх — звездой адали сверкнет,
вниз упадет — взойдет травой из камня,
а до того, как призывает судьба,
намеренья грядущего со знанием
минувшего в себе объединяя,
немотствует... Не так ли и пост
пылинкой в малой щелочке святыни,
травинкой в теплой пазухе народа
сил набирает — время и пространство
с теченьем жизни сплавить
в слитке слова?
И нет таланта вне твердыни правды,
как нет Руси державной без Кремля.

судьбы и жизни этажи
растут в движении свободном
все в высоту да в высоту —
от почвы, от стены, от крыши...
Глядь, уподобился кусту,
что, корень в щелке укрепивши,
на колокольне, близ главы,
цветет и счастливо и нemo —
не оторвался от Москвы,
но не достиг еще и неба.

И, дождевой умывшись влагой,
в долгу пред будущей травой,
столица налилась отвагой,
чтоб воспарить над мостовой
еще не вешнего восхода
мажорною голубиной,
но тем парком из гололеда,
что вдоль зимы пахнет весной.

дов. С запада к этому району прилепились два одноэтажных массива: частный сектор показывает, как порой решалась жилищная проблема в прежние времена, а большой поселок жилых вагончиков, — как временно приходится ее решать теперь.

К счастью, вся эта эклектичная застройка — право, рука не дрогнула бы многое снести, заменить — будет только незначительной частью, районом будущего Волгодонска. А главная — Новый Город — уже поднимается на востоке, по другую сторону Сухосоловского залива Цимлянского водохранилища. В гигантском голубом параллелепипеде главного корпуса «Атоммаша» в шестнадцатизатяжных домах-башнях, которые успели подняться там и отлично просматриваются даже с расстояния, легко угадывается мощь будущего промышленного и культурного центра, коему надлежит вырасти на берегу рукотворного моря.

Выражаясь языком специалистов, толчком к рождению любого города является градообразующий фактор, а проще: новые заводы, фабрики, предприятия строительной индустрии, вузы. Другими словами, все, где трудятся люди, для которых нужен постоянный кров, торговая сеть, комплекс социально-бытовых учреждений, общественный транспорт, короче, — город. Эти люди на том же специальном языке называются градообразующими кадрами. Научкой и практикой выведены коэффициенты, с помощью которых по числу работников, занятых в том или ином производстве, можно определить население будущего города. Тут прямая связь, так что, «посадить» какое-то новое предприятие, можно заранее просчитать, насколько вырастет число горожан. Конечно, возраст города, его профессиональная ориентация (соотношение «женского» и «мужского» труда) вносят в эти расчеты свои коррективы, но принцип остается.

Естественно, на облик города накладывает отпечаток его «специальность». И я отправляюсь на «Атоммаш» — первый из «градообразующих факторов» нового Волгодонска.

Часто «Атоммаш» называют предприятием XXI века. Согласитесь, звучит довольно «лозунгово» и с некоторым налетом абстрактности. При более близком знакомстве убеждаешься — преувеличений нет, все реально: образец индустрии будущего века можно осмотреть и при желании «пощупать». С корпусом № 1 меня знакомил начальник производства Леонид Иванович Клевцов. Передать словами впечатление от этого гигантского сооружения невозможно, даже если подкрепить рассказ цифрами. По завершении корпуса под одной крышей окажутся десять цехов, раскинувшихся на тридцати гектарах производственных площадей. Через огромные пролеты корпуса перекинуты мостовые краны, которые по виду больше напоминают стальные фермы железнодорожных мостов. Самый мощный будет иметь грузоподъемность 1200 тонн. Его силы достаточно, чтобы враз поднять груз двадцати пульманов или, к примеру, гроздь из 110 гусеничных тракторов С-100. Гигантские станки самого разного назначения, отечествен-

ные и импортные, будут обрабатывать с высокой точностью детали весом от 35 до 111 тонн. При диаметре, например, в пять метров допускается отклонение в крайних точках всего в семнадцать сотых миллиметра. После этого в специальных печах — те же гигантские размеры — детали будут подвергнуты термической обработке, их закалят, подготавливают к наплавке, сварке... Не буду перечислять все операции, которые должны пройти отдельные составные части, прежде чем соединятся в один агрегат — реактор «ВВР-1000». На все производство одной такой энергетической машины потребуются три года, причем тридцать процентов времени уйдет на различные виды контроля качества изготовления — как отдельных деталей, так и всего реактора в целом. Рентгенокопия, магнитно-порошковая и цветная дефектоскопия, ультразвуковой контроль. Зато пущенный в работу «ВВР-1000» разовьет мощность в один миллион киловатт, что будет равно мощности пяти Цимлянских гидроэлектростанций. При этом только первая очередь «Атоммаша» будет выпускать по четыре реактора в год. А со временем завод сможет собирать по восемь агрегатов. Высокие требования, предъявляемые к точности, надежности, качеству атомного оборудования, естественно, оборачиваются высокими требованиями к культуре производства. Например, первичную обработку металла будут осуществлять в других цехах и в главный корпус подавать его без окислы. Особое уборочное оборудование будет вести постоянную очистку пола и ферм от пыли. На специальной эстакаде весь колесный транспорт, работающий внутри корпуса, будет тщательно мыться. Естественно, высокая точность обработки, высокая культура производства — это в первую очередь высокая квалификация работников. Средний разряд рабочих, занятых в главном корпусе, будет равен 4,4.

А как будет выглядеть город при заводе XXI века? Будет ли соответствовать ему?

Не рискуя властью в преувеличение, осмелею утверждать: уже сейчас в Новом Городе проглядывают черты, позволяющие узнать в нем крупный индустриальный и культурный центр, соответствующий требованиям будущего столетия, или уж, во всяком случае, нашим представлениям об этих требованиях.

В чем это проявляется?

И в четкой планировке застраиваемых микрорайонов. И в повышенной этажности зданий. И в нескольких крупных общественных сооружениях, которые лучше всего показывают, что они предназначены для обслуживания не какого-то поселка, а большого города и что рядом должны вырасти другие подобные же здания. И в том, что уже два года назад тут пущен троллейбус, и из Старого Города в Новый, к самым проходным «Атоммаша», можно подкатить на этом современном виде транспорта, который привычно ассоциируется с крупным центром...

Не хочу грешить против истины: здесь рядом с шестнадцатизатяжными домами стоят и «пятиэтажки»,

а параллельно с асфальтированными улицами кое-где тянутся незакрытые траншеи будущих коммуникации, и зелени маловато, и нет уют, присущего местам, давно обжитым. Но разве можно от новостройки требовать то, что складывается годами, десятилетиями! Главное — тенденция, общее направление. А оно есть.

Честно говоря, проектировщикам нового, атоммашевского, Волгодонска на редкость повезло. Ведь для размещения «градообразующих факторов» и самого города нужна земля. А тут, вдоль южного побережья Цимлянского водохранилища, на многие километры раскинулась просторная степь, которая позволяла на практике осуществить идеальную схему застройки, создать так называемую «открытую систему»: город и промышленные предприятия размещаются на двух параллельно развивающихся строительных площадках. Ближе к воде вырастут жилые кварталы, дальше в степь — заводы. А между ними — зона зеленых насаждений. При такой схеме застройка города и промышленной площадки превращалась в «живую» систему. Каждое новое предприятие тут же вызывало бы приращение жилых массивов в городской зоне. Двигаясь параллельными курсами в одном направлении, они общими усилиями отодвигают границы города. Разумеется, такая схема, предоставляя широкий простор архитектурной мысли, ставит перед авторами проекта целый ряд сложных задач. Главная из них — умение предвидеть развитие будущего города и, сообразуясь с этим, создать такой проект и предложить такую схему застройки, чтобы приращиваемая с течением времени часть города логично продолжала, развивала и дополняла то, что уже построено, функционирует, живет, и не противоречило ему по своему стилю, планировке, общему назначению. В общем, есть над чем думать.

Руководители архитектурной мастерской № 1 московского «Гипрогора», разработавшей генеральный план Волгодонска, рассказали мне, каким представляют будущий город его проектировщики.

Промышленные предприятия от жилых кварталов отделит зеленая зона — лесополоса шириной в шесть-десять метров. Помимо санитарных функций, она будет выполнять еще и функцию «психологической разрядки». Градостроители предполагают, что большинство рабочих предпочтет добираться на работу и возвращаться домой пешком. И тут зеленая зона, сформированная как «сад непрерывного цветения», поможет людям постепенно перестроиться с рабочего ритма на домашний и наоборот. Незначительность расстояния «дом — завод» облегчит решение транспортной проблемы в часы «пик».

Микрорайоны города, как уже говорилось, пойдут параллельно «своим» предприятиям. Напротив «Атоммаша» должен вырасти жилой массив на 110 тысяч человек, следующее крупное предприятие — «Энергомаш» — «потянет» район на 120 тысяч жителей.

Подмосковное шоссе

Водокачки дорожная вежа
да пенек верстового столба.
Перепутья двадцатого века:
от асфальта ветвится тропка.
И когда в сумасшедшей машине
я лечу по прямому шоссе,
что же, что меня тянет к равнине —
по тропе, по траве, по росе?
По России так много такого,
где в погоне за завтрашним днем
мы свою вековую основу,
как в порыве, порой познаем.
Будто ветром с полей, захлебнешься
жизнью, коей не жить никогда...
Но утешись ли ты тем,
что вернешься
в эту землю — уже навсегда?

Город спит, не засыпая,
но всю ночь полукипит
жизнь подспудная, слепая
парков, плит, карнатид,
набережных, шпилей, будок,
площадей, мостов, домов,—
набирается погудок
город для дневных трудов.
Мне понятно это бденье
от утра и до утра
каменного вдохновенья —
в жажде мира и добра.

Я и сам почти как город:
днем и ночью равно я
ростом замысла расколот
на два полубытия.
Спит душа, не засыпая,
и всю жизнь, всю жизнь гудит,
городу не уступая,
плоть ее карнатид,
набережных, парков, будок,
площадей, кремлей, домов,—
восставая от побудок
для всевременных трудов.

Все-то мне хочется набело, наново
путь повторить своего бытия.
Рано преставилась Анна Степановна,
Анна Степановна, бабушка моя.
Недосказала былили, недопела мне
песен старинных, как горячая власть
тьмы — призвала ее... Дел не доделала.
Сына любимого не дождалась.
Так она знала и так она верила,
что не загублен, а все еще жив!..
Где же ты спишь, справедливая, верная,
руки большие навеки сложив?
Кладбище то помешало строительству —
не попроведовать старую мне,
доброто не испытать покровительства,
голоса не услышать в тишине.
Грохот и пыль. Содрогание воздуха.
Трактор могильную давит траву.
Бабушка, слышишь? Ни знака, ни отзвука.
Что же я памятью боли живу?
Все ведь судьба возвратила, что отнято,
милостиво случай, и жизнь хороша...
Анна Степановна, свет мой, хоть отсвета
ждет от тебя и томится душа.

Не выбирал, кем быть, кем стать,
какого, где смалку служенья,
когда был смалу счастлив — знать,
каких начал я продолженья.
И чем еще мне дорожить
и о какой мечтать свободе,
когда и так я счастлив — жить
и умереть в родном народе?

Зной за льдом, за травкой выюга —
нас побаловала жизнь.
Друг мой, ангел мой, подруга,
на былое оглянься.
Нас печали породнили,
но добром отзывалось
все, что мы в душе хранили,
все, чем нам с тобой жилось.
А хранили мир безбрежный
в тесной комнатке, в Москве,
а жилось нам — как подснежной,
в солнце верящей траве.
Все, что было, не забылось;
страсть палила, не сожгла,
сединую оттенялась
светотень добра и зла.
Да! живем мы — как впервые.
Как же тут не сохранить
свет в сердцах, любовь к России,
чувство локтя, жажду жить?
Вне очерченного круга
жизни, данной нам с тобой,
мне ль искать любви, подруга,
друг мой верный, ангел мой?

Поздно мне новую жизнь начинать,
рано со старою жизнью прощаться.
Милая! Нам единенья не знать,
если судьба — друг сквозь друга промчатся.
Так бесконечность пронзает звезда,
встречным планетам меняя орбиты.
Так бедолагу уводит беда
от бытия в мелкотравчатость быта.
Что тебе, юной, несчастья твои,
если их можно по-женски поправить
вызовом горьким — семьей без любви,
верной возможностью крупно слукавить?
Жизнь не живешь — выбирая житье,
счастье не ищешь — хватая любое...
Милая! Имя забуду ль твое?
Тяжко его рифмовать с нелюбовью.
Год пролетает со скоростью дня,
воет забвенья: «Прощай и прощайся!»
Поздняя страсть опалает меня
вечным огнем невозможного счастья.

Старшему другу

Осились пространство и время
обгонили почти. Но пока
живешь, от забот не старея,
забудь-ка, что жизнь коротка.
С тобой ничего не случится:
ты мастер всерьез и давно.
О, только живи. Проявится
тебе еще будет дано:
поступком, и жестом, и словом,
и взлетом к орбитам иным,
и отпрыском, пусть непутевым,
но все же — в родном, и — родным.

Интересно спланированы сами микрорайоны. Каждый из них будет представлять как бы законченную систему со своим жилым фондом, школами, детскими садами, яслями, зоной отдыха, с плескательными бассейнами, фонтанами, спортивными комплексами. Внутри микрорайона пройдет его главная пешеходная улица, запретная для транспорта, где расположатся магазины, аптека, почта, ателье, мастерские бытового обслуживания. Городской транспорт пойдет по улицам, расположенным на периферии микрорайонов.

Общественные учреждения, имеющие общегородское значение — Дворцы культуры, институты, крупные кинотеатры, универмаги, — расположатся на главной улице, протянувшейся вдоль всего города с запада на восток. Выполненные по индивидуальным проектам, эти учреждения будут нести ко всему прочему еще и функции центров, формирующих архитектурные ансамбли. На магистральных улицах, что рассекут город поперек, ближе к берегу водохранилища, встанут Дворцы культуры «Атоммаша» и «Энергомаша», Дворец молодежи, музей, памятники. А у самого моря раскинется зона отдыха. Когда город придет к Мокросолоновскому заливу, там будет построен водноспортивный комплекс с гребным каналом, яхт-клубом, плавательным бассейном — все в соответствии с олимпийскими нормативами.

В завершеном виде — относительно завершеном, развивается, потому что город будет бесперерывно развиваться. — Волгодонск представился гигантской «восьмеркой», западным районом которой станет Старый Город, центральным — та часть, что разместится между двумя заливами водохранилища, а восточным — его кварталы за Мокросолоновским заливом.

Этот проект демонстрировался с успехом на многих выставках.

Спросил я о населении будущего города и ненароком попал в самое «больное» место.

Еще два года назад в беседах со мной руководители города с гордостью называли две цифры — 35 и 300. Тридцать пять тысяч жителей было в Волгодонске до его «атомной зры», трехсот тысяч достигнет его население, когда вступят в строй все намеченные предприятия. Это превратит его во второй по величине город области, позволит «обскакать» и Таганрог, и Шахты, и Новочеркасск.

Нынешней осенью я услышал новые наметки: пятьсот тысяч жителей. Причем эти «пятьсот» назывались уверенно. А Александр Евгеньевич Фролов даже сказал, что это низший предел. Свои слова он подкреплял таким рассуждением:

— Между Ростовом и Волгоградом — 600 километров. И на этом огромном расстоянии нет ни одного большого города. Волгодонску, расположенному как раз посередине, предстоит заполнить «пустоту» и стать центром групповой системы расселения. Со временем он будет обслуживать прилегающие к нему районы своей строительной базой, медициной, куль-

турой, наукой. Цимлянск в этой системе скорее всего станет «мозговым» и лечебным центром, городом-спутником или одним из районов «Большого Волгодонска», где расположатся учебные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские учреждения, здравницы. Естественно, все это будет обладать огромной притягательной силой не только для новых производств, но и новых жителей. Уже сейчас приток населения устойчиво удерживается на 25 тысячах человек в год.

— Да, — сказали в «Гипрогоре». — Тысяч шестьсот — семьсот Волгодонску можно было бы гарантировать с уверенностью.

Сейчас в градостроительстве очень популярна концепция групповой системы расселения, и Волгодонск вполне может претендовать на ведущую роль в этом районе. Для этого у него хорошая база. Скоро, выйдя на полную мощность, его ДСК смогут давать 330 тысяч квадратных метров жилья в год. Кирпичный завод, заводы железобетонных изделий, металлоконструкций, силикатных стеновых материалов — все это притянет сюда новые предприятия, заставит расти и сам город... Но, — неожиданно закончили проектировщики, — есть решение: население Волгодонска ограничивается четырьмястами тысячами человек.

После такого оптимистического вступления слышать подобную концовку было странно.

Но все объяснялось просто.

Химический завод имени 50-летия ВЛКСМ, выросший тут двадцать лет назад, отрезал дорогу городу на запад. Санитарная зона этого предприятия, в черте которой нельзя строить жилье, уже сейчас «накрыла» старую часть Волгодонска. Когда ветер дует со стороны завода, во рту ощущаешь привкус мыльного порошка. Все, разумеется, в допустимых нормах, но приближаться к заводу новым жилым кварталам нельзя.

Оказалось, что будущий сосед «Атоммаша» — завод-гигант энергетического машиностроения, который будет выпускать автоматизированные парогенераторы и водогрейные установки, каркасы котлов, поковки, горячие и холодные штамповки, — имеет ко всему прочему и литейное производство, которое по санитарным нормам должно выноситься от жилой зоны на гораздо большее расстояние, чем те шестьсот метров зеленых насаждений, предусмотренные генеральным планом города. Конечно, можно было бы завод «посадить» в одну линию с «Атоммашем» чуть восточнее, а его «литейки» отнести дальше в степь. Но поступили иначе: «Энергомаш» строят к югу от «Атоммаша», нарушая ранее задуманную схему линейного развития промышленности.

Короче, рожденный в привольной степи, молодой Волгодонск оказался в мешке. Его заранее без особой на то нужды лишили возможности расти, развиваться, а это, как показывает опыт градостроительства, заранее обрекает любой город на будущие трудности.

Но город — это не только заводы и жилые кварталы. Это еще и люди.

Кто же он — будущий житель Волгодонска? Мне показывали здесь памятную медаль, которую вручат в загсе молодым родителям при регистрации ребенка. На одной ее стороне — карта области с хлебным колосом и надпись: «Родившемуся на донской земле». На обороте в центре — тюльпан, имя и фамилия новорожденного, число, а по кругу: «Волгодонск».

Так встречает город своих новорожденных жителей. Но они даже к началу XXI века не составят большинства его населения. Оно сформируется из приезжих. Ныне поток писем с просьбой прислать вызов, или сообщить условия работы на стройке, или на самом «Атоммаше» несколько поуменился по сравнению с прошлыми годами. Но тем не менее писем много.

По комсомольским путевкам приезжает примерно треть вновь прибывающей рабочей силы. Как ни странно, текущая в этой категории строителей выше, чем среди тех, кто приехал самостоятельно.

Но цифры — только схема, общее представление о положении дел. На вопрос «Почему так происходит?» они ответа не дают. Казалось, лучше всего объяснят это те, кто сам приехал по комсомольской путевке и уже уехал отсюда или вот-вот отправится на вокзал.

Встретился с ними. Поговорил. Приведу только два ответа. Первый принадлежит парню, который накануне получил письмо друга с чукотской Амгузмы.

— Я ожидал, что «Атоммаш» строится на голем месте, что жить придется в палаточном городке в степи. Кругом — ничего, и все, что тут вырастет, будет построено нашими руками. Приехал: асфальтированные улицы, современные дома, поселили в девятиэтажном общежитии, газ, вода, все удобства... Одного только нет — романтики.

У другого моего собеседника претензии иного рода:

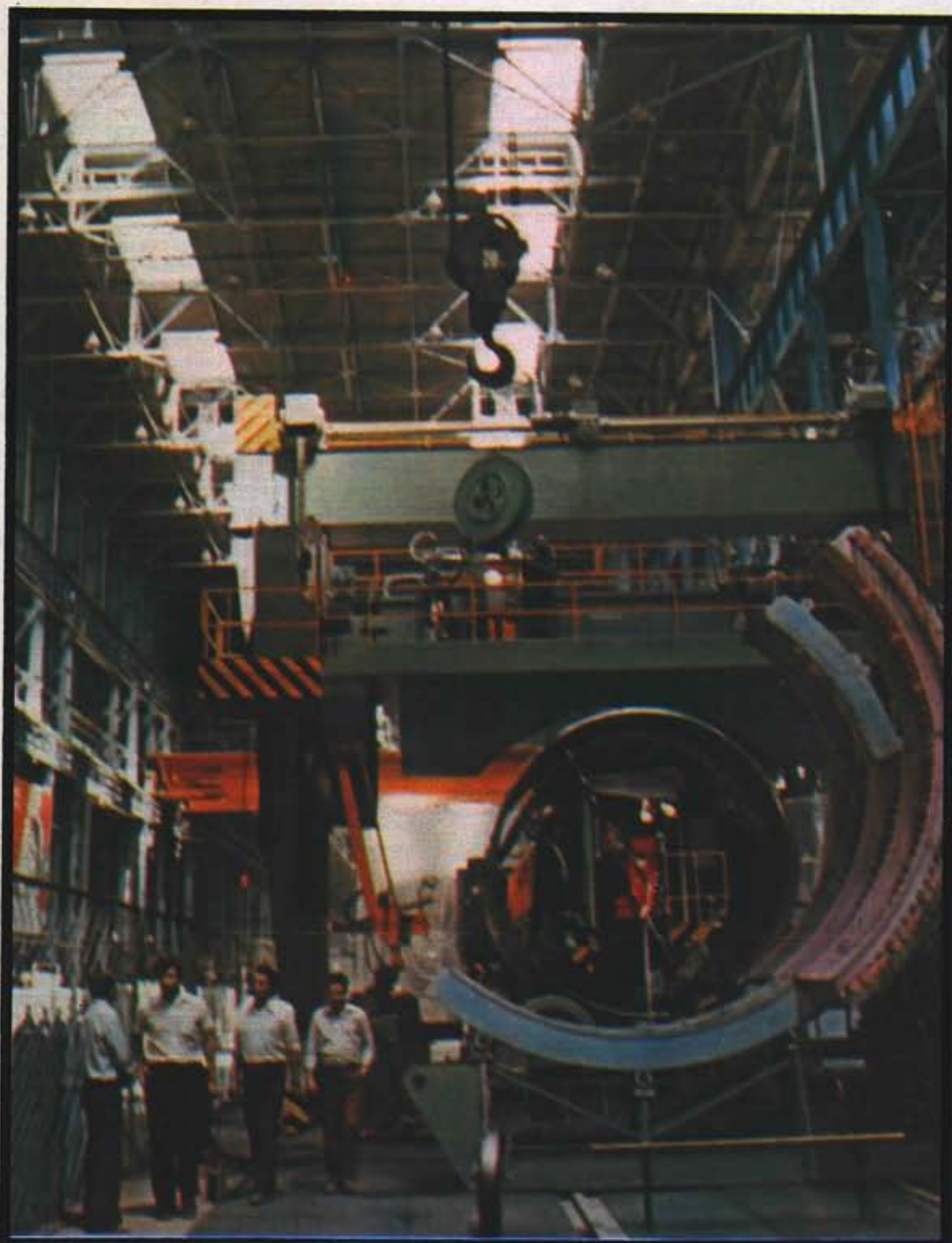
— Нам говорят: стройте завод двадцать первого века, который и продукцию будет давать по стандартам будущего столетия. А здешний быт отстает даже от требований нынешних дней. У себя дома я и жил лучше и зарабатывал больше...

Умышленно привожу диаметрально противоположные требования, чтобы нагляднее представлялась широта мотивировок тех, кто, приготовившись к отъезду, хочет объяснить неудовлетворенность здешним своим положением. Это два полюса, а между ними — пестрый спектр иных объяснений.

Но при анализе первопринципальных, ведущих к неудовлетворенности или, скажем, неприживаемости вновь прибывших на стройку, некоторые закономерности проследить все-таки удается. Чаще всего они зародились не в Волгодонске, а там, откуда молодые строители прибыли.

Заведомо неверная информация в большинстве случаев является главной причиной, почему вновь прибывшие чуть ли не с первого дня нацеливаются на отъезд. Видимо, еще часты случаи, когда, стремясь

некий единый характер города Волгодонска, который будет определять его лицо, а дух новостройки, со свойственным ей ощущением временного проживания, уступит место чувству оседлости и основательности.

В принципе через это горнило приходится пройти всем молодым городам. Так что проблема эта не новая, хотя для решения ее до сих пор так и не найдены раз и навсегда пригодные рецепты.

В городе, как сказал мне первый секретарь горкома ВЛКСМ Анатолий Фисунов, где более шестнадцати тысяч комсомольцев, тридцать девять молодежных общежитий, очень остро стоит проблема свободного времени. Тут созданы клубы по интересам «Родина», «Подружка», «Человек и закон»; работает литературное объединение, которым руководит поэт Юрий Неизвестный. При каждом общежитии создан общественный штаб по культурно-воспитательной работе, красный уголок, простейшая спортивная площадка. Но... Чтобы ходить в литобъединение, нужно иметь призвание, а в клуб по интересам — интерес к обсуждаемым там темам. И красный уголок общежития — место отдыха не для каждого вечера.

А вот самых привычных для отдыха молодежи мест не хватает. Всего на четырнадцать процентов против нормы город обеспечен кинотеатрами, на треть — стадионами и тирами, на половину — Дворцами культуры, спортзалами, игровыми площадками. Все это строится, будет со временем сдано в эксплуатацию... Но нужно это уже сейчас.

Ко всему этому волгодонский новосел встречает немало и других трудностей. Считается, что ежегодный прирост по 0,5 квадратного метра жилплощади на одного жителя в городе со сложившимся населением вполне приемлем. В этом году Волгодонск получит примерно по три квадратных метра на жителя. И тем

«АТОММАШ» НАЗЫВАЮТ ПРЕДПРИЯТИЕМ XXI ВЕКА.

УЮТОМ РАДУЮТ НОВЫЕ КАФЕ.

не менее жилищная проблема здесь одна из самых острых, и сама структура населения усложняет эту проблему. Если где-нибудь в Ростове или Таганроге молодая семья может ждать получения новой квартиры, проживая какое-то время с родителями или родственниками, в Волгодонске этот вариант исключен. Нет тут и родной бабушки, которая посидит с внучатами в случае необходимости. А свадьбы здесь на тысячу жителей по сравнению с теми же Ростовом и Таганрогом значительно больше. А это — новые заявления на отдельные квартиры, места в яслях и детских садах. Сейчас в очереди на получение квартир, по данным горисполкома, стоит пятнадцать тысяч семей, семь тысяч заявлений на места в детских садах и яслях. Мэр города Александр Егорович Тягливый убежден, что проблему с дошкольными учреждениями удастся решить уже к концу года: общими усилиями всех предприятий и организаций города ускоренным темпом строится несколько детских садов и яслей. Это высвободит значительное количество женских рабочих рук, которых не хватает и на стройках, и в промышленности, и в сфере обслуживания.

Постепенно удастся снять остроту и с жилищной проблемы.

любой ценой выполнить план по направлению людей на ударную комсомольскую стройку, иные комитеты комсомола не считают за грех приукрасить перед добровольцами условия труда, жизни, заработок на новом месте. Сулят квартиру, машину вне очереди, всякий дефицит. Под конец успокаивают: не понравится — вернешься. И пускается человек в неблизкий путь с твердой верой, что уже держит в руках увесистого журавля, а на новом месте ему указывают на синицу в небе. А дальше схема известная: день приезда и день отъезда — рядом.

Знакомясь с вновь прибывшими, порой невольно приходишь к выводу: у иных комсомольских организаций очень велико искушение решить проблему трудновоспитуемых за счет ударныхстроек. Устоять от соблазна удается далеко не всем. Это не считают нужным даже камуфлировать. Ну кого может обмануть удивительное совпадение: путевка выдана в один день с комсомольским билетом? В крайнем случае, через день-два, неделю. И не девушке или паренюку шестнадцати лет, а людям в «преклонном» комсомольском возрасте. Поди, сами намайлись воспитывать, вот и «удружили» Волгодонску кадр: исправляйте наши грехи. А тут своих дел и проблем — тьма.

И порождены они бешеным темпом, с которым разрастается и город и население.

Уже сейчас два из трех жителей — новоселы. Сложившаяся за предыдущие четверть века «психология» маленького города, когда все знали не только друг друга, но и всё друг о друге, эта психология трещит под напором новых обычаев, привычек, которые везут сюда со всех концов страны новые горожане, и пройдет немало времени, прежде чем этот конгломерат обычаев и привычек переплавится в

НА ВЧЕРАШНЕЙ ОКРАИНЕ.

Но было бы наивным полагать, что решение жилищно-бытовых и социально-культурных проблем сразу же решит вопрос о текучести кадров. Если бы так! Завод XXI века—это прежде всего и требования XXI века к квалификации, профессиональным знаниям, дисциплине и прочему, что составляет производство. Не в меньшей мере это относится и к строителям, которые возводят этот завод и новый промышленный центр при нем. А вот молодые энтузиасты, прибывающие на «Атоммаш», чаще всего не соответствуют требованиям, которые предъявляют стройка и город. Отправляясь сюда, полные радужных надежд совершить нечто эпохальное, они на месте убеждаются, что в лучшем случае с их квалификацией, их опытом им отведены вторые роли.

В Волгодонске мне пришлось услышать о строительной бригаде Николая Ивановича Потапчика, которая работает «на жилье» в Новом Городе. Она пришла из Таганрога уже готовой. Был коллектив, притершиеся друг к другу характеры, были специалисты, которые не просто знали себе цену, а действительно умели работать и быстро и хорошо. Нельзя сказать, что в бригаде не возникало никаких проблем. Но что интересно, из шестнадцати человек за все время только двое ушли из коллектива: один в армию служит срочную, второй уехал к родителям после бытовой травмы. В бригаде отличная выработка при высоком качестве. Отсюда и приличные заработки.

СО ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ ПРИЕЗЖАЮТ ОТРЯДЫ НА ВСЕСОЮЗНУЮ УДАРНУЮ КОМСОМОЛЬСКУЮ СТРОЙКУ.

а текучесть снизится. При нынешнем же подходе в самом большом выигрыше оказывается не стройка, а пассажирский транспорт: едут ли люди на стройку, возвращаются ли с нее—каждый берет билет...

Проблемы, проблемы, проблемы... Нет новостройки, которая сумела бы обойтись без них. Многие трудности—нехватка жилья, объектов соцкультбыта, текучесть кадров—вынужденные издержки роста, развития. Проходит время—и эти острые вопросы теряют свою злободневность. Так будет, конечно, и в Волгодонске. Город быстро растет. Как всякому акселерату, ему тесны вчерашние одежды, он выглядит угловато. Красота и завершенность придут со зрелостью, с возрастом разрешатся многие трудности, которые волнуют сегодня. Разумеется, хотелось бы, чтобы это время пришло побыстрее.

Но есть проблема, которую нельзя отложить на завтра, потому что время не сгладит, а только обострит ее. Я имею в виду застройку Нового Города. Встанет ли Волгодонск голубым, растущим красавцем на берегу рукотворного моря, как это предусматривает генеральный план, или окажется зажатым в кольце промышленных предприятий—это зависит от нашего сегодняшнего решения. И там, в XXI веке, его жители будут судить о нас, о нашем вкусе, о нашей мудрости по тому, сумели ли мы быть достойными своей мечты, смогли ли мы отстоять ее.

ЗДЕСЬ РАСТЕТ КРУПНЕЙШИЙ В ЕВРОПЕ ЗАВОД ПО ПРОИЗВОДСТВУ АТОМНЫХ РЕАКТОРОВ.

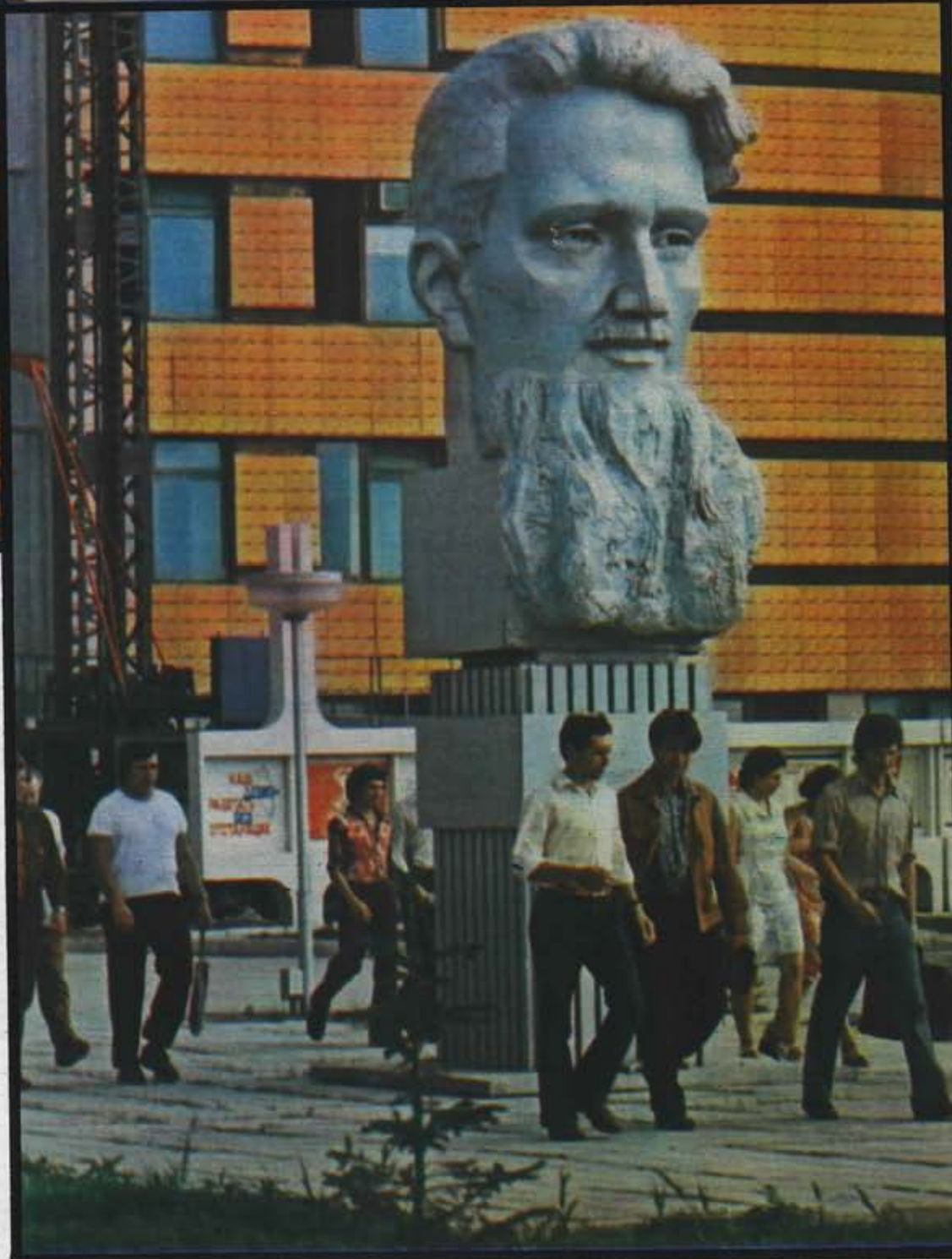
РЕПЕТИЦИЯ.

Не обойдены они заслуженным почетом, что тоже немаловажно: сознание своей необходимости держит на месте надежнее любого «длинного рубля».

Прошу отметить одно обстоятельство: приехали ребята из уже сложившегося южного, приморского города, где тоже имели и работу, и почет, и куда могли бы в любой момент вернуться. Но не вернулись. Осели в Волгодонске. Перевезли сюда семьи. Мне кажется, это произошло потому, что они ехали сложившимся коллективом, с собой привезли не только свои профессии и разряды, но и традиции, те самые корни, которые помогли легко прижиться на новом месте.

В Волгодонске мне пришлось много беседовать на эту тему. И само собой как-то выкристаллизовался вот какой вывод. Нынешняя комсомольская новостройка—говорю уже не только об «Атоммаше»—переросла сложившиеся в свое время методы формирования молодых рабочих коллективов. Техническая оснащенность, усложнение объектов, которые надлежит возводить, предъявляют несравнимо более высокие требования к молодым добровольцам. Сжатые сроки требуют высокого темпа работы, не оставляют времени на раскачку, на постепенное создание коллективов.

Нужен иной подход. Например, перед тем как отправлять молодых строителей на новостройку, их следовало бы на месте научить специальностям в учебных комбинатах или в ПТУ. Создать бригады, привезти на место будущей работы на практику, выявить лидеров, способных по своему характеру, а не по формальному отбору возглавлять коллектив. И уж только после этого вручать комсомольские путевки. Тогда толку от молодых строителей будет больше,

"ЛИШАЕТСЯ РОДИТЕЛЕМ"

Можем себе представить, как кто-нибудь из читателей, прочитав истории, составившие этот очерк, в недоумении пожмет плечами: уж больно невероятные случаи. А между тем все, что описано в них, — чистейшая правда, ибо все три истории слушались недавно в одном из районных народных судов города Москвы. Больше того, подобные истории слушаются там не раз в году, не как невероятное исключение, а каждый вторник. Каждый вторник в одном из судебных заседаний слушаются дела о передаче детей на воспитание одному из разведенных родителей или о лишении кого-либо из них родительских прав, и среди этих дел все чаще и чаще встречаются истории, подобные тем, о которых вы прочтете ниже. И, как это ни парадоксально, но в последнее время, по свидетельству самих судебных работников, наблюдается рост числа подобных случаев. То есть участились не только случаи, когда лишают родительских прав отца и передают ребенка на воспитание матери, но все чаще стали встречаться дела, когда лишают родительских прав именно мать, доверяя воспитание ребенка отцу. О трех таких наиболее типичных случаях и рассказывается в очерке.

История первая

Они встретились десять лет назад. Ему было тридцать, ей — двадцать лет. Он был человек серьезный, уравновешенный, а в ней, такой маленькой, беззащитной на вид, уживались одновременно несколько человек: то она была грустная, то веселая, то находила на нее беспричинная тоска, а то неожиданно заляется, как ребенок, горячими слезами. Он был уже старый и испытанный холостяк, ничья душа со всеми ее горестями и тайнами не могла растопить его сердце, а тут вдруг нашло, накатило... Жаль ее было, хотелось как-то помочь, защитить. Оставшаяся после войны без родителей, воспитанная в детском доме, она до сих пор не нашла для себя по-настоящему родного дома, нигде не приживалась подолгу, занимаясь, по сути дела, бродяжничеством. Можно было бы отмахнуться от нее, как от наваждения, но он был совестливый человек, и поэтому после первой близости, на которую она пошла, как бы совсем не заметив ее, неожиданно подумал о себе: «А может, я подлец? Делаю вид, что жалко ее, а самому наплевать на ее мятарства?»

— Как же ты собираешься жить дальше? — спросил у нее.

— Поеду куда-нибудь. Лишь бы только не забрали опять...

Ее уже судили однажды за бродяжничество, и это-то и решило дело: он предложил ей остаться у него. Так он привел ее в свою двухкомнатную квартиру, в которой до этого жил вместе с шестидесятипятилетней матерью.

Через год у них родился первый ребенок. Сын. Назвали Алешкой, в честь отца и мужа. Бабушка, Анастасия Петровна, была, пожалуй, самой счастливой: у нее появился внук, а она уж и не чаяла, что когда-нибудь ее сын обзаведется семьей, и у него пойдут дети. Наконец-то остепенился! Прошлого своей невестки Анастасия Петровна не знала, не знала во всей подлинности, а впрочем, и знать не хотела, относилась к ней с любовью и уважением: воля сына — святая воля для матери, так она считала всегда. И поэтому жили они все хорошо, без ссор и разладов.

Муж, Алексей Иванович, работал инженером на опытном заводе, работой увлекался, часто задерживался по вечерам в цехах и на все, что происходило дома, смотрел сквозь пелену умиротворения и умиления — собой, семьей, ребенком. Особенно он был доволен тем, что именно он, как ему казалось, переродил Наталью для другой жизни.

Как-то пришел к ним в гости сослуживец Алексей Ивановича. Сели за стол, и Наталья, до того как будто всегда сторонящаяся вина, тоже выпила вместе со всеми, и вдруг все заметили в ней неожиданную перемену: она была веселая, счастливая, много смеялась, часто подходила к Алешке, тормошила его, щекотала, ласкала, улыбалась и все рассказывала какие-то необыкновенные истории из жизни бродяг и странников, и бабушка Анастасия Петровна сказала удивленно:

— Наталья-то у нас, оказывается, вон какая веселая! А я все переживала...

— Погоди, мать, погоди, — сказал благодушно Алексей Иванович, — заживем еще, как никто не живет! Наталья пойдет обязательно учиться, детей еще нарожаем, работать будем, заживем, словом! Погоди только!

В тот вечер она и пропала в первый раз. Вышли все вместе проводить гостя, а около станции метро как-то так получилось, что Наталья вдруг исчезла. Алексей Иванович, проводив сослуживца, потоп-

тался около метро и отправился домой: может, они просто разминулись с Натальей, и она теперь спокойно сидит-ждет его в квартире...

Вернулась Наталья часа через три, под самую ночь, говорить и объяснять ничего не стала, была какая-то тихая, будто прибитая. Стыдно, наверно, подумал Алексей Иванович... Спал он в ту ночь тревожно, а Наталья, свернувшись в калачик, лежала лицом к стене, и непонятно было, то ли спит она, то ли просто лежит, не шелохнувшись.

С того времени раз в месяц, а то и два Наталья обязательно куда-нибудь пропадала.

Анастасия Петровна смотрела на все это с тихим недоумением и непониманием, но молчала и с еще большей энергией отдавала всю себя внуку. Алешка и матерью-то чаще всего называл ее, бабушку...

— Ребенок у нас будет, — как-то призналась Наталья мужу.

— Та-ак! Прекрасно! — даже обрадовался Алексей Иванович. — Обязательно будешь рожать! Поняла?! Вот тогда я посмотрю, куда ты побежишь от двух детей! А то завела себе моду...

На этот раз родилась девочка, славная девчурка с голубыми глазами. Назвали Ладой. И опять больше всех радовалась внучке Анастасия Петровна: надо же, дождала до счастья — был внук, а теперь и внучка есть. Какая она теперь богатая бабушка!

На какое-то время в доме установился прежний порядок и мир, семья Алексея Ивановича казалась со стороны счастлившей на свете — муж, жена, двое детей, добрая и заботливая бабушка, что еще нужно для счастья? Но оказалось, счастье опять было призрачным: как только девочка чуть подросла, Наталья в который уже раз затосковала, потянулась к вину, а как только выпивала рюмку-другую, так ее тянуло куда-то вдаль и в неизвестность.

Алешка ходил уже в детский сад, Ладку устроили в ясли, присматривала за обоими в основном Анастасия Петровна. Наталья же все чаще и чаще пропадала из дому, пока, наконец, даже бабушка не выдержала и в упор не спросила Наталью:

— Да кто ты есть такая?! Что ты за человек?!

— Чужая я, — ответила Наталья. — Чужая для всех.

— Да какая ж ты чужая? Живем все вместе, у тебя двое детишек, о них хотя бы подумай... Или, может, Алексей тебя обидел чем?

— Чужая я, — все повторяла Наталья. — Тянет меня куда-то, а куда — сама не знаю...

— Я, Наталья, человек старый, пожила уже на свете, вот тебе мое слово: бросай все, живи в семье — и будешь счастлива. И о детях своих подумай!

А Наталья почти не слушала Анастасию Петровну и смотрела на нее сквозь пелену грустно-отрешенных глаз...

Намучившись с постоянными исчезновениями жены из дома, махнув на все рукой, Алексей Иванович подал, наконец, на развод. Алешке было четыре годика, Ладке — два, когда брак между Алексеем Ивановичем и Натальей был расторгнут. Наталья в то время пропала из Москвы, и брак расторгали в ее отсутствие.

Дома Алешка в первый раз спросил его:

— Папа, а где мама? Опять убежала?

— Нет у нас больше матери. Была — и нет.

Через полгода из Горького пришло письмо от Натальи. Всего несколько слов. Писала она из колонии: «Пришли, если можешь, сала и теплые носки. Сижу за бродяжничество и воровство. Прощай, Наталья».

Сало и носки он выслал. А на следующий день подал в суд новое заявление: с просьбой лишить Наталью материнских прав. Уж лучше пусть совсем не будет у детей никакой матери, чем такая...

Судья во время разбора иска спросила его:

— Вы знали до женитьбы, что ваша невеста судилась за бродяжничество?

— Знал.

— И все-таки решились на брак. Вы не подумали тогда о судьбе ваших будущих детей?

— Я думал тогда только о Наталье.

...Теперь у Алешки с Ладой нет матери. Есть женщина, которая родила их, но материнских прав на детей у нее больше нет. Алешка учится в школе, Лада ходит в старшую группу детского сада, Алексей Иванович сам готовит еду, сам стирает, сам воспитывает их, один, без бабушки, потому что золотая

бабушка Анастасия Петровна полгода назад умерла.

А жениться во второй раз Алексей Иванович ни за что не хочет. Сыт по горло, говорит он.

История вторая

Сильвестров женился на женщине, у которой была четырнадцатилетняя дочь Нина от первого брака. Почти до сорока лет прожил он побоищем: так уж получилось, что свое время пропустил, а потом просто не отваживался связывать свою жизнь с кем-то. И вот, наконец, встретил женщину, которую полюбил, сделал ей предложение и очень хотел иметь от нее сына. Поначалу Елена Сергеевна рожать не хотела, считала себя староватой для такого «подвига», но Сильвестров настаивал, иначе для него и женитьба не имела смысла, и она в конце концов уступила мужу. Сережке исполнилось одиннадцать месяцев, когда Елена Сергеевна твердо сказала Сильвестрову:

— Делай, что хочешь, а я так жить больше не могу! Не могу дома сидеть, понимаешь? Хочу на работу, в свой институт. Дома сидеть мне тошно.

Елена Сергеевна работала в НИИ лаборанткой, Сильвестров — шофером на маршрутном такси.

— Ну, подожди немного, поставим Сережку на ноги... Видишь, он слабый у нас, нельзя же его в ясли.

— Ты хотел ребенка — вот теперь и думай...

— Может, Нина поможет немного? Большая ведь уже девочка...

— Хочешь из моей дочери няньку сделать? Она и так мало хорошего видела со своим отцом-пьяницей, так теперь еще и в няньки идти?

На этом тот разговор и закончился.

У Сильвестрова было три сестры. Одна, старшая, жила в Подмосковье в собственном доме, две другие — в Москве, в бывшей квартире своей матери: жили вместе, но разными семьями. Младшая сестра Надежда недавно родила, сидела дома со своим малышом. Сильвестров поехал к сестрам. Долго сидели, думали, что делать.

— Привози-ка ты своего Сережку к нам! — сказала Надежда. — Сижу с одним, посижу и с двумя! А там видно будет...

— Верно, — поддержала Люба. — И я помогу, когда нужно. Дело-то мое — холостяцкое. — И она грустно улыбнулась: из трех сестер только средняя, Люба, пока не была замужем.

Сильвестров раздумывать не стал: на следующий же день перевез Сережку к сестрам да и сам перебрался к ним, благо квартира была трехкомнатная.

Сережке переезд пришелся по душе: целыми днями он крутился около тети Нади с Павлушкой, который удивленно таращил глазенки на своего двоюродного брата. Елена Сергеевна поначалу приезжала к ним часто: четыре-пять раз в неделю после работы, а потом, видя, что муж с сыном живут хорошо, и чувствуя молчаливое осуждение со стороны сестер мужа, стала приезжать реже. Объясняла это тем, что на работе дел прибавилось да к тому же Нина требует особого присмотра — девочке уже пятнадцать, мало ли что может случиться...

И в общем-то это была правда.

На лето Надежда с Павликом и Сережей уехала в Подмосковье к старшей сестре Вере. Сам Сильвестров, как и муж Надежды, каждый день добирался на электричке в подмосковный дачный поселок, и хоть хлопот было достаточно для всей большой семьи, жили дружно.

Елена Сергеевна за лето так ни разу и не приехала к Сережке. Говорила позже: не знала, куда ехать.

Сережка о матери тоже не вспоминал.

Осенью Сильвестров поехал однажды к Елене Сергеевне и застал в квартире незнакомого мужчину.

— Интересно получается, — сказал Сильвестров. — Вы кто здесь будете?

В это время вошла Елена Сергеевна, смутилась, покраснела.

— Та-ак... — протянул Сильвестров. — Значит, ты меня все это время обманывала?

— Я не обманывала, — ответила жена. — Но если ты ушел от меня, что мне оставалось делать? Я ведь женщина.

— Я не уходил, — сказал Сильвестров. — Я Сережку на ноги поднимал. А ты этим временем...

ТЕЛЬСКИХ ПРАВ...

— Мог бы и здесь жить. И сына в ясли отдать. Другие отдадут—ничего. А ты сразу к своим сестрам побежал. Вот и живи теперь с ними...

— Ну что ж...—сказал с горечью Сильвестров.—Мы проживем, только ты смотри Нину не испорти. Погубишь девчонку.

— Не твоя забота. Ишь, позаботился он...

Развели их сразу же, но Сильвестров на этом не успокоился: подал в суд заявление, чтобы сын был полностью передан ему на воспитание.

...На заседании суда Елена Сергеевна не явилась. Дело отложили. Елена Сергеевна не явилась и во второй раз. Слушали дело без нее.

Со стороны истца выступали три свидетельницы—сестры Сильвестрова: Вера, Надежда, Любовь.

На вопрос судьи, сможет ли отец сам воспитать сына, они единодушно заявили: Сильвестров—идеальный отец. С первых дней рождения Сережи он всего себя отдал сыну, заботился о его здоровье, нянчился, кормил его, стирал ползунки и распашонки, переехал жить к сестрам, только чтобы укрепить здоровье малыша, который с рождения был слаб и хил.

— Вы тоже помогаете брату воспитывать ребенка?—спросила судья свидетельниц.

— Да, конечно,—ответили сестры.—Мы любим брата и любим его Сережку и потому помогаем им.

Елена Сергеевна отныне платит бывшему мужу алименты на воспитание сына. Нет, она не лишена материнских прав, она может приезжать к сыну, может видеть его, может участвовать в его воспитании, но она предпочитает платить двадцать пять процентов из своей зарплаты и никогда не видеть сына.

А Сережке исполнилось уже три года, и на вопрос, кто у него мама, он гордо и важно отвечает: «Папа!»

История третья

Разлюбив друг друга, супруги Бармичевы решили спокойно и без скандала разойтись. Что и сделали. Был у них сын Гошка, которому перед самым разводом исполнилось одиннадцать лет. Сын с матерью остались в двухкомнатной квартире, отец не требовал ни размена жилья, ни раздела имущества, купил однокомнатный кооператив (Бармичев был кандидатом технических наук, руководил лабораторией в одном НИИ) и мирно переехал на новое местожительство. Вера Константиновна Бармичева работала в районной библиотеке, люди они были интеллигентные, скандалов не устраивали, просто разлюбили друг друга—и вот разошлись.

Сложность была только в одном—в сыне. Договорились, что Гошка по субботам и воскресеньям будет приезжать к отцу, а в остальные дни будет жить с матерью. Все довольно человечно и справедливо.

— Только ты смотри,—наказывала мать Гошке, отправляя его к отцу,—одевайся там потеплей, не перетруждайся, после обеда обязательно ложись спать, не вздумай ходить на каток, не...

— Ладно, ладно, мама,—торопливо отмахивался Гошка и, всегда недовольно морщась от надоевшей уже материнской заботливости, быстро исчезал.

У отца он жил удивительной—взрослой, свободной, интересной—жизнью! Отец был увлекательнейшей натурой, и это его качество передавалось сыну. А самое главное—он никогда не унывал. У Гошки с рождения было слабое сердце, и мать от всего его оберегала—от сквозняков, от физических перегрузок. Так что в школе над ним смеялись не только ребята, но и девчонки, и он в душе своей носил постоянное чувство собственной неполноценности—считал себя безнадежно больным, слабым, «хилаком». К тому же мать из года в год не то что поддерживала в нем это мнение, а даже лелеяла его, буквально вбивая мысль: ты больной ребенок, должен беречься, должен думать о себе, о своем сердце, мало ли что может случиться...

Гошка устал от вечной заботливости матери, устал от своих мыслей и переживаний, ненавидел, когда мать—почти каждый год—устраивала его в диспансер для кардиологических обследований, ненавидел врачей, ненавидел себя...

Был только один человек на свете, который никогда не напоминал ему о его болезнях,—это отец. Больше того, он всегда спорил с матерью из-за

Гошки, говорил, что нельзя калечить мальчишке психику и вдалбливать ему мысль о его мнимой неполноценности.

А самому Гошке он внушал:

— Выбрось из головы все болезни. Ты ничем не болен. Ты такой же, как все.

И он постоянно старался доказать это сыну. Зимой они вместе катались на лыжах, летом плавали, собирали в лесу ягоды, грибы, ходили в походы. Гошка и в самом деле забывал обо всем на свете и чувствовал себя прекрасно. Однажды он пробыл в туристическом лагере целый месяц, и когда вернулся домой, мать тут же потащила его в поликлинику на обследование. Даже врач удивился, что сердце у Гошки абсолютно нормальное, не слышно никаких шумов, работает ритмично, четко, гулко.

Но мать все равно делала свое дело. Постепенно она снова внушила сыну мысль о том, что он не как все, должен беречься и прочее... Жизнь с матерью была для Гошки бесконечной внутренней борьбой: он, конечно, любил ее, и все-таки мать угнетала его...

— Только ты не груби матери,—не раз говорил Гошке отец.—Ты же понимаешь, она женщина, к тому же твоя мать, а у них, у женщин, есть такая слабость: чрезмерно любят и опекают нас, мужчин.

— Тяжело мне с ней...

— Ты должен быть выше всего этого. Надо уметь прощать мать. Ведь она же любит тебя?

— Любит.

— Вот это и есть самое главное.

Как-то в понедельник Гошка после занятий в школе приехал к отцу.

— Ты сказал маме, куда поехал?

— Ее еще нет дома.

Вечером отец позвонил Вере Константиновне, сообщил ей, что сын у него.

— А я тут с ног сбилась, у соседней спрашивала, в школу бегала, в милицию собиралась звонить! Зачем ты его сманиваешь к себе? Зачем внушаешь всякие гадости обо мне?

— Я никогда ничего плохого о тебе не говорю. Не выдумывай. Сегодня он переночует у меня, а завтра снова вернется домой.

— Ты хочешь отобрать у меня сына!

— Не говори глупостей.—И отец повесил трубку.

На той неделе Гошка еще трижды сбегал из дома. Возвращаясь из школы, уезжал на метро к отцу, а это дорога неблизкая.

— Что с тобой происходит?—спросил отец, пристально глядя сыну в глаза.

— Ничего,—ответил Гошка.—Я хочу жить честно. Ты сам так говорил. Я хочу жить с тобой.

— Но ведь сначала надо утрясти этот вопрос с мамой.

— А чего тут утрясать? Она знает, что я у тебя. А по субботам и воскресеньям буду ездить к ней. Разве так нельзя?

— Можно, конечно. Но согласится ли мама?

— Я вчера был у юриконсульта. Он сказал мне, что по закону родители имеют равные права на воспитание детей.

— У юриконсульта?—удивился отец.—Да ты что?—И он вдруг весело рассмеялся.

— Не веришь? Честное слово!—Гошка тоже рассмеялся в тон отцу.

...Вся эта история длилась почти целый год. Мать приезжала к отцу, устраивала скандалы, обращалась в милицию, звонила даже на работу к Бармичеву, жаловалась на него начальству, но ничто не помогало: удержать сына около себя она уже не могла.

На бесконечные заявления в милицию Вере Константиновне наконец серьезно сказали:

— Никакая милиция не может и не имеет права заставить ребенка жить там, где ему не хочется. По закону он может жить у вас, может у отца. Лучше не мучайте сына, а договоритесь полюбовно с отцом, как его воспитывать дальше...

В конце концов Вера Константиновна согласилась, чтобы шесть дней в неделю сын жил у Бармичева, а в воскресенье приезжал к ней.

Прошел еще год, и однажды Бармичеву пришла в голову поразительная мысль: сын в течение трех лет живет у него, ничем не боится, успехи в школе блестящие, сам Бармичев начал работу над докторской диссертацией, с Гошкой живут душа в душу, а он в течение всех этих лет продолжает платить бывшей жене алименты на воспитание сына. Ну, не парадокс ли?

На другое утро Бармичев отправился в суд, чтобы проконсультироваться. Там ему сказали: подавайте заявление о сложении алиментов в связи с тем, что сын проживает с вами.

Бармичев так и сделал.

Узнав о заявлении бывшего мужа, к нему приехала Вера Константиновна, устроила настоящий скандал: ты отобрал у меня сына, теперь и от алиментов хочешь избавиться?! Не выйдет! Я подам встречное заявление в суд, чтобы сына передали на воспитание мне!

— Пожалуйста, подавай,—сказал Бармичев.—Только суд все равно оставит его у меня. Во-первых, потому, что он уже три года живет со мной, а во-вторых, потому, что он сам этого хочет.

— А обо мне вы подумали?

— Ты уже два года не обращаешь на сына никакого внимания. Лучшее сама об этом подумай.

— Нет, я не отступлюсь. Я буду судиться. Я не оставлю тебя в покое. Вы у меня оба попляшете от такой жизни!

Бармичев смотрел на свою бывшую жену и теперь особенно остро понимал, как же он был прав, что когда-то развелся с ней. И вдруг он подумал: черт с ними, с этими деньгами, пусть получает, лишь бы они с сыном жили спокойно, лишь бы сын не касался всех этих нечистоплотных дрызг.

Так они и живут поныне: Вера Константиновна получает алименты, а Бармичев воспитывает сына.

***

Истории, с которыми вы только что познакомились, вызывают к нашему сердцу и совести. Они помогают нам понять, откуда порой берутся несчастные, равнодушные, трудные, злые, обделенные теплом и сердечностью дети. Неудивительно, что среди несовершеннолетних правонарушителей так много ребят, лишенных в свое время родительской любви и заботы. Что уж говорить о тех, кто лишен не просто родительской заботы, а лишен матери—и это в то время, как мать где-то живет, работает, но знать не хочет своего ребенка.

Трудно, почти невозможно понять и оправдать ту женщину, ту мать, которая сама является виновницей горя своего ребенка, сама лишает себя материнства, а ребенка—матери.

Все можно наверстать, исправить, начать сначала, одного только нельзя вернуть, исправить, заменить—детства. Детства, испорченного родителями. Отцом. Матерью.

Тяжело, когда отцом.

Вдвойне тяжелей, когда матерью.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мать... Святое, дорогое для каждого человека слово. Мать любят, поклоняются ей, как высшему божеству, благодарят за все, что передала она детям своим с материнским молоком. Как невозможно быть истинным патриотом, не зная истории своей страны, так невозможно быть истинным гражданином, будучи равнодушным, черствым, невнимательным к своей матери. Матери наши заслужили, чтобы говорили о них всегда только хорошее. Но бывают, к сожалению, и исключения. Вот почему мы сегодня повели разговор о матерях, со спокойным сердцем расстающихся со своими маленькими детьми, оставляющих их на отцовских, хотя и достаточно крепких, но не таких ласковых и нежных руках, нежели руки матери.

Дабы не повторяться в деталях, обратим внимание читателей лишь на главное, что вытекает из прочитанного: на ответственность, которую несут взрослые, когда они создают семью и обзаводятся детьми. Ответственность не только—и не столько—материальную, а прежде всего высокую ответственность за моральное, духовное, нравственное, культурное воспитание будущего сына Отечества.

Что делать с теми отцами и матерями, кто самолучно снял с себя эту ношу ответственности?

На какую меру сыновней любви может рассчитывать мать, уклоняющаяся от выполнения своих родительских обязанностей?

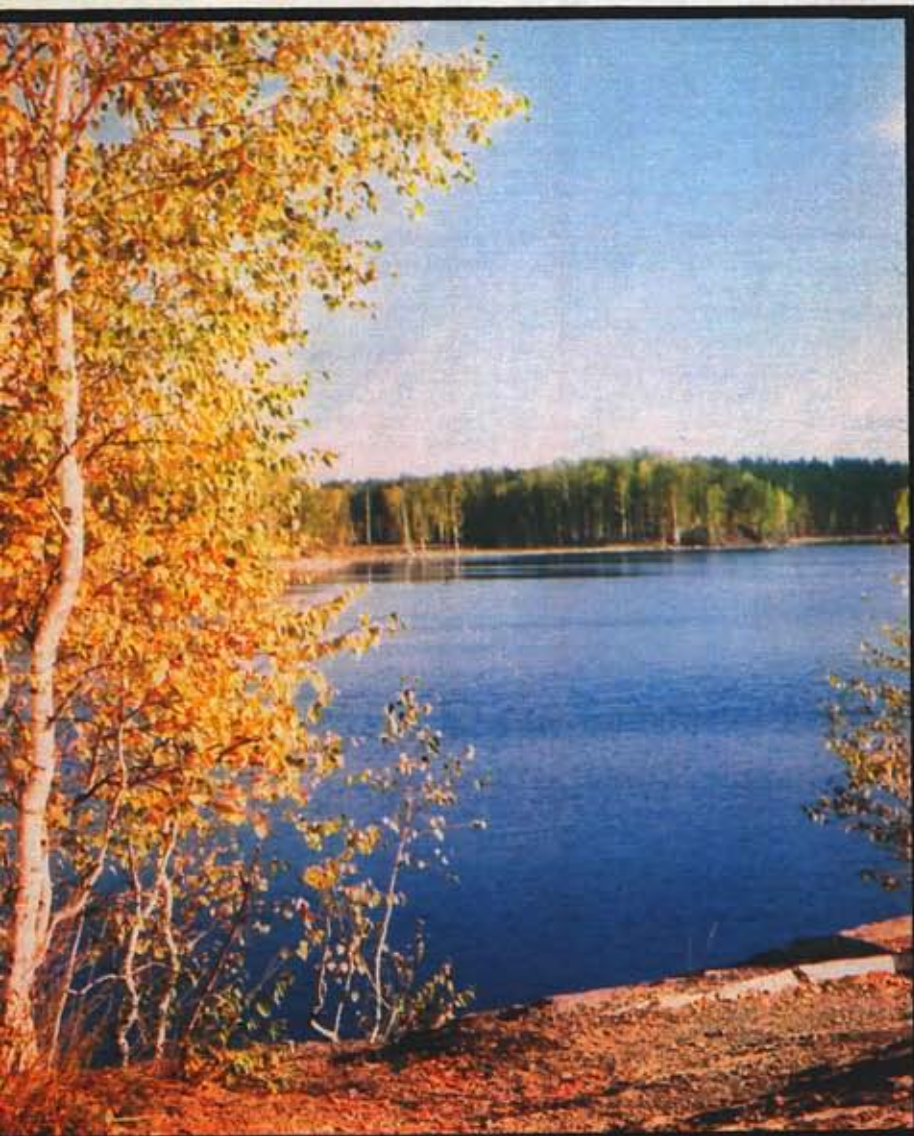
Есть ли прощение женщине, которую народный суд вынужден лишать самого святого ее права—родительского?

И что все мы—коллеги по работе, соседи по дому, знакомые, друзья—можем сделать для того, чтобы не было у нас «брошенных» детей?

Ответы на эти вопросы мы ждем от вас, уважаемые читатели. Приглашаем к разговору на поднятую тему прежде всего самих родителей, педагогов, комсомольских работников. Только давайте условимся не переводить наш разговор на язык одних житейских случаев. Напишите нам о своих педагогических поисках и находках в деле воспитания подрастающего поколения. Ведь даже крупицы воспитательской мудрости заслуживают того, чтобы стать всеобщим достоянием.

Ждем ваших писем.

Анатолий МАЛАХОВ,
доктор
геолого-минералогических
наук

Фото
Игоря КОНСТАНТИНОВА

Почти на версту растянулись подводы с грузом купца Менге, возвращавшегося в 1824 году из далеких Уральских гор. Купец ехал в переднем возке. Замыкающим караван был его приказчик и слуга со странным именем Мишель Байка. Русского солдата Михаила забросила судьба в Германию. Его подобрал раненым в 1814 году войска армии Беннигсена, освобождавшие окрестности городов Любека и Гамбурга от французов. Подлечившись от ран, русский солдат остался жить на чужбине. Переделанное на французский лад слово «байка» стало ему вторым именем.

Мишель Байка оправдывал свое прозвище. По поводу и без повода он рассказывал забавные байки.

С детства запали в душу Менге рассказы Мишеля. Вот и сейчас, подъезжая к границам Российской империи, Менге вспоминал, как и почему он оказался в пределах далекого Урала.

Менге вынул из походной сумы свою памятную книжку и заново перечитал записанный со слов Байки рассказ.

— Я расскажу тебе, — как бы услышал он густой бас Мишеля, — была о камне необычайной судьбы.

Много, много веков назад в горной стране жил могущественный правитель. Взгляд его был смертельным, как у страшного василиска...

Менге отчетливо вспомнил этот рассказ. Тогда, превратившись весь во внимание, он недовольно передернул плечами. Ему было незнакомо это слово.

— Ты не знаешь ничего о василиске? Так слушай. Это самый страшный из всех зверей. И рожден он необычно. В глухую полночь перед новолунием старый-престарый петух, чуя смерть, забрался в горы и там снес в навозную жижу корявое, с колочками яйцо. Подхваченное змеями, яйцо петуха попало в трясину, и там его высидела противная жаба. Из яйца вылупился исполин с головой петуха, телом жабы и хвостом змеи. Говорят, что глаза василиска испускали смертоносный синий луч, убивавший все на свете: людей, животных, цветы, деревья.

Прижавшись к рассказчику, маленький Менге слушал, затаив дыхание. А Мишель продолжал свою байку, как бы не замечая волнения слушателя:

— Чтобы заманить людей в свое логово, превращался василиск в синеокою царь-деву. Каждый глянувший в ее очи, отрекался от мира и шел за ней на край света. Но сплеховал однажды василиск. Не заметил у нового избранника маленькое зеркальце. И когда он посмотрел на удалца, то своим непереносимым взором уперся в свое изображение. С диким воем сдох от своего же взгляда василиск и тут же превратился в камень. Но и для удалца не прошло все это даром. Он тоже врос в землю. Луч солнца, отразившись в зеркальце, окаменел, превратившись в солнечный камень. Постепенно заросло то место. Только из-под мха порой переключались друг с другом два луча: васильковый и солнечный.

На какое-то время Мишель прекратил рассказ, чтобы дать возможность опомниться своему другу.

— Так вот, слушай. До ушей грозного властителя дошла быль о василько-

В 1920 ГОДУ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ЛЕНИНСКИМ ДЕКРЕТОМ БЫЛ СОЗДАН ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК.

вом и солнечном камнях. Послал он своих слуг, чтобы разыскали они каменное диво, свет от которого не только переключается с солнечным, но даже соперничает с его, властителя, взором. Рассказывают, что одному из слуг удалось найти васильковый и солнечный камни. Привел он своего властителя в это место. Но когда скрестились два луча — правителя и окаменевшего василиска, — раздался страшный взрыв. Исчезли и правитель и камень.

Маленький Менге, не раз слышавший байку, всегда в этом месте теребил рассказчика, спрашивая: где же, где находится это место?

— Слушай, мой милый. Я знаю это место. Оно находится в глуши Уральских гор. Вот вырастешь, мы поедем с тобой. Однажды мой дед рассказал мне, как найти это место. Научил он меня и тем волшебным действиям, которые помогают при поисках драгоценных камней. Научить тебя этому я не могу. Но показать на деле сумею...

Тыльной стороной ладони провел Менге по лбу. Сразу отошли все воспоминания. Он стал думать о том, что ему

ну, которая вся сверкала и горела нестерпимым блеском.

— Что это? — спросил растерянный Менге. — Солнечный камень из сказки?

— Нет, — ответил Мишель. — Здесь исстари добывали слюду. То, что сверкает и горит на солнце, это остатки тех крупных камней, которые увезли отсюда слюдяники. Итальянцы зовут этот камень мусковитом, от слова «муску» — Москва. Московский камень. Солнечный камень еще впереди. Давай наберем здесь слюдяных камней.

Пока они работали, к ним незаметно стали стекаться люди. Они выглядели изможденными. Были плохо одеты. Подходя, знакомясь, жаловались, что нет хорошей работы. А кормить-то семью надо.

По совету Мишеля нанял Менге всех этих людей к себе в работники.

В тех местах, где указывал Мишель, рабочие рыли землю. И так получалось, что сразу попадали на нужную жилу и извлекали из земли то, что они называли ласковым словом «занорыш».

Несколько раз Менге просил Мишеля показать ему поиск занорышей. Мишель, как правило, отпучивался. Говорил: «Покажу, покажу». Но рано утром отправлялся на поиск один.

Лишь однажды удалось подсмотреть купцу, как работал Мишель. Он увидел в руках своего слуги маленькую палочку. Вдруг палочка приподня-

КАМЕННА

ПОЧТИ ВСЕМИ ЦВЕТАМИ СПЕКТРА РАДУЮТ ГЛАЗ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ МИНЕРАЛЫ ИЛЬМЕН.

предстоит делать на родине. Как сбывать собранный товар?

А товар купец Менге подобрал с помощью Мишеля совершенно необычный. Байки байками, но его помощник действительно указал ему необыкновенное место. И опять нахлынули воспоминания.

Вот он пробирается в глубочайшие таежные дебри. По известным только Мишелю тропам прошли они на поля-

лась. Мишель остановился и сделал зарубку на дереве. Менге вспомнил, что такие зарубки он видел в местах разработки занорышей в жилах. Испугавшись, Менге пошел отсюда прочь. «Не иначе,—думал он,—нечистый помогает Мишелю. Ну, да ладно. Если это принесет успех, пусть поработает и нечистый».

Однажды Мишель пришел к Менге взволнованным. В его руках был маленький камешек, золотыми переливами сверкавший на солнце. Даже Менге, никогда не видевший до этого ничего подобного, сказал:

— Солнечный камень!

— Да!

— Значит, где-то поблизости должны лежать васильковый камень?

— Да, да!

И однажды сам Менге, разбивая кувалдой глыбу, обнаружил нечто сверкнувшее густо-синим светом. Наученный Мишелю, он знал, что драгоценные камни следует просматривать в полной темноте, при свете тлеющей ветоши. Забравшись в подвал, купец развернул тряпицу со своей добычей, высек кресалом искру, затеплил, зажег свернутую в трубку тряпицу, раздул пламя.

И обомлел. Из глубины камня вырвался васильковый луч. Этот луч завораживал, дразнил, манил за собой...

В Берлине Менге посоветовали обратиться к профессору Густаву Розе.

ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПРИЕЗЖАЮТ ЕЖЕГОДНО В ИЛЬМЕНОГОРСКИЙ КОМПЛЕКС.

Розе ахнул, увидев собранные Менге сокровища.

— Это открытие века! — кричал взволнованный ученый.

Он впервые держал в руках васильковый сапфир, впервые смотрел на минерал, получивший позднее название нефелин, или элеолит. Вместе с нефелином в собрании Менге насчитывалось не менее десяти неизвестных науке минералов. А кроме того, хрустали, бериллы, топазы...

Самым главным при этом было то, что таких великолепных форм кристаллов наука еще не знала. Это были образцы, достойные занять место в лучших музеях мира!

И Густав Розе посоветовал Менге объявить всемирный аукцион, на котором и распродать собранное.

Таким вот путем и попали в музеи Европы и в княжеские коллекции великолепнейшие штудфы минералов из Ильмен.

Впечатление, которое произвели эти коллекции, было равносильно разорвавшейся бомбе. Многие путешественники под влиянием виденного отправились на далекий Урал и в Сибирь, чтобы приобщиться к этим сказочным богатствам. Поехал на Урал и Густав Розе. Он входил в свиту знаменитейшего исследователя тех времен акаде-

Я РАДУГА

НЕМАЛО ЗАГАДОК ПРИРОДЫ ДО СИХ ПОР ХРАНИТ КАЖДЫЙ КАМЕШЕК.

мика Гумбольдта. Вернувшись из поездки, Розе совместно с Гумбольдтом и Эренбергом написал об этом научный трактат, долгое время служивший основным пособием по географии и минералогии Урала и Сибири.

Ну, а что же случилось с истинным первооткрывателем ильменских богатств Мишелю Байка?

История затеряла его имя. О нем не упоминает в своей книге даже сам Менге. Носились слухи, что, вернувшись в родной Любек, купец первым делом вызвал господина кюре и исповедался в своих грехах. Главным грехом он считал связь с человеком, знавшим дьявола. Этот человек — его слуга, с помощью козней нечистого он вел поиск камней на Урале.

Выслушав Менге и отпустив ему грехи, кюре спешно поехал сообщить кому следует о человеке, знавшем нечистого.

Говорят, что через некоторое время полиция арестовала Мишеля Байка.

В верховьях реки Миасс более чем на полсотни километров растянулись Ильменские горы. Располагаясь в восточной части Южного Урала, эти горы примыкают к гигантской равнине Западной Сибири. Здесь сохранились многочисленные озера — Ильменское, Аргаш, Малый Кисегач, Большое Миассово и другие.

После рейда предприимчивого купца Менге в Ильменский край хлынул разнообразный люд. Большею частью это были искатели легкой наживы. Покопавшись в отвалах горных выработок Менге, они извлекали оттуда топазы, бериллы, горные хрустали и несли все это перекупщикам в город Миасс.

Городишко Миасс был небольшим, построенным одним из промышленников в 1773 году по недоразумению. Показалось этому деятелю, что здесь можно поставить медный завод и получить большую прибыль. Он и начал строить, не считаясь с тем, что поблизости нет медной руды. Заводские постройки вскоре были заброшены. Промышленник прогорел, а город остался.

В Миасс и стали стекаться любители легкого заработка. Здесь можно было купить муки и сухарей, заполучить нехитрую снасть. В тайге, если ты с

умом, можно легко прокормиться охотой и рыбной ловлей. В озерах было видимо-невидимо разной рыбы.

Снаряженные кирками, кувалдами, клиньями и лопатами, артели бродили в поисках форта. Некоторые из них нашли россыпное золото, другие стали работать в Ильменских горах, рассчитывая наткнуться на такие же сокровища, которые увез отсюда немецкий купец.

Большинство из них не получало ничего. Попытки найти занорыши с самоцветами около известных копей не давали никаких результатов.

Да и как найти эти занорыши? Среди таежного бурелома надо суметь отыскать ту единственную точку, в которой следует заложить шурф. Горная выработка вскрывала сначала почвенный слой. Затем шли разрушенные выветриванием горные породы. После них врезались в сплошные скальные грунты. Каждый шаг в такой горной выработке давался с трудом. Надо, воткнув в трещину клин, бить по нему до изменения кувалдой. Сколько же придется сделать ударов?

Вот тут-то и вспоминали про работу удачливых. Рассуждали во время короткого перекура:

— Как могли удачливые люди так посадить копь, что она попадала, без пристрелки, прямо на занорыш?

И ведь они знали, эти фартовые люди, что копь войдет в занорыш на третьем или пятом аршине. Как?

Пытались расспрашивать этих удачливых. А те молчали. Конкуренция. Зачем раскрывать секреты? Если ты неудачник — иди в хиту. Хитник — это грабитель, вор, хищник. Что найдет, пропьет. А сопьется — туда ему и дорога.

Одному из удачливых поисковиков удалось еще в 1784 году найти жилу амазонита. Камня нежно-лазоревого, фишашкового цвета. Этот камень залегал большим массивом — мощной жилой.

Привезли этот камень в Екатеринбург. Показали в гранитной фабрике. Камень понравился. Велели привезти крупные монолиты. Задумали из них сделать для царя вазы. Монолиты должны быть без единой трещинки, а весом тонн десять — двадцать.

На амазонитовой копи работала целая артель. Часть людей добывала монолиты. Большая же часть народа трудилась на доставке каменных глыб в столицу Урала. Шутка ли, такую махину передвинуть на двести верст!

Так шли десятилетия... За время с начала открытия ильменских сокровищ до Великой Октябрьской революции поисковики вырыли около полутораста копей. Во многих из них были вскрыты богатейшие залежи драгоценных и коллекционных минералов.

Об ильменских богатствах слагались легенды. Одну из них записал уральский сказочник Павел Петрович Важев. Его сказ так и называется: «Солнечный камень».

В сказе выведены два рачительных «артельных брата»: Максим Вахоня да Садык Узеев. После революции они приехали в Ильмены, а там полно хиты. Хитники перерывали все копи, чтобы добыть камня хотя бы на несколько рублишек.

И задумали энтузиасты Ильмен сохранить для народа сокровища недр этого края. Набрали они полные котомки камней и отправились в Москву, к самому Ленину. Упорные были старички. Сумели пробраться в Кремль. Стали они показывать камни Ленину.

Вот Садык Узеев «развязал свой мешок» и давай на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

— Амазон-камень, калумбит-камень, лабрадор-камень...

Владимир Ильич удивился:

— У вас, смотрю, из разных стран камни.

— Так, бабка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны камень сбегался. Каменный мозг-камень, и тот есть. В Еремеевской яме солнечный камень находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

— Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нам нужен. Веселее с ним жить».

По легенде дальше следовало, что Владимир Ильич велел все камни переписать и строгий декрет изготавить, «чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать».

Легенда есть легенда. Возможно, отдельные энтузиасты и ездили в Кремль. В одном из музеев Москвы хранятся минералы, доставленные Всероссийскому старосте — Михаилу Ивановичу Калинин. Не исключено, что именно этот факт и лежит в основе легенды Важева.

На самом же деле организация Ильменского заповедника была подготовлена энтузиастами-учеными, среди которых академик А. Е. Ферсман и профессор Н. М. Федоровский.

Это не значит, конечно, что Ферсман и Федоровский единолично изучали минералогию Ильменских гор. В научных трактатах называют имена многих исследователей, трудившихся здесь в разные годы. Это Г. Щуровский, И. Мушкетов, К. Мельников и многие другие.

И вот 14 мая 1920 года Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) был подписан следующий декрет:

«Ввиду исключительного научного значения Ильменских гор на Южном Урале... Совет Народных Комиссаров постановляет объявить отдельные участки Ильменских гор... Государственным Минералогическим Заповедником, т. е. национальным достоянием, предназначенным исключительно для выполнения научных задач страны».

Государственным заповедником!

Минералогическим! Таких заповедников нет нигде в мире. Эти слова ленинского декрета ясно очертили круг задач, которые должны выполняться в Ильменах.

В 1937 году в нашей стране состоялся XVII Международный геологический конгресс. Перед конгрессом и после него делегаты, собравшиеся из пятидесяти стран мира, совершали экскурсии в различные места нашей страны. Не забыт был и Урал, в том числе Ильменский государственный минералогический заповедник.

Для того, чтобы делегаты конгресса могли как можно лучше ознакомиться с Уралом, в Свердловске было выстроено специальное четырехэтажное здание, в котором разместился геологический музей. Он существует и сейчас, привлекая к Уралу взоры любителей камня. Со всего мира приезжают в этот музей те, кто хочет понять историю формирования уральской страны и оценить все те горные богатства, которые создавались в течение многих сотен миллионов лет.

На призыв организаторов XVII МГК откликнулись все уральские геологи и отдали для музея самое лучшее из своих сборов. Вполне естественно, что и минералы Ильменских гор нашли здесь свое достойное место.

И потому, чтобы понять основы строения Ильменских гор, лучше всего начать ознакомление с ними с музея в Свердловске.

Объективности ради следует сказать, что и доныне среди геологов нет единой точки зрения на происхождение Урала.

По одной из распространенных точек зрения Урал начал формироваться около полутора миллиардов лет назад по гигантскому разлому (возможно, группе разломов) меридионального простирания. Разломанные массивы под влиянием накопленных осадков прогибались. За многие сотни миллионов лет в зоне прогиба толща осадков достигла пятнадцати—двадцати километров. Иногда такой прогиб прекращался. Под влиянием сближающихся континентов (европейского и азиатского) осадки сминались в складки. Сжатие сопровождалось прорывом огненно-жидких расплавов.

Если магматический расплав застыл быстро, то в нем не успевали выкристаллизоваться крупные минералы. При медленном же застывании процесс образования минералов сводился к образованию крупных кристаллов.

Считается, что в конце остывания магматического очага, в некоторых его зонах создается жидкая, несколько переохлажденная масса, которая при сжатиях устремляется по трещинам в сторону от очага. Попадая в зону охлажденных пород, такая масса мгновенно застывает, образуя жильные тела. Скорость охлаждения при этом такова, что минералы, стремясь занять необходимое для них пространство, «протыкают» друг друга.

В Ильменах такие жильные тела встречаются довольно часто. Это так называемые пегматиты, в которых кварц пронизывает полевые шпаты. Их состав зависит от того, где они встречаются. Среди миаскитов развиты миаскит-пегматиты, среди гранитов — гранитовые пегматиты, среди сиенитов — сиенитовые пегматиты. Это знать очень важно. Тип горных пород предопределяет характер тех минералов, которые можно встретить среди пегматитовых жил.

Хочешь найти крупные кристаллы граната? Ищи на поверхности гранатовые гнейсы. Если встретишь среди них пегматиты, в них будут крупные кристаллы граната.

Если при таких поисках встретишь гнейсы графитовые, то в пегматитовых жилах найдешь сферические выделения графита. Так можно вести перечисление до бесконечности. Имен-

но этого не знали искатели счастья — горщики прошлого столетия. Они вели поиск вслепую.

Впервые в Ильменском заповеднике я побывал летом 1938 года. Вместе с женой, тоже геологом, решили мы проехать по Уралу, пользуясь путеводителями, составленными к Международному геологическому конгрессу. Одной из намеченных точек просмотра был Ильменский минералогический заповедник. В то время мы увлеклись составлением личной коллекции разнообразных минералов. А в Ильменах их насчитывалось около двухсот.

Конечно, мы не мечтали отобрать гигантских размеров штуфы. Для личной коллекции мы поставили условие, чтобы образец был не более трех кубических сантиметров. А такие кусочки можно относительно легко отобрать на любой копи.

И вот цель поездки — заповедник перед нами. Надо сказать, и раньше и уже после своей поездки мы не раз слышали сетования кинематографистов, жelaющих запечатлеть для истории первый и единственный в мире минералогический заповедник, на невыразительность его внешнего облика. Действительно, первоначально картина, представшая перед нами в Ильменах, несколько разочаровала и нас. Среди соснового и березового леса то тут, то там наткнулись мы на совсем «незаповедного» вида ямы — горные выработки, в которых добывались минералы. Рядом с каждой из таких однообразных закопушек, не представляющих с точки зрения «киношников» интереса для съемок, стояли деревянные щиты, тоже не ахти какие «киногенные». Но сразу привлекающие внимание специалистов. На них были выписаны главнейшие данные, характеризующие геологию и минералогическую обстановку участка.

Рядом с выработкой располагались отвалы, выброшенные при проходке шурфа. В этих отвалах можно было встретить все минералы, перечисленные на щите. Руководствуясь путеводителем, а также геологической картой, мы легко находили нужную нам копи.

Поражало обилие минералов и доступность их для обозрения.

Обильно представлены в пегматитах Ильмен разнообразные полевые шпаты. Нашли мы и солнечный и лунный камни. Ну, и конечно, все приезжающие в Ильмены стремятся найти васильковый сапфир. Попадались и нам голубоватые бочковидные кристаллы корунда, но василькового сапфира так мы и не увидели.

Зато все другие цвета предстали перед нами в изобилии: яркий желтый — канкринит, зеленый — густоокрашенные кристаллы амазонита, голубой — берилл-аквамарин, синий — содалит. Цветовую гамму дополняли кристаллы белой и черной слюды. Почти все цвета спектра встречаются среди минералов Ильмен. Нет только красного и фиолетового.

Нагруженные минералами с диковинными названиями, мы вернулись домой. Да, перед нами действительно раскрылась кладовая уральских недр!

Когда нас спрашивали, что же поразило больше всего в Ильменском заповеднике, то ответ звучал единодушно: расположение копей без предвзятых ожиданий. Горные выработки закладывались прямо на пегматитовых жилах! Без пристрелки! Прямо в цель!

Как? На этот счет мы также слышали достаточно легенд. Живым человеком, про которого рассказывались байки, был горщик со странным именем Притча. Имя свое он получил за обилие баек и присказок, которыми прикрывал нежелание говорить о своих методах и приемах работы.

Притча часто приходил к геологам.

Вот тогда он открывал какой-либо из своих секретов. Но не методов работы, а результатов поиска. За небольшое вознаграждение он показывал «жилку» — пегматитовую жилу в каком-либо районе.

Лишь однажды (об этом мне рассказывал мой друг геолог М. Исаков, работавший в смежных с Ильменами Вишневых горах) Притча проговорился.

— Знаешь, — сказал Притча геологу, — палочка-то меня увела по жилке с Вишневых на Ильменские горы.

— Какая палочка? — спросил Исаков.

В ответ Притча заговорил что-то невнятное, похожее и на байку и на неправуючительство притчу.

Кто знает, может быть, Притча был каким-то продолжателем династии, из которой вышел Мишель Байка? Может быть, действительно, на Урале работали рудознатцы, владевшие древним секретом поисков воды, руд, золота, драгоценных камней?

Много тайн хранят в себе горы. Немало загадок скрыто и в каждом маленьком камешке. Во все времена люди пытались и пытаются раскрыть их. Может быть, потому так много туристов ежегодно посещают Ильменский заповедник, в котором, как говорится в современных путеводителях, представлен уникальный Ильменогорский геолого-минералогический комплекс.

Но не только минералы привлекают сегодня людей в Ильмены. 50 видов млекопитающих, более 200 видов птиц, 14 видов рыб, 2 вида амфибий, свыше 1000 видов цветковых растений, мхов и лишайников изучают специалисты в Ильменском заповеднике, который в 1936 году объединился с Аргазинским биологическим заказником и представляет сейчас комплексный Ильменский заповедник площадью более 30 тысяч гектаров.

Тысячи людей приезжают в Ильмены. И это великолепно!

Плохо другое — то, что многие туристы стремятся положить в рюкзак и увезти домой большее или меньшее количество минералов.

Я помню по 1938 году отвалы у знаменитой Блюмовской копи. Казалось, нет такой силы, которая бы передвинула эти отвалы. При последнем посещении Ильмен я не увидел отвалов. Они «уехали» отсюда в рюкзаках.

Конечно, собирание сувениров свойственно туристам всего мира. Но я помню, как с этим налажена борьба в Афинском Акрополе. Каждую ночь к стенам Акрополя привозят машину щепенки известняка. За день от кучи щепенки ничего не остается. Если бы не щепенка, уже давно растащили бы весь Акрополь.

Неужели и к нашим заповедникам надо подвозить щепенку?

Понимаю, что некоторые положения этого очерка спорны. Моя гипотеза о существовании первопроходца Мишеля Байка не подкреплена документами. Лишь четкое расположение копей, заложенных «без пристрелки» в то время, когда отсутствовали такие приемы, которыми мы пользуемся сейчас, косвенно подтверждает возможность существования такого человека, как Мишель Байка.

Думаю, что и мое отношение к некоторым действиям туристов также вызовет возражение. Мне скажут, что я сам во время первого посещения заповедника вел себя, как и все. Было это, правда, сорок лет назад, но я признаю свою вину.

Упрекнул меня и в том, что я не упомянул про многие минералы. Это сделано сознательно. Очерк не монография. А чтобы познакомиться со всеми минералами, приезжайте в заповедник. Только все-таки без рюкзаков.

Владимир Виноградов
ПЕРЕД ИСТИНОЙ

Ради
счастливой
жизни

Около двадцати пяти лет проработал следователем Владимир Виноградов и в основу своей книги «Перед истиной» («Советская Россия», 1979 г.) положил документальные материалы следственных дел, которые вел либо сам, либо его товарищи. Именно поэтому книга носит печать особой достоверности, веришь каждой рассказанной автором истории — за ними встают нелегкие, невыдуманые судьбы людей. При этом нужно сказать, что Владимир Виноградов умеет рассказывать интересно, живо, психологически точно, и именно это хочется выделить — книгу его очерков читаешь с неподдельным интересом, с искренней заинтересованностью к судьбам героев.

А герои книги Виноградова — это ведь не те люди, которые по сути своей должны вызывать наше сочувствие, это люди, переступившие черту закона. И тем отраднее, что Владимир Виноградов старается объективно, строго разобраться в этих людях, а не просто заклеить их. Это первый признак того, что перед нами книга не хроникера или документалиста, перед нами книга исследователя душ человеческих.

Не случайно эпиграфом к первой части книги Владимир Виноградов поставил слова Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Именно в первой части своей книги Владимир Виноградов занимается психологическим исследованием жизни людей, преступивших закон. И получается, что каждая история — это не просто исследование преступления, это исследование нравственного мира оступившегося человека. Мы видим, что в основе одного преступления лежит корысть и стяжательство, в основе другого — трусость, в основе третьего — равнодушие к человеку, зависть, обман. Именно к такого рода очеркам-исследованиям относятся рассказы «Два допроса», «Неделя после отпуска», «Мокрое дело», «Счастливый билет», «Дурак и теория вероятности», «Камни королевской балерины». Каждый из очерков словно предупреждение человеку: боритесь за свою нравственную чистоту, ибо истоки преступления — безнравственность и бездуховность.

Особо хочется отметить очерки второго цикла, который полностью посвящен теме «Родители — подростки». Совершая пре-

ступление, люди наносят огромный ущерб не только государству, но и своим детям. Какой огромный моральный ущерб приходится переживать детям, когда они узнают, что их любимые отцы и матери — преступники! Не всякая детская душа способна вынести такой удар: одни на всю жизнь остаются морально травмированными людьми, а некоторые — что еще страшнее — начинают идти по стопам родителей. Читая небольшую новеллу «Спаситель», невольно думаешь о том, как непоправимо бывает испорчена человеческая душа, когда даже жизнь маленького существа, сына осужденной, неспособна глубоко задеть струны материнского сердца. Каждый раз эта женщина выходит на свободу благодаря амнистии — матери дают возможность воспитывать сына, а она тут же забывает его и принимается за старые дела. Или рассказ «Очная ставка», когда отец, бывший фронтовик, испугавшись ответственности, вдруг отказывается на глазах у своего сына от советского, привезенного с войны «вальтера» — лишь бы выпутаться из истории, в которую нечаянно был замешан и его сын. И это было самым страшным преступлением в глазах подростка: как верить теперь людям, когда даже отец лжет и изворачивается?

Каждая новелла второго цикла книги Владимира Виноградова — борьба за детскую душу, за ее чистоту и нравственную стойкость. И здесь хочется отметить, что со страниц книги встает обаятельный образ самого следователя, лица, конечно, выдуманного, обобщенного, но тем не менее живого, доброго и сердечного. В каждом «деле» он стремится разобраться не просто справедливо и честно, он борется за маленького человека, старается внушить и показать ему, что на свете существует не только плохое и грязное, но есть много светлого, чистого и прекрасного.

И мы видим, как после общения со следователем подростки уходят в жизнь обогащенными, с верой в себя, в возможность снова начать полезную для общества жизнь.

Георгий БАЖЕНОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Американцам —
о советских детях

В предисловии к этой книге замечательный врач и педагог д-р Бенджамин Спок пишет: «Я был тронут, получив приглашение на детский фестиваль. Я никогда не был в Советском Союзе, равно как не знаком с детьми этой страны. Идеи мира во всем мире, дружбы детей разных стран всегда меня увлекали. Я должен был приехать, если бы мне даже пришлось идти пешком или добираться вplane...»

Книга «Юные прокладывают дорогу к миру» опубликована в

Нью-Йорке. Ее автор Мириам Мортон пишет, что ее работа адресована и молодежи и взрослым. В том, что книга о детях, можно убедиться, не читая названия: на обложке — руки детей разных народов, соединенные в рукопожатии. Эту сцену увидел глаз фотоаппарата во время Первого международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце», который проходил в Советском Союзе летом 1977 года. Автор книги не только свидетель этого события, но и активный его участник, ее книга — о дружбе детей, об их стремлении жить в мире и бороться за мир. «Первый международный детский фестиваль длился 312 часов. За это время родилось 2 миллиона 703 тысячи детей. Во имя мирного будущего всех живущих на Земле, всех, кто только что родился, всех, кто родится, проводился этот фестиваль», — пишет Мортон.

Ярко и эмоционально автор рассказывает об открытии фестиваля, которое состоялось в Москве, о шествии участников по улицам советской столицы и торжественном открытии в Кремлевском Дворце съездов, о том энтузиазме, с которым было встречено приветствие участникам фестиваля Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева.

День за днем... Детский праздник после открытия в Москве продолжался в пионерской республике «Артек». Участвовали в фестивале 102 делегации. Целую главу М. Мортон посвятила американской делегации, или, как она в шутку назвала ее, «племянникам и племянницам дядюшки Сма». Американская делегация была одной из самых многочисленных — 32 человека. В ней были представлены дети из одиннадцати штатов, от Аляски до Калифорнии, дети родителей, принадлежащих к разным слоям американского общества, разных цветов кожи, разных вероисповеданий. Автор показывает, каков был путь этих детей на фестиваль. Некоторые приехали в СССР после «битвы» с родителями, другие привезли послания мэров своих городов с приветственными словами в адрес советского народа, советских детей, участников фестиваля. Так, мэр города Сан Матео (Калифорния) вручил Патрике Кэстлер послание, в котором от имени 80-тысячного населения города тепло приветствовал нашу страну и наш народ.

Читатель, который ознакомится с книгой М. Мортон, найдет в ней обширную информацию о Советском Союзе, о советской молодежи. Одна из глав называется «Хозяева». В ней автор рассказывает об истории ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, их месте и роли в воспитании молодого поколения нашей страны. Пожалуй, впервые американцы получили возможность узнать о пионерских законах, о том, как и во имя каких идеалов живут 25 миллионов пионеров. М. Мортон показывает многогранную деятельность советской пионерии. Особое внимание автор уделяет воспитанию подрастающего поколения в духе мира и дружбы. На страницах книги — факты о деятельности клубов интернациональной дружбы, о международных связях советских молодежных организаций.

Американцы — практичный народ, и вопрос «Сколько это стоит?» не должен удивлять, когда его задают. Автор это знает и не ждет, пока читатели пришлют письма с этим вопросом. М. Мортон сообщает в своей книге, что месячное пребывание ребенка в «Артеке» стоит 120

рублей (160 долларов), но только десятая часть родителей платит полную сумму; половина детей отдыхает бесплатно, родители не оплачивают даже проезд. И еще один важный аспект, который подмечен М. Мортон: дети свыше 100 национальностей Советского Союза вместе отдыхают в «Артеке».

Закрыв последнюю страницу книги, читатель согласится со словами автора: «Советские дети и подростки впитывают в себя все гуманистические ценности, которые поставлены во главу угла их воспитания. Они вырастают преданными своему коллективу, идеалам мира, верными и преданными своей стране и всему человечеству. Все это и та забота, которую проявляет общество, защищая права подрастающего поколения и удовлетворяя его потребности, помогают молодым вырасти здоровыми, образованными и жизнедеятельными. С уверенностью можно сказать, что каждый из 10 принципов Декларации ООН по правам ребенка полностью выполняется в СССР».

В заключение хотелось бы отметить, что книга богато иллюстрирована — в ней 50 фотографий, которые дополняют рассказ автора.

Андрей ФИЛИППОВ,
заместитель председателя
КМО СССР

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Его земля,
его люди

На Алтае — родине Василия Шукшина — вышла в свет книга литературоведа и искусствоведа Н. П. Толченовой (Алтайское книжное издательство, 1978 г.), посвященная творческому пути писателя. Называется она «Василий Шукшин — его земля и люди». Название это подчеркивает неотделимость творчества Шукшина от судьбы народа ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем.

Так же точно не случаен и жанр книги, определенный самим автором как «литературные заметки». Ведь выбор жанровых особенностей подобных монографий определяется не только тем, какая манера наиболее близка исследователю, и не только тем, для кого пишется монография, но, очевидно, и самим предметом исследования.

Перед автором книги стояла весьма сложная задача. Надо было показать В. Шукшина и как писателя, и как артиста, и как режиссера. Нужно было найти параллели между его творчеством и творчеством других художников, по крайней мере хотя бы тогда, когда это касается трактовок одних и тех же исторических фигур — Степана Разина, например. Отличительная черта книги состоит в том, что исследователь пытается не механически собрать различные моменты биографии художника в целостную картину жизни и творческого пути и не «выстроить» его творческую манеру из скрупулезно собранных дета-

лей. Через цельное, непосредственное восприятие самого главного в творчестве Шукшина автор пытается передать не только неповторимость и индивидуальное своеобразие художника, но и обосновать закономерность появления его в нашей жизни.

Именно поэтому в книге — литературоведском исследовании, подчеркиваю! — анализ литературного материала абсолютно не «выживает» со страниц образ Шукшина — человека, душой, самыми ее глубинами прикипевшего к жизни народной и непримиримого с тем, что ее обедняет, приножает. Толченова старается подвести читателя не только к углубленному пониманию творчества писателя, но и личности Шукшина. Вот автор, разбирая рассказ об Алексее Бесконвойном, пишет:

«Прочитав небольшую рассказ, мы не только будем хорошо знать и его (Алешу) и Шукшина, но еще и сами вроде бы станем и Алешей и Шукшиным — так полно и живо вберем в себя весь этот мир, все его чувства и ощущения, всю его плоть и кровь».

Что больше всего ценит исследовательница в художественной манере Василия Шукшина? Опять же цельность его отношения к жизни, его гражданственность, которая была организующим началом всего его творчества.

Ведь Шукшин неотделим ни от героев, сыгранных им в кино, ни от того нравственного идеала, к которому стремятся герои его прозаических произведений.

В монографии не раз подчеркивается способность Шукшина создать несколькими штрихами целый мир героев, емкость его слова. Но, по мнению Н. П. Толченовой, с особенной силой это редкое свойство писателя проявляется при создании образа Степана Разина. Этому герою — наряду с романом Шукшина «Я пришел дать вам волю» — в монографии по праву уделяется большое место.

«Такие незаурядные отчаянные русские характеры», пишет автор, и есть «отражение не только характера родного народа, но и его истории, эпоса, вместившего прежде всего рост сознания духа, породившего все дальнейшее свершения не только в области всей жизненной практики, но и в области сознания, морали, внутренней правды».

И всем творчеством своим Шукшин подчеркивает: чем ближе к духу народному, схваченному в наиболее глубинных его проявлениях, произведение искусства, тем оно значительнее и духовнее в философском значении этого слова. В этом — Шукшин. И читатель непосредственно и непринужденно реагирует на подобное произведение, реагирует на него в своих самых интимных мыслях и чувствах, в повседневных своих поступках. Таким образом, произведения Шукшина становятся жизнью, становятся действенной жизненной силой, преобразующей окружающий нас мир с позиций гражданственности, мужества и добра. Это основная мысль книги Н. П. Толченовой.

Татьяна НИКОЛАЕВА,
студентка, участница
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

НЕ ОБЕЩАЙ СЕБЕ УСПЕХА

Они получают сотни писем. И в них часто один и тот же вопрос: как стать актером?

Действительно, как? Как «обжить» загадочный и прекрасный мир кино, сладить с многочисленными трудностями профессии актера?

Кто-то сказал, что у актера нет и не может быть карьеры. У него есть только судьба.

Судьба Игоря Костолевского — один из ответов на вопрос, как становятся актерами.

...Однажды в детстве Игорь остался дома один, смотрел телевизор. Шел фильм «Идиот» с Юрием Яковлевым в главной роли. Маленький Игорь был так потрясен увиденным, так рыдал, отчаивался и переживал за князя Мышкина, что пришедшие родители вынуждены были вызвать «Скорую помощь». Это было не просто сильное впечатление — это был шок. Игорь долго еще помнил этот фильм и великодушного актера... И как было бы просто — с журналистского «шестька» глядя — написать следом: «Это впечатление и повлияло...» и т. д. и т. п. Ан нет — не повлияло. Повзрослевший и оказавшийся, естественно, на пороге, как теперь принято говорить, профориентации, не найдя в себе сколько-либо определенных устремлений (разве не бывает так?), Игорь принял решение взвешивать всевозможные полезные и реальные приобретения из своего пока еще легкого жизненного багажа — что перетянет, что основательнее. В детстве учился музыке — и он решает попробовать себя в оперетте: «Мы с приятелем дурными голосами прокричали: «Солдаты, в путь!» — и провалились с треском». Подумывал о медицине...

Знакомая девушка посоветовала: мол, уж если начал пробиваться к театру, так и давай дальше, авось, повезет. Игорь по очереди сдает экзамены в несколько актерских учебных заведений — и вправду везет: везде проходит. Выбирает же ГИТИС и попадает на актерско-режиссерский курс, который вел А. А. Гончаров.

На студенческой сцене играл много. Был случай — никак не мог найти верный рисунок роли. Мучился, импровизировал. Все было не то. Тогда Гончаров показал, как и что надо делать. Запомнил намертво: «Ночью меня разбудил — я знал, как играть эту роль!»

А. А. Гончаров пригласил своего ученика в труппу академического Театра имени В. Маяковского.

Спектакль «Характеры» по рассказам В. Шукшина шел не на обычной сцене, а в малом зале. Сцены как таковой не было. Условные сценические подмостки, условные декорации, изображающие то деревенскую избу, то березовую рощу, то правление колхоза. В спектакле было занято много молодых актеров, и каждому из них довелось сыграть несколько ролей — создать несколько характеров.

И вот что особенно запомнилось. Высокий русоволосый парень в ватнике, шаркая огромными разношерстными сапогами, с тазом и веником под мышкой, пришел к соседу — в баньке помыться. Неловко сидел на нем ватник, непривычны и тяжелы были деревенские сапоги... Актер с внешне-

стью романтического героя играл нескладного деревенского верзилу. Почему?

Сосед встретил гостя речами, мягко говоря, неласковыми. Гость беззлобно посмотрел на хозяйина, пожал плечами, бросил реплику, извини, мол, и, тяжело вздохнув, пошел прочь. В голосе парня прозвучало искреннее, неподдельное удивление человека бесхитростного, чистого душой перед столь явной и откровенной философией собственника, которая раскрылась ему в соседе. Этим юношески чистым удивлением перед злом, алчностью, мелочностью запомнился эпизодический герой, сыгранный молодым актером Игорем Костолевским, не умеющим носить ватник и сапоги. Точно переданная «шукшинская» нота добра, объединяющая любимых героев писателя — «странных людей», «чудиков», явственно прозвучала в этой крошечной роли. Работа молодого актера поразила резким противоречием видимости и человеческой сути персонажа. Единственным, едва уловимым штрихом был создан не только художественный образ — за ним угадывалась судьба человека с растревоженной душой, жаждущей добра и справедливости.

Образ, сыгранный актером, запомнился...

Несколько лет назад Игоря пригласили на «Ленфильм». Ему предлагали роль, но кинопробы оказались неудачными. Игорь шел длинными ленфильмовскими коридорами, ассистентка режиссера пыталась утешить его, говорила обычные в таких случаях слова. Игорь, конечно, огорчился, но виду не подал. Проходя мимо какой-то съемочной группы, хлопнул ладонью по табличке: «Вот в этом фильме я буду сниматься!» И прочитал: «Звезда пленительного счастья».

Когда в Новосибирск, где он находился вместе с театром на гастролях, пришла телеграмма с вызовом на «Ленфильм», Игорь расценил это как перст судьбы: режиссер В. Я. Мотыль предлагал попробовать на роль Ивана Анненкова в своем фильме.

— Я дочитывал сценарий, когда вошел Владимир Яковлевич. Я не был знаком с ним лично, но мне очень нравился его фильм «Белое солнце пустыни». За каждым кадром чувствовалась огромная работа мысли, глубочайшее проникновение в материал, искусство режиссерского почерка. Во мне жило почти мальчишеское обожание этого мастера. Такой режиссер! И вот в первое мгновение знакомства я каким-то боковым зрением вдруг замечая, что у меня с ним... одинаковые ботинки! Смешно, конечно, но я испытал огромное облегчение и, честно говоря, понадеялся: с этим человеком мы найдем общий язык.

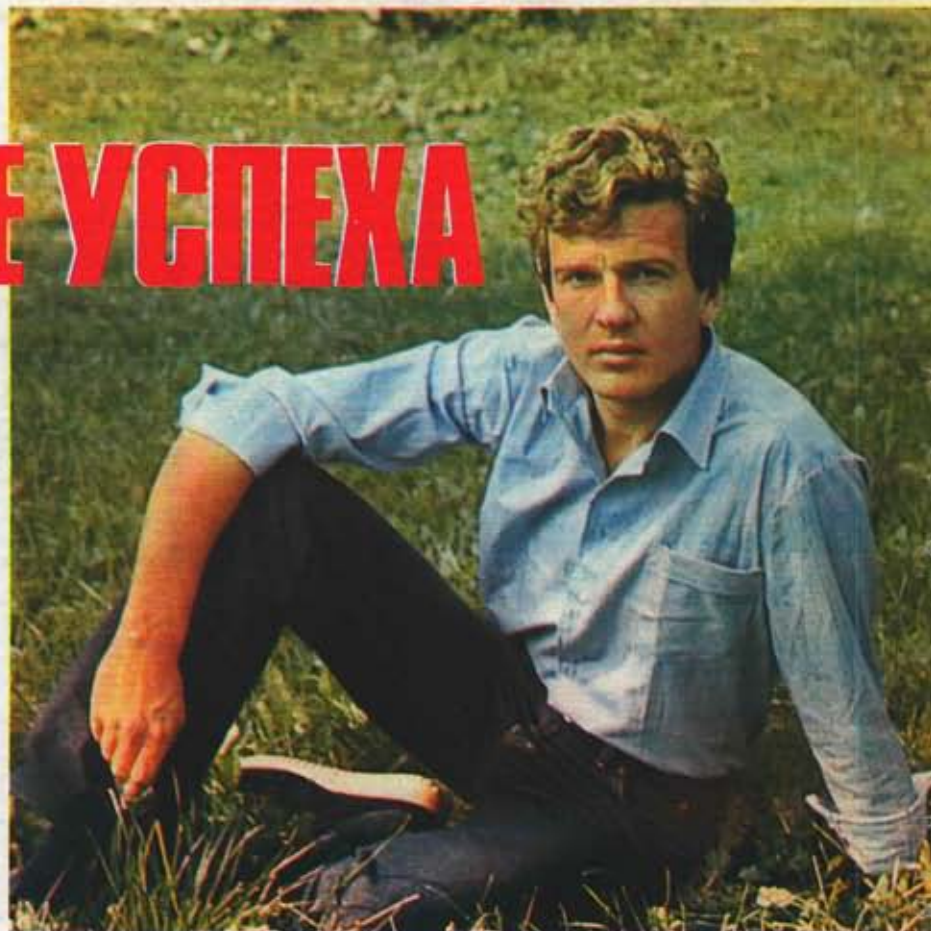
Тут же Мотыль приступил к делу: — Читали сценарий? Понравилась роль? Давайте порепетируем.

И они начали. С шести вечера до трех часов ночи проиграли почти все эпизоды. Когда дошли до сцены с матушкой, режиссер задумался и спросил:

— Как, по-вашему, должен поступить здесь Анненков?

— Взбунтоваться! — решительно сказал Игорь.

— В-о-о-т! — воскликнул довольный режиссер и улыбнулся: — Будете сниматься в этой роли!

АКТЕР ИГОРЬ КОСТОЛЕВСКИЙ В ЧАСЫ ОТДЫХА.

Поручик Анненков — образованнейший человек своего времени, блестящий кавалергард, красавец, заядлый игрок и дуэлянт. Но главное — честнейший интеллигент, понявший весь ужас крепостнического самодержавия, восставший против него вместе с лучшими людьми России и разделивший со своими товарищами жестокую участь декабристов. До сих пор восхищают нас нравственная высота подвига декабристов, благородство их характеров, их тяга к духовной чистоте, к гармонии совести и разума. Вот какого человека предстояло сыграть молодому актеру.

В фильме «Звезда пленительного счастья» Костолевский оказался на съемочной площадке вместе с маститыми, опытными актерами. Новичок растерялся, держался скованно и робко. Кинопробы у него были неважные. Большая часть группы откровенно не верила в него, Мотылю советовали искать другого исполнителя.

Режиссер проявил настойчивость и смелость. Взвесив все «за» и «против», он рискнул доверить роль Анненкова именно Костолевскому. Многие были «за» — рост, портретное сходство, прекрасные внешние данные, интеллигентность, юношеская непосредственность, искренность. Режиссер почувствовал состояние души дебютанта, его внутреннюю готовность к этой роли, способность увлекаться работой до одержимости.

Игорь прочел все наиболее значительные труды о декабристах и декабрьском восстании. Теперь он знал многое о своем герое. Но это было понимание разумом, а не сердцем. Еще предстояло немало сделать для того, чтобы Анненков ожил в его воображении, стал реальным человеком со своим душевным складом, интонациями, манерами, жестами. На первых порах у молодого актера неудача следовала за неудачей, поражение за поражением. Режиссер подолгу репетировал с ним каждую сцену, но как только раздавалась команда «мотор!», Игорь терялся перед камерой. В группе уже никто не скрывал своей иронии по отношению к дебютанту. Костолев-

ский чувствовал это и замыкался еще больше. Но Мотыль видел, как испуленно работал актер над ролью, и верил, что удача придет.

А Игорь?.. Когда в очередной раз режиссер «распекал» его, он, сгорая от стыда, потупившись, с тоской мечтал увидеть хотя бы еще одного человека, который бы поверил в его силы.

Анненков был прекрасным наездником. Игорь начал тренироваться в манеже. Здесь первая заповедь новичку: научись падать. Тренер был удивлен тем, что этот длинноногий парень сразу вскочил в седло и помчался, учиться падать не захотел. Тогда тренер ударил лошадь хлыстом по ногам. Лошадь взвилась на дыбы, наездник рассмеялся — оказалось, этого парня не так-то просто «вышибить из седла»...

Когда начались съемки сцен, где Игорь должен был ездить верхом, он лихо вскакивал в седло, бесстрашно летел на горячей лошади, догоняя Полину, прыгал с седла к ней в коляску, падал, катился с горы... Все это проделал мастерски, без дуллера. Так для Игоря началось время «пленительного счастья» — роль стала получаться!

Анненков в исполнении Игоря Костолевского — самое светлое и лирическое начало ленты. Работая над этой ролью, актер стал в какой-то мере соавтором образа. Режиссер даже внес в сценарий некоторые поправки, доработал сцены с учетом индивидуальности актера.

Костолевский играет Анненкова празднично, темпераментно и озорно, используя мягкий юмор, за которым просвечивает избыток ищущей выхода энергии сердца и ума. Актер выявил в своем герое, голубоглазого красавца с томной ленивой во взоре, натуру сильную, цельную, бескомпромиссную, способную на бунт. С удивительным для начинающего исполнителя умением, раскованностью и свободой сыграл он переходы от фарсового-комедийных тонов к высокой драме.

После столь блистательного дебюта не было, пожалуй, в стране студии, которая не пригласила бы в новый

ДЕКАБРИСТ АННЕНКОВ—ПЕРВАЯ КИНОРОЛЬ ИГОРЯ КОСТОЛЕВСКОГО («ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ»).

В ФИЛЬМЕ «ПОВТОРНАЯ СВАДЬБА» АКТЕР ПРОЯВИЛ СЕБЯ КАК МАСТЕР ЭПИЗОДА.

ГЕРОЙ КОСТОЛЕВСКОГО В «ВЕСЕННЕМ ПРИЗЫВЕ»—НАШ СОВРЕМЕННОК, СОЛДАТ.

ЛИРИЧЕСКИЙ, ПОИСТИНЕ «ТУРГЕНЕВСКИЙ» ОБРАЗ СОЗДАЛ КОСТОЛЕВСКИЙ В ФИЛЬМЕ «АСЯ».

фильм Костолевского. Игорь прочитывал очередной сценарий и... отказывался от роли. Он не капризничал и не привередничал. По существу, предлагаемые роли были рассчитаны на повторение найденного или же сам драматургический материал оказывался настолько неинтересен, что можно было вести речь лишь о внешнем рисунке роли, а отнюдь не о каких-либо психологических изысканиях.

Успех в «Звезде», серьезный и безоговорочный, Костолевский оценил правильно. Он не мог позволить себе «тиражировать» этот успех, стать пленником одного экранного образа. Ему претила малейшая возможность впасть в «голубизну», заштамповаться, примелькаться на экране. Актёр понимал, чем опасна такая сиюминутная популярность, которая не может радовать серьезного, ищущего художника.

Как часто бывает, что актер «выкладывается» полностью в каком-то одном, а чаще всего в первом своем экранном творении, а затем только варьирует этот образ, эксплуатируя найденное, повторяя сыгранное! После первой кинороли, принесшей успех, особенно трудно сниматься во втором фильме.

Сейчас мало быть просто исполнителем. Зритель хочет видеть в актере не только профессионала, который изображает чужую жизнь на экране или на сцене. Он надеется увидеть в актере прежде всего личность, индивидуальность, мыслящего человека. Зрителю все больше становится интересен процесс мышления актера, а не только внешнее выражение образа: элегантный костюм, обаятельная улыбка, манера поведения... И от того, насколько мысли героя созвучны зрительским, зависит подчас успех или неудача экранного персонажа, неважно, кто он, академик или плотник,—считает актер.

Костолевский ждал роли, которая по богатству драматургического материала позволила бы ему проявиться столь же ярко и интересно, как и в роли Анненкова. Больше всего в искусстве его интересует жизнь челове-

ческого духа, психология. Актеру было важно повести разговор об этом с позиций человека сегодняшнего дня. Но такой роли не было. А на меньшее Игорь не шел ни при каких обстоятельствах. Он ждал роль, которая позволила бы ему полнее раскрыть свои творческие возможности, выступить в новом качестве. Он вновь отклоняет соблазнительные приглашения, отвергая возможность показаться на экране красавцем, «голубым» героем, и снимается в крошечных эпизодах в фильмах «Повторная свадьба», «Степанова памятка», «Слово для защиты». За считанные секунды экранного времени актеру нужно суметь «выложить» характер, и он проявил себя здесь как мастер эпизода.

Роль Евгения Столетова в многосерийном телевизионном фильме «И это все о нем» по одноименной повести Вилия Липатова, сыгранная Костолевским, отмечена премией Ленинского комсомола.

Зрители, в основном молодые, писали о том, какое огромное впечатление произвел на них образ Столетова, благодарили актера за работу. Комсомольцы одного украинского села под Одессой сообщили актеру, что после просмотра фильма «И это все о нем» в их селе именем Евгения Столетова названа школа. Одно из писем особенно тронуло Игоря. Его написала бывшая узница фашистского концлагеря, женщина трудной судьбы и несгибаемой силы духа. Она, комсомолка двадцатых годов, восхищалась молодостью, обладающей такими прекрасными человеческими качествами, как Женя Столетов.

Авторы писем, зрители узнали в герое Игоря Костолевского «знакомо-незнакомца» — жизненно достоверный тип. Фильм стал исследованием характера молодого рабочего.

Игорь Костолевский привел на экран современного положительного героя. Современность эта выразилась не в умении носить джинсы и петть под гитару, она — в образе мыслей, в умении чувствовать время, осмысливать происходящее по-комсомольски, с го-

сударственных позиций. Столетов остро чувствует ответственность за все, что происходит с ним рядом. Он узнал и обозначил метким словечком «гасиловащина» мешанство в современной модификации, разоблачил равнодушного бездельника, ловко маскирующего подлость, праздность и бездуховность.

Актёр понимал: молодой зритель жаждет видеть на экране нравственный идеал, человека, которому хотелось бы подражать. Трудность роли состояла в том, чтобы избежать иллюстративности, явной «голубизны», «заданной положительности»: ведь весь ход повествования «работал» на его героя. Не подавляя партнеров, актер сделал Женю личностью, человеком неординарным, выявил драматизм характера. Столетов, вступая в борьбу с «гасиловащиной», не обладает еще настоящими бойцовскими качествами, он только интуитивно на правильном пути, и гибнет непообежденным.

Актёр наделил своего героя благородством и обаянием. Он поднимает его над остальными, сознательно выделяя как лучшего из лучших. Успех молодого актера — свидетельство его гражданской и профессиональной зрелости.

С группой кинематографистов Игорь побывал на БАМе. Он встречался со своими сверстниками, молодыми строителями. Было много бесед, вопросов об искусстве, о работе актера и его планах, о Жене Столетове...

— Лучшие человеческие качества: честность, порядочность, отзывчивость, активное отношение к жизни — всегда были присущи комсомольцам, — говорил Игорь, выступая перед строителями БАМа. — И в образе Жени Столетова я увидел именно эти качества. Именно их, как преемственные черты комсомольцев двадцатых годов и нынешних, хотелось мне отобразить в характере моего героя.

... — Знаете, на кого я хотел бы быть похожим? Вот мой любимый актер! — сказал как-то Игорь и показал на снимок Евгения Урбанского.

Неукротимый, вулканический темперамент, пронизанные страстью и гражданским пафосом кинообразы, созданные Урбанским, мужественная жизнь, святое служение искусству — все в нем импонирует Игорю. При всей своей внешней мягкости, деликатности, интеллигентности Костолевский и сам человек мужественный, решительный, целеустремленный. Это доказывает вся его творческая судьба, упорство в достижении цели, трезвая оценка своих поступков, одержимость в работе. Когда Игорь пролежал в снегу три часа ради единственного кадра, а потом шел пешком несколько километров в лютый мороз до ближайшей станции, он знал только одно — ему нужно успеть сегодня на спектакль, в котором играл. Он успел.

В больницу с тяжелым простудным заболеванием лег, когда закончились съемки фильма «И это все о нем».

«Нельзя жить, если Ленский — самоубивая «посредственность», — считал Женя Столетов, и Игорь, по-видимому, согласен с ним. В спектакле «Евгений Онегин», который готовит театр, Костолевскому поручена роль Ленского.

— Я очень обрадовался, когда мне предложили эту роль, — говорит Игорь. — Понимаете, все знают, как нужно играть Онегина. А вот как сыграть Ленского?

То, как он работает в театре, свидетельствует о стремлении актера выйти на вольный простор, не ограниченный рамками ампула, жанров. Он рыцарски верен своему делу и служит ему беззаветно.

В театре ему доверены серьезные роли — Клим Самгин в сценической постановке романа М. Горького, Голубков в «Бере».

В спектакле «Чайка» он выступил в

роли Константина Треплева. Удалась или не удалась роль? — всякий актер понимает это раньше критиков и зрителей. «Не сыграл я Треплева», — сокрушался Игорь вскоре после премьеры. Что ж, иной раз поражение учит большему, чем успех. Этот вывод сделал для себя молодой актер и еще раз убедился, что в театре есть преимущество перед кино: роль можно «доиграть», «доработать». Это он и делает.

Вскоре после премьеры «Чайки» зрители увидели Игоря Костолевского в телефильме «Безымянная звезда». Он сыграл учителя Марину Мирою, интеллигентного человека, натуру чистую, поэтичную. Марин открывает звезду, которую никто и никогда не увидит. Но он счастлив. Марин полюбил женщину, которая покидает его. И все равно он счастлив. Марин окружают отупевшие, застывшие в своей духовной глухоте и слепоте люди, но он верит в добро. Так и чудится здесь чеховская тема таланта, пропадущего втуне, трагедия одаренной натуры, сжираемой пошлостью. Но в том-то и состоит сила Марина, что его, как и чеховского интеллигента, можно убить, но нельзя заставить приспособиться, солгать, словчить, изменить себе, своей совести, своим понятиям о честности, добре и зле. В героях Костолевского есть непоколебимая вера в человека.

Костолевский полностью вошел теперь в «нормальное» расписание актерской жизни. Утром — репетиции в театре, днем — пробы, съемки, вечером — спектакль. А дома — очередной сценарий. И режиссер, молодой, ищущий, талантливый парень, ждет от тебя ответа. Но роль... Ее можно бы сыграть иначе, чем она выписана в сценарии. Это интересно. Надо подумать, обсудить с режиссером, и если тот согласится... И все. И «пропал» человек для общества. С мыслями о роли теперь и живешь и спишь.

— Да не стоит, старик! Режиссер неопытный. Он же не сможет дать тебе «простор», коего требует роль. — советовал друг. Игорь благодарными глазами смотрел на друга и... шел к режиссеру.

Со съемок прибегал в театр. Играл в спектакле — все забывал. Только сцена и темный, живой, трепещущий зал. Чувствовал, зал в его, актерской, власти: то вспыхнет смехом, то замрет в напряженном ожидании... От возбуждения отойдешь не скоро. Театр — школа чувств, где каждый урок — открытый. Для актера эта школа не кончается никогда.

В редкие часы отдыха Игорь занимается плаванием, конным спортом, любит литературу, а вот в театры ходит опять-таки с рабочим, так сказать, интересом, не совсем это для него отдых: внимательно смотрит, как играют товарищи, оценивает, сопоставляет со своими ролями.

Так что же все-таки значит: быть актером? Однажды на вопрос, кем бы он стал, если бы не был актером, ответил: «Врачом!» Но разве искусство не врачует души?! Разве умение актера жить чужими болями и бедами не помогает людям?! Роль для Костолевского начинается с перевоплощения души, с изнурительной внутренней работы над собой, без которой перевоплощение — только жалкая фикция жизни в образе.

...Так какая она, счастливая звезда актерской судьбы Игоря Костолевского? Талант, труд, самосовершенствование — это созвездие сопутствует каждому, кто стремится к мастерству. Звезда Игоря — упорство, с которым он воспитал в себе призвание к делу, выбранному поначалу неосознанно. Об успехе не думал, не «болел» им, как говорят, — работал. Упорно работал. И благодаря упорству — не по мановению блестящих случайностей — содержательны первые строки его творческой биографии.

НОВАЯ ОБЗЕРЕНИЕ

КЛУБ «ВЕЛИКАНОВ»

Сначала был бал во вроцлавском молодежном клубе. Кто-то сказал тогда, что неплохо бы каждый год устраивать встречи «великанов», то есть тех, чей рост выше нормального.

И вот они собрались, приехали со всей Польши. И им было хорошо. Никто не удивлялся, что они так «вымахали», что они такие «верзи-лы». Никто не спрашивал: «Ну как там, наверху?»

На балу были избраны самые высокие. И было решено, что нужно создать какую-то организацию.

Рост Терезы — 178 сантиметров. Сначала ей это не мешало, но вот пришла пора первых свиданий и танцев, и она обнаружила, что все ее товарищи меньше ростом и ей нужно надевать туфли на низком каблучке, чтобы не отпугивать партнеров. Она начала чураться компаний, стала реже выходить из дому. Чувствовала себя одинокой.

Однажды она прочитала в газете, что при молодежном клубе «Векум» в Свидницком подвале во Вроцлаве действует секция «великанов», и секция эта принимает в свои ряды девушек ростом выше 175 сантиметров и юношей выше 185 сантиметров.

В клубе ее тепло встретили. Среди людей с такими же «комплексам», как у нее. Тереза сразу почувствовала себя легко и непринужденно. Она с увлечением включилась в работу клуба. Сейчас она переписывается с пятью девушками и юношами из разных мест. Первые письма, естественно, касались того, что их больше всего волновало, — высокого роста.

Ну, а сейчас она не обращает на рост внимания. За короткое время она стала совсем другим человеком.

Йола на вопрос, для чего она вступила в клуб, не задумываясь, отвечает: «Я хотела быть вместе с теми, для кого мой рост был бы нормальным. Я с удовольствием сюда прихожу, здесь всегда что-нибудь происходит. Масса хороших идей и замыслов! Мы часто встречаемся с актерами, художниками, писателями, журналистами...»

Просматриваем клубные анкеты. Их много. В клубе уже около 1200 членов. Две трети — девушки. Иоанна — 188 сантиметров, Уршуля — 181 сантиметр, Ванда — 186 сантиметров... Многие девушки, особенно из других городов, откровенно говорят, что приходят сюда с надеждой встретить подходящего кандидата в мужья или по крайней мере товарища, с которым можно будет общаться по переписке. В клубе уже было несколько свадеб.

«Письма показывают, — говорит председатель клуба Стефан Свигонь, — что у высоких девушек, как правило, больше «комплексов», чем у юношей. Им больше нужны дружеское участие или добрый совет».

Из стопки писем мы выбираем одно, от женщины-врача из Варшавы. Она просит, чтобы приняли в клуб ее пациента. Мальчику только пятнадцать лет, а его рост 190 сантиметров. Он плохо себя чувствует среди ровесников... Приходят письма и из Чехословакии, из других стран...

«АХОЙ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПУТЬ В КИНОЗВЕЗДЫ?

Женщина среднего возраста, которая заняла место в салоне самолета компании «Юнайтед Эйрлайнс», совершавшего рейс из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, на вид была тихой и неприметной. Усаживаясь в свое кресло, она затолкала под него большую картонную коробку. Когда самолет набрал высоту, она подождала стюардессу и вручила ей какую-то карточку: «Пожалуйста, передайте это капитану самолета». Капитан прочитал переданное ему обеспокоенной бортпроводницей письмо. Пассажирка писала: «Я хочу поговорить с голливудскими звездами Джеком Лемоном и Чарлтоном Хестоном, а также выступить по телевидению. Если это не будет мне гарантировано, я взорву самолет со всеми пассажирами при помощи нитроглицерина». Экипаж полагал, что взрывчатое вещество находится в коробке, которую пассажирка, — как выяснилось, некая Ирен Маккони, актриса по профессии, — имела с собой.

Капитан сообщил в порт назначения, что на борту очень странный террористка, и спокойно приземлился в Нью-Йорке. Но женщина не позволила ни экипажу, ни пассажирам выйти из самолета, пока ее требование не будет удовлетворено, и продолжала угрожать чудовищным взрывом. Целых девять часов продолжались переговоры, и девять часов пассажиры сидели как на иголках. Наконец сотрудникам ФБР удалось обезвредить Маккони. В коробке, однако, взрывчатки не оказалось, а были только флакончики духов и разные кремы... «Я не получаю ролей, так как не имею должной рекламы, и хотела сделать себе рекламу», — заявила 49-летняя киноактриса. Когда ее вывели из аэропорта, собралась толпа репортеров, трещали камеры телевидения. Миссис Маккони дождалась своей рекламы. Но стоит ли она благодаря ей звездой?

«КОБЕТА И ЖИЩЕ», ПОЛЬША

Откуда же взялся табак?

До сих пор считалось, что табак был привезен в Европу из Южной Америки в XVI веке испанскими колонизаторами. Сейчас появились новые данные. Когда реставраторы восстанавливали мумию египетского фараона Рамзеса II, который жил в XIII веке до нашей эры, они нашли в его желудке следы табака. Неизвестно, ку-

рил этот табак фараон или жевал. Но, по всей вероятности, находка опровергает сложившееся мнение, что табак был привезен в Старый Свет из Америки.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

Судьба принцесс счастья

Да, именно так их называли в Канаде — принцессы счастья.

...Пять малюток-близнецов, слишком слабым для того, чтобы жить, и слишком сильным для того, чтобы умереть, неожиданно оказались в центре внимания всех, и в первую очередь властей родного городка Каландера, которые были не прочь подзаработать на поднимавшейся шумихе. И надо было спешить: ведь каждая из девочек весила всего лишь шестьсот граммов, и врачи не предвещали им долгой жизни. Тем более что на свет они появились в крошечном домике, битком набитом членами многочисленной семьи, в домике, в котором не было ни света, ни воды... Однако они все-таки выжили.

В город начали прибывать репортеры, торговцы, функционеры политических партий. Оглушенный шумом и гамом рекламы, глава семьи письменно обязался представить детей в качестве экспонатов на Всемирную выставку в Чикаго. Но канадское правительство, посчитав такое поведение непатриотичным, приняло постановление о лишении супругов Дионне родительских прав, приняв всю ответственность за дальнейшую судьбу детей на себя. Конечно, это было мотивировано высшими соображениями. Рядом с домиком, где родились девочки, был построен другой, специально для них. Необходимо было отделить их от семьи.

С 1934 по 1943 год здесь побывало три миллиона посетителей, жаждавших посмотреть на это чудо, а городские власти только потирали руки — показ уникальных близнецов оказался поистине золотым дном! О родителях как-то незаметно забыли, никто не спешил осматривать их долларовым дождем, и они жаловались знако-

мым: «На нас все смотрят, как на досадную помеху. Мы не можем даже поцеловать своих детей».

За право использовать в рекламных объявлениях имена близнецов платили огромные суммы. Голливуд снял о них три фильма, а газеты азартно расписывали райскую жизнь пятерки.

Из жизни действительно походила на сказку, только сказку страшную. Одним из тех, кто публично выступил с решительным осуждением канадских властей, был известный австрийский психолог доктор Альфред Адлер, который, в частности, заявил: «Было бы гораздо разумнее даже одевать их по-разному, чтобы они привлекали к себе как можно меньше внимания. Нужно приложить все силы, чтобы включить их в процесс обычной человеческой жизни».

А включить их в обычную жизнь было явно необходимо. К восемнадцати годам они превратились в пулявых, неконтактных, нерешительных, не от мира сего существ. Их пришлось определить на жительство в пансион — сами они как-либо устроиться в жизни не смогли. Им не удалось получить какой-либо профессии, они не научились обращаться с деньгами, делать покупки, вступать с другими людьми в дружеское общение. Не нашли они счастья и в личной жизни. Девочки они живут вместе в пригороде Монреала. Впрочем, одной из сестер уже нет в живых: в свое время из опасения, чтобы не пострадала их слава, было скрыто, что Эмели страдала эпилепсией. И однажды ночью во время очередного припадка она скончалась от приступа удущья. Оказать ей помощь было некогда...

«БУНТЕ ИЛЛЮСТРИРТЕ», ФРГ

КУ-КЛУКС-КЛАН В АВСТРАЛИИ

Образовавшийся во время гражданской войны в США ку-клукс-клан, который «прославился» своей жестокостью, располагает мощной организацией и в Австралии.

Хотя этот факт отнюдь не был неизвестен компетентным лицам австралийского правительства и полиции, рядовой австралиец смог узнать об организации сравнительно недавно, после того как ку-клукс-клан неожиданно провел многолюдную демонстрацию на улицах Сиднея.

Около трех тысяч человек — большей частью двадцатилетних — возглавляемые одетыми в камуфажные руководителями, потребовали ограничить передвижение австралийских аборигенов исключительно территорией выделенных для них резерваций, резко уменьшить иммиграционную квоту выходцев из Азии и не разрешать высадку на берег довольно большого числа нелегальных иммигрантов.

Демонстранты преследовали с горящими крестами — согласно «лучшим» традициям ку-клукс-клана! — к одной из главных площадей Сиднея и там прослушали речь «вождя» австралийской орга-

низации, бывшего офицера полиции Дэвида Дженнингса. Дженнингс обратил внимание на «азиатскую опасность», которую необходимо «остановить железной рукой, пока не поздно». Нельзя, сказал он, чтобы предприниматели поддавались соблазну получения дешевой силы и припомнили на работу азиатов, поскольку «эта агрессивная и плодovitая раса в скором времени садится на шею белым и истребит их». Речь фашиста вызвала овацию слушателей.

Австралийский ку-клукс-клан отнюдь не ограничивается одними словами. Им организована береговая охрана из мотоциклистов, которые нападают на всех людей азиатского происхождения, появляющихся на берегу. Вызывают тревогу ночные акции, когда «наказывают» одного-другого мелкого предпринимателя, у которого работают выходцы из Азии.

Поразительно беспомощны «контрмеры» австралийской полиции и являющиеся чистой формальностью аресты. Большинство их завершается немедленным освобождением после уплаты небольшой суммы...

«ЕУРОПЕО», ИТАЛИЯ

«БЕГАЮЩАЯ» АМЕРИКА

Оздоровительный бег, или, как его еще называют, джоггинг, стал в Соединенных Штатах весьма и весьма популярен. Пожалуй, никто теперь уже не удивляется и не делает ехидных замечаний, завидев в ранний час бегущего неведомо куда человека, одетого в тренировочный костюм.

Малоподвижный образ жизни, страх перед болезнями, лечение которых обходится все дороже, желание согнать лишний вес, стремление улучшить или хотя бы сохранить физическую кондицию, просто мода, наконец, — вот основные факторы, способствующие расцвету джоггинга в США.

А если спросить о джоггинге, то неудивительно, что в продаже тут же возникли соответствующие товары для джоггеров: майки, трусы, брюки, шапочки, кеды, куртки и даже плащи с камуфляжем (последние на тот случай, чтобы нельзя было отвернуться от бега под малоуважительным предлогом начавшегося дождя). Ищется спросом (особенно почему-то среди коллекционеров, но не бегунов) значок «Я — джоггер».

Для тех же, кто по каким-либо причинам по улице бегать не хочет или не может, выпущен специальный тренажер для бега на месте. Это устройство, именуемое «джоггинг-компьютер», состоит из двух частей — площадки, покрытой ингибирующим дерм пластиком, и электронной приставки с цифровым табло. Перед началом бега «программируются» дистанция и темп, а сам процесс бега идет в заданном ритме в сопровождении акустических сигналов. Размещенные в площадке датчики регистрируют каждый шаг бегуна, а на табло выскакивают цифры, фиксирующие пройденную дистанцию в шагах, футах или метрах, а также количество затраченных при этом калорий. Скептики, впрочем, утверждают, что для бега на месте никакой особенной машины, тем более электронной, не нужно, а достаточно лишь самым примитивным образом перебирать ногами, стоя на обычном полу. Но они, эти скептики, забывают, что электронная промышленность нуждается в заказах, а ее хозяева в прибылях...

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

право на землю, право на жизнь...

В настоящее время на территории США живет около 800 тысяч индейцев. Они образуют 226 племен, каждое из которых имеет отличные от других язык и культуру. О трудном положении, в котором находятся потомки исконных обитателей страны, исписаны горы бумаги, однако это мало меняет положение. Индейцы продолжают жить в тяжелых, унижающих для достоинства человека условиях. Показатели детской смертности, неграмотности и безработицы среди них намного выше, чем у равных им по закону белых американцев. В резервациях, которые, как правило, расположены в районах с тяжелыми климатическими условиями, в настоящее время размещено около полумиллиона индейцев.

Несмотря на их огромную разобщенность, чувствительно ослабляющую единство действий, индейцы США продолжают борьбу за свои права. В последнее время они получают поддержку многих деятелей американской культуры, которые самыми различными способами проявляют свою солидарность с исконным населением страны.

В настоящее время ведется около 80 судебных процессов, которые были возбуждены индейцами, требующими защиты своих прав, начиная с

права рыбной ловли на западе США и кончая возвращением права собственности на охотничьи угодья на востоке. Одним из наиболее крупных процессов явился процесс индейцев племени паношкота пассамакволи, проживающих в штате Мэн на северо-востоке страны. Они потребовали вернуть некогда принадлежавшие им пять миллионов гектаров земли общей стоимостью 25 миллиардов долларов (это составляет примерно две трети территории штата). Индейцы исходили при этом из донья действующего закона от 1790 года, в соответствии с которым любая покупка индейской земли является недействительной, если ее не одобрил конгресс.

После долгих оттяжек и проволок федеральное правительство приняло такое решение: индейцам будет выплачена денежная компенсация в размере 37 миллионов долларов. Однако практически индейцы ничего из этой суммы не получают, так как деньгами будут распоряжаться власти штата Мэн. Аналогичным образом были «удовлетворены» требования индейцев, проживающих в штатах Род-Айленд и Нью-Йорк...

«НОЙЕ ЦЮРХЕР ЦАЙТУНГ», ШВЕЙЦАРИЯ

Вечный двигатель — Солнце...

«Солнечный мотоцикл» смастерил житель Калифорнии Джеф Дьюксон. Электромотор использует энергию, получаемую от 40 фотоэлементов, которые позволяют машине двигаться со скоростью 50 км в час. Когда солнца нет,

то движение на расстояние от 65 до 100 км гарантирует аккумулятор, который можно зарядить от обычной электрической розетки.

«ЮНТЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

МОМЕНТЫ ИСТИНЫ

В квартире управляющего Астахов с сыном играли в шахматы. Игорь смотрел на шахматную доску рассеянно, вряд ли думал об игре, скорее прислушивался к тому, что происходило в отеле.

— Ну, ты, брат, мыслишь! Чистый Спиноза! — заметил отец.

Игорь двинул фигуру.

— Ага, — сказал Астахов, раздумывая над следующим ходом.

— Отец, мне, наверное, надо уходить.

— Куда, позволите спросить?

— В джунгли.

— Ну да, драться. За справедливость! Как же!

— Все наши там.

— «Наши!» — Астахов держал в руках фигуру, выбирая место, куда бы ее поставить. — Наши — это ты и я.

— Когда они добивались независимости, ведь ты сочувствовал им.

— Ну.

— А теперь?

— И теперь сочувствую, но вмешиваться не буду тебе не разрешу.

Открылась дверь, в ней показалась Катлен в халатике.

— Простите, я без стука. Это с испугу... Игорь, у меня в номере змея. Спасайте.

— Откуда здесь змея? — недоверчиво проворчал Астахов.

— Если вас собирается укусить гадюка, разве важно знать ее постоянное место жительства? Сейчас она в вентиляционной отдушине.

Игорь с готовностью пошел навстречу Катлен. За ним поднялся Астахов.

— Ну почему это неземную красоту всегда надо в чем-то подозревать? — остановила Катлен управляющего. — Да не буду я его совращать, господин управляющий, не буду!

И они ушли.

— Вот судьба проклятая! — в сердцах сказал Астахов и принялся складывать шахматные фигуры.

— Потаскушка. Ведь лет на десять старше его! — согласилась Мэри.

— Я не о ней... — отмахнулся Астахов. — Отец мой всю жизнь свою спустил на политику. Монархистом был, кадетом... потом вдруг социал-демократом! Измоталась весь, пока не погиб... Мне наказывал перед смертью — беги от всех, сплошной обман. Но куда там! Борец за вселенскую справедливость! То к одной партии прислонился, то к другой... Жена умерла. Игорь — ребенок. И вдруг взяло меня: стоп! Все обман! Только вот он — реальность. Вылепи одного хорошего человека — вот тебе и справедливость. Выбрал этот островишко необитаемый — и сюда. Уж тут, думаю, никакая политика нас не достанет. Благодать, природа! И вдруг!..

Вечерело. На трамплинной доске над бассейном во дворе отеля сидели в купальниках Катлен и Игорь. В нескольких метрах от них маячила фигура часового.

— И вы живете в этой дыре пятнадцать лет? — продолжала Катлен разговор.

— Да.

— Ваш отец оригинал.

— Ему надоела суматоха в жизни...

— И вам?

— Мне еще нет, — засмеялся Игорь.

Где-то совсем рядом раздалось: э-у, э-у, э-у — резкий металлический крик.

— Это еще что? — поежилась Катлен.

— Ящерица.

— Б-рр, какая гадость.

— Безобидное создание, как и ваша змея. Поедает москитов и приносит счастье.

— Счастье?

— Если прокричит больше шести раз подряд.

— Вам хоть одна кричала?

— Случалось.

— И вы счастливы?

Игорь не знал, смеялись над ним или разговаривали серьезно, поэтому промолчал, только пожал плечами.

— Странно, кругом вода, а все время хочется пить, — сказала Катлен.

Игорь отбежал в угол двора, где под пальмой была свалена куча кокосовых орехов. Большим тяжелым ножом стесал верхушку одного, прорубил дырку, вставил туда желобок из пальмового листка и подал зеленый сосуд с прохладной влагой Катлен. Она сделала несколько глотков.

— Нельзя пить много кокосового сока, — предупредил Игорь.

— Почему?

— Слабеют ноги.

Катлен засмеялась и постучала по трамплинной доске так, как в зале Совета Безопасности по ее столу стучал Морр. Бог ты мой, как давно это было!

Игорь посмотрел на нее с удивлением.

— Знаете, на кого вы похожи? — улыбулась Катлен. — На Маугли. Вы знаете законы джунглей. Но вас надо обучать всему с самого начала...

Взъерошив ему волосы, она поцеловала его, и оба, не удержав равновесия, упали с трамплинной доски в воду.

У окна своего номера стоял Морр. Засунув руки в карманы, мрачно смотрел в сторону бассейна. Из-за пелены дождя Катлен и Игоря не было видно, но голоса доносились отчетливо.

— В номер вошел Хольц с полотенцем через плечо, зеленый целлулоидный козырек над глазами, какие носят иногда часовщики.

— Холодильник работает? — спросил он Морра. — Мой капут. Негде охладить провизитель.

— Посмотрите, — сказал Морр не оборачиваясь. Хольц открыл дверцу холодильника, удовлетворенно хмыкнул — работает. Подошел к Морру, положил руку ему на плечо.

— Плюньте.

— Завидую вам, — зло отозвался Морр. — Спокоен и молчалив, как слон.

— Не ревнив, — ухмыльнулся Хольц.

— Ревновать?! Бабу?! — Морр выстроил на лице высшую степень пренебрежения. — Вы думаете, она шашни крутит? Хм! Работает! Выудит у молоко-сосу все о тех, кто ушел в джунгли. Вот такой очерк! — Как рыбак, он показал руками величину будущего очерка Катлен. — А мы с носом!

— Очерк — отсюда?!

— Вы не знаете ее. Ей разрешат. Во Вьетнаме она спала с командующим зеленым беретом. Получала такую информацию!.. Видели, как она обхаживала этого Калишера!..

— Я не подумал...

— Не подумал! Чего ж тут думать. Ведь кто-то подписал!

— Стэннард, наверное...

— А второй? Ее крест. Уверен — ее! И пустят на телеграф первой.

— И вы подпишите — тоже будете первым, — спокойно предложил Хольц.

Морр оторопел:

— Слушайте, идите, знаете куда! Никогда вас не поймешь, шутите... всерьез... Сцеживает по два

слова. Манера разговаривать!.. Что я, потаскуха, подписывать заведомую ложь!

— Государство выше правды.

— Что-что?!

— Государство, говорю, выше правды. Есть такая теория. Я пойду принесу провизитель.

Хольц ушел. Морр несколько мгновений растерянно смотрел ему вслед...

За столиком в пустом полутемном холле Мэри раскладывала пасьянс.

Поправляя мокрые волосы, вошла Катлен и, улыбаясь своим мыслям, быстро направилась в свой номер.

— Мадемуазель Габю! — окликнула ее Мэри.

— Ой, господи, так умереть можно! — Катлен остановилась. Она не ожидала увидеть здесь Мэри.

— Извините, хотите, я вам погадаю?

— Умеете?

— Умею.

— И не боитесь?

— Чего?

— Смотреть в будущее. Я так даже о завтра не решаюсь подумать. Бесстрашная вы женщина.

— Ну, идите, идите, мне самой хочется узнать, что вас ждет.

Катлен хотела было подойти, но улыбулась и покачала головой.

— Нет, Мэри, не нужно. Я ведь знаю, что вы нагадаете. Скажете, что я принесу несчастье молодому трефовому валету, за которым бегаю. Вы, моя милая, будете уговаривать меня бросить это дело. А я не хочу...

— Но вы действительно кружите парню голову. Зачем он вам?

— Ах, Мэри, зачем — это невероятно трудный вопрос... Кроме того, он очень похож на моего третьего мужа.

— На третьего?! — изумилась Мэри. — Сколько же раз вы успели быть замужем?!

— Всего два раза, — многозначительно сказала Катлен. — Два. Понятно?

С только что опустившегося на палубу корабля вертолета выгружали раненых американских солдат. Калишер лавировал между санитарями с носилками, на которых, кажется, лежали лишь груды окровавленных бинтов. Шел будто канатоходец, балансируя большим черным зонтом.

Сержант в халате быстро вглядывался в то, что лежало на носилках, командовал:

— В четвертую несите... Под брезент... В третью секцию...

Кто-то стукнул Калишера локтем в живот и тут же вытянулся испуганно. Калишер только выпустил раздраженно рот воздух — будто футбольный мяч лопнул — и прошел дальше.

Он появился в салоне командира корабля, когда Седьмой разговаривал по телефону, стоя у карты.

Увидев Калишера, он сразу прикрыл рот рукой, произнес еще несколько слов и положил трубку, явно не желая продолжать разговор при свидетеле.

— То, что происходит на палубе, — это демаскировка, — проворчал Калишер. — Стоит дождю прекратиться на минуту... вас засекут.

— Во-первых, не вас, а нас. А во-вторых, куда прикажешь девать раненых? — спросил Седьмой, не садясь в кресло и неприязненно глядя на гостя.

— Ну, дело твое, — Калишер расположился на диване и притянул к себе папку газет, лежавших на столе. — Садись. Чего стоишь? Отдохни.

Седьмой продолжал стоять.

— А я вот не могу отдыхать на твоём паршивом крейсере, — говорил Калишер, внимательно разглядывая газеты. — Для меня вообще настоящий отдых — только в гостинице... Даже дома не то. Условный рефлекс бродячей собаки. Читал Павлова?

Еле сдерживая себя, Седьмой сказал тихо:

— Мне надоело слушать вашу болтовню. Каждая секунда сейчас... А вы треплетесь о пустяках.

Калишер посмотрел на него снизу вверх, добродушно покачал головой.

— Нельзя обижать бывшего учителя. — Даже если старик уже никому не нужен. Успокойся, Майкл, расслабься. Ты не уверен в себе. Это плохо. Кроме того, ты не читал Павлова. Они подпишут утром. Я обещаю.

— До утра еще целая ночь! Неужели нельзя их...

— Ну, знаю, знаю, ты поклонник грубой силы, пиф-пафа. Но, поверь, гораздо вернее — разметать человеку душу, чем разнести череп. Вот я даже пистолет свой никогда не заряжаю. Ношу так, для проформы.

— Не имейте права. Ваша жизнь бесценна. Прикажу зарядить, — фыркнул Седьмой. Он уже взял себя в руки, налил себе воды из сифона, положил горстку льда.

— Это как в кегельбане, — продолжал рассуждать Калишер, внимательно проглядывая газеты. — Ты бросаешь шар и не двигаешься. Только наблюда-

ещь. Если шар пущен точно, он собьет кегли. Они падают — одна, другая. Я пустил шар, сказав, что кто-то уже подписал. Кстати, он уже принес неожиданный результат. Я подложил в ящик только один бюллетень с крестом. А вынул два. Удача.

— Ну и что мы будем делать с этим единственным крестом? На грудь себе повесим?

— Он собьет еще — немного — штуку-другую. Но собьет. Утром я приду подбирать кегли. Один, без Фараджа. На разнице отношений к нему и ко мне я зарабатую еще фигурку. Итого — три.

— Вы думаете, они поверили, что вы порядочный человек?

— Господи, конечно, нет! — Калишера забавляла злость бывшего ученика. — Но им ужасно хочется поверить. Условный рефлекс. Павлов. Вот мне, например, очень хочется верить, что ты сохранил чувство благодарности ко мне, своему учителю, и не шлешь каждые два часа в Центр доносы на меня. Но я же знаю, знаю, что шлешь... Ну, не обижайся. На твоём месте я, может быть, делал бы то же самое.

— Прошел целый день, как вы здесь, и ничего не изменилось!

Лицо Калишера вдруг стало жестким.

— Ты здесь тоже сутки, а в наших руках только побережье. Ты увяз. А холодную воду пить не советую. В тропиках — верная ангина.

В салон вошел матрос, козырнул Седьмому и положил на журнальный столик кипу газет, журналов, несколько роликов телексных лент.

— Свежая почта, — доложил он и вышел.

Седьмой развернул одну из газет.

— Шум, шум, шум. И что им дался этот остров?

— Скажи, Майкл, а тебе не приходит иногда в голову мысль, что, как только выяснится наше участие во всем этом, соседние нейтралы выйдут из себя, да как жажнут по тебе, по твоему кораблю, по всей этой затее?

— Приходит, — сознался Седьмой. — Иногда.

— Знаешь, что делать с этой мыслью, когда она приходит?

— Что?

— Гнать ее. Кстати, президент знает обо всей этой операции?

— Это не нашей с вами компетенции.

— Нельзя, чтобы знал. Есть правило. Хороший разведчик не лезет к начальству с рассказами о том, где и как он стирает ему грязные носки. Президент не имеет права этого знать. Ему важны сами носки. Чистые.

Калишер положил под язык пилюлю и поморщился.

— Смотрите, Питер, — сказал вдруг Седьмой. — Умерла жена вашего Кларка.

С необыкновенным проворством Калишер вскочил с дивана, схватил газету и поднес ее к лампе. В траурной рамке он увидел портрет Инги и рядом улыбающееся лицо Кларка. Прочел вслух: «Жена известного телевизионного обозревателя Фрэнди Кларка умерла вчера на операционном столе в клинике Фуллера. Сам Кларк, по слухам, брошен в тюрьму центральным правительством республики Гранатовых островов, где он вместе с группой «Совесть мира»... Так, так, «болела... Кларк знал... Ждала мужа...»

Калишер посмотрел на Седьмого:

— Почему в досье ничего не было сказано о ее болезни?

— Вы же не просили досье на жен...

— Кретинос! Полные кретинос! — Калишер оторвал кусок страницы с некрологом и сунул в боковой карман куртки. — Ну что же, вот и третий шар, чтобы сбить самую трудную фигуру.

— Третий. А какой второй?

— Пока секрет. — Толстак взял зонт, стоявший в углу, и, раскрыв его, собрался уходить.

Неожиданно раздался крик ящерицы: э-у, э-у, э-у...

Калишер поднял вверх палец.

— Три... четыре... пять... шесть...

— Что это? — спросил Седьмой.

— Ящерица.

— Откуда на корабле?..

— Тихо! — Калишер подождал несколько секунд под зонтом, надеясь, что ящерица прокричит седьмой раз. Не дождался, щелкнул пальцами: — А, ничего, я не суверен! — и вышел.

Поднялся ветер, и возле бассейна Игорь укреплял большой брезент, накрывавший деревянные топчаны и шезлонги, мокнувшие под дождем. Край брезента громко хлопал под ветром, будто шла стрельба в тире. Но все же Игорь расслышал крик ящерицы. Крик был не такой размеренный, как обычно, с более короткими интервалами.

Игорь оглянулся на часовых, стоявших под навесом у входа в отель и еле видных за пеленой дождя, потушил разноцветные лампочки у бассейна и почти в полной темноте осторожно дви-

нулся в сторону, откуда раздавался крик.

Ощупывая ладонями каменную стену, он медленно передвигался вдоль нее. В какой-то момент остановился, тихо, осторожно, боясь ошибиться, позвал:

— Абу?!

— Я здесь, — ответил голос прямо из-под ног.

Игорь присел на корточки. В густо заросшем травой проходе, вырытом под каменной стеной, лежал на спине лицом вверх Абу. Глаза его были закрыты.

Ящерица кричала и в холле гостиницы.

— ...четыре... пять... шесть... — считал Стэннард и щелкнул пальцами: — Нет, не желает эта тварь приносить мне счастье.

— Для этого ей кричать больше двенадцати раз, — заметил Морр, — вам и псевдониму. Утомится. Околет, чего доброго.

— Что вы прицепились: псевдоним, псевдоним! — возмутился Стэннард. — Ни разу в жизни я не солгал ни в одной печатной строке. Ни в тех, что подписывал настоящим именем, ни в тех, что псевдонимом.

— Тогда зачем же он вам? — спросила Мэри, ставя на стол блюдо с банановыми лепешками.

— Я же не получаю миллион долларов в год, как господин Кларк. Приходится подрабатывать. И потом, поймите, — принялся объяснять Стэннард. — Вот факт: подали банановые лепешки. Стэннард сообщает: «Подали банановые лепешки. Весь мир приветствует их». Это в пробанановые газеты. Но ведь есть антибанановые, антилепешковые. Для них Дуглас: «Подали банановые лепешки. Весь мир возмущен». Вот. Но ведь лепешки есть! Банановые! Их подали! Все!

— Ну, а мир? — спросил Максвелл. — Приветствует он все-таки или возмущен?

— А мир... Миру, мой дорогой, абсолютно плевать — подали лепешки на острове Баланг, не подали. У каждого свои заботы.

— Ешьте, ешьте, — примирительно сказал Астахов, — банановые лепешки продлевают жизнь. Здесь такое поверье.

— Это верно, — согласился Морр. — Едим их второй день, а кажется — второй год.

В саду возле стены Игорь испуганно смотрел на человека, лежавшего на спине.

— Что с тобой?

— Ничего, — ответил Абу. — А что?

— Глаза закрыты.

— Дождь.

— Давай я тебя вытаску.

Игорь протянул было руки, чтобы схватить Абу за плечи, но тот сказал:

— Слушай, меня прислали к тебе.

— Ко мне? — удивился Игорь.

— Ну, в общем-то, к журналистам, но через тебя...

— Что-нибудь болит? — обеспокоился Игорь. — Ранен, что ли?

— Нет, просто ногу подвернул. Ладно, пустяки.

Слушай, пилот, который с нами летел, ну знаешь — Гасид, он говорит, что они, кажется, ничего ребята. Слушай, надо сделать — пусть подпишут телеграмму такую же, как в первую ночь. Я отнесу, мы отправим.

— Из джунглей?!

— Не твоё дело. Доставят куда надо. Пусть только подпишут. Через день будет в Нью-Йорке...

— Они разные, Абу... Наверное, теперь уже не все подпишут.

— Хорошо бы этот их телевизионный...

— Кларк?

— Наверное...

— Когда это нужно?

— Когда — сейчас это нужно!

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

— Но это же не сразу...

— Я понимаю, что не сразу. Ничего, иди, я полежу. Хоть всю ночь... Только бы уйти до рассвета...

— Проползи вон туда под брезент...

— Слушай, иди скорее, время дорого!..

Игорь встал. И осторожно, прижимаясь к стене, пошел обратно.

Журналисты в холле расселись за столом.

— А где мадемуазель Габю? — спросил, взглянув на пустой стул рядом с Морром, Астахов.

Морр в ответ лишь пожал плечами — его это не интересует.

Молодого человека, кажется, тоже нет, — сказал Стэннард невинно. — Очень милый у нашего хозяина сын. Умен, воспитан...

— Меня больше волнует, где господин Калишер... — заметил Кларк.

— Продукты обещал, — вспомнил Астахов.

— Это переживем, — зло сказал Морр. — Плохо, когда пища на столе лучше, чем люди за столом. А с банановыми лепешками все-таки есть какая-то гарантия. Не можем же мы быть хуже этой дряни!

— А, Дуглас? То есть, простите, Стэннард...

— «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет», — смеясь, пропела Мэри и погладила Стэннарда по лысине.

— Что это? — удивился тот.

— Он меня научил, — Мэри кивнула на Астахова.

— Старинная русская солдатская, — улыбнулся тот.

— В переводе означает: птичкам живется грустно, — добавила Мэри.

— Интересно, что русский солдат думает обо всем этом? — сказал Максвелл.

— Я никогда не был солдатом, — ответил Астахов.

— Сразу полковником родились? — проворчал Морр, поднялся из-за стола и ушел наверх.

— А действительно интересно, — поддержал Максвелла Кларк. — Вы ведь давно здесь живете...

— Я ни во что не вмешиваюсь... Живу, и все, — сказал Астахов.

— Но есть же у вас свое мнение — где тут правда, а где ложь.

— Правда? — усмехнулся Астахов. — Знаете притчу: послали люди человека правду искать. Тысячу верст шел, измучился совсем, состарился. Наконец, на высокой горе в мраморном дворце видит — сидит на золотом троне правда. Закрытая парчовым покрывалом. Подошел к ней, сбросил покрывало и видит: страшна правда как смертный грех. Испугался человек, спрашивает ее: «Что ж мне теперь людям-то сказать?» А правда тихо ему так, на ушко: «А ты, говорит, соври людям». Вот...

— А не срывай покрывала, не срывай, — поддал голос Стэннард.

— Вот вы все занимаетесь политикой, — продолжал Астахов, — решаете, какому народу какие лепешки нужны. Капитализм, социализм... Измы, измы, дребедень! Я из всех измов только один реальный знаю — ревматизм. Вот тут без обмана. А остальное все чужь, видимость, тухлое яйцо. Есть хорошие и плохие люди. И от измов сие не зависит.

— Ну а фашизм, например? Как с этим измом? — спросил Максвелл.

— Я вам скажу, — ответил Астахов. — Фашизм — это тоже политика, и, значит, обман, мерзость. Но вот в Аргентине вскоре после войны у меня был друг, врач. При Гитлере в Германии — активист нацистской партии. Но это добрый, образованный человек, хороший семьянин.

В холл вошел Игорь. Молча сел за стол, принялся за еду.

— Где ты был? — спросил Астахов.

— У бассейна брезент оторвался... поправлял...

— Добрый человек? — продолжал спрашивать Максвелл. — Зачем же он бежал в Аргентину?

— Он работал в концлагере, так получилось, спас немало людей. Но, сами понимаете, — концлагерь. Его хотели судить.

— Врач в концентрационном лагере? — поднял голову Кларк.

— Да, представьте себе. Красивый, величественный человек, богатый, косая сажень в плечах. Я до сих пор храню его фотографию.

— Богатырь? — переспросил Кларк. — Большая черная шевелюра?

— Нет, совершенно голый череп.

— Ну да, полысел или побрился, — отвечая своим мыслям, сказал Кларк и вдруг быстро спросил: — Вот здесь шрам?

— Шрам. А вы что, его знаете?

— В каком лагере он был врачом? Он не говорил вам?

— Не помню, кажется, не говорил.

— Можно взглянуть на его фотографию? — спросил Кларк, поднимаясь из-за стола.

— Пожалуйста.

Астахов, встревоженный, тоже встал, и оба они ушли в квартиру управляющего.

Морр без стука вошел в комнату Катлен. Она, сидя перед зеркалом, причесывалась. Прислонившись к косяку двери, Морр несколько секунд рассматривал ее.

— Чем ниже декольте, тем выше шансы? — наконец нарушил он молчание.

Катлен вздрогнула от неожиданности.

— Можно бы и постучать.

— Новое правило для меня...

— Ты просто забыл о старом.

— Ах, ты про это?! — Морр простучал знакомый условный ритм.

Катлен улыбнулась:

— Поздновато...

— С другим перестукиваешься?

— Перестань. Ревновать к маленькому дикарику!.. Я просто расспрашиваю его о здешней жизни.

Милый парнишка. Наивный, как...

— ...Как мышенок в лапах кошки.

Глаза Катлен сузились.

— Мышенок, между прочим, не побоялся вступить за меня.

— Просто идиот героического типа.

— Слушай, Эдвард, надвешего любовника либо делают мужем, либо выставляют за дверь, — сказала Катлен. — Иди, я сейчас приду.

— Выставляешь за дверь?

— А ты полагаю, я выйду за тебя замуж?

Морр повернулся и хлопнул дверью.

Астахов и Кларк возвратились в холл. Подошли к столу, сели на свои места.

— Ну что? — спросил спокойно Хольц. — Вы раньше знали его?

— Нет. Просто врач в концентрационном лагере, который для своих опытов брал спинной мозг у моей Инги, по ее описанию, похож на друга господина Астахова.

— Как его звали? — спросил Астахов растерянно.

— Карл Фридрих Гюнтер.

— А этого зовут...

— Я понимаю, что его теперь зовут иначе.

— А шрамы, — продолжал Астахов, — вы же знаете, такие шрамы есть у многих бывших немецких студентов.

— Может быть, это и не он, — согласился Кларк. — Я ведь даже сжимка его никогда не видел. Я попрошу Хольца переснять эту фотографию, если вы не возражаете.

— Вы будете его преследовать? — спросил Хольц. — Добиваться суда?

— Нет, вряд ли, он не мог, — растерянно пробормотал Астахов.

— Я бы дорого дал, чтобы того врача поймали, — сказал Кларк.

— Я же говорил, — произнес Стэннард в общем молчании, — никогда ни с кого не надо срывать покрывало...

Вошел мрачный Морр, сел на свое место.

— Я понимаю ваше горе, но это все не так просто, — сказал Хольц, — пока существует государство, существуют, к сожалению, приказы, которые надо выполнять. Тот врач их выполнял.

— Боже мой, Артур! — воскликнул Морр. — Ты произнес подряд больше трех слов! Конец света!

— Так говорил Гитлер, — заметил Максвелл.

— Ну, тут я с тобой не согласен, — вмешался Морр. — Это не метод спора. Если Гитлер сказал когда-то, что дважды два четыре, разве мы теперь должны утверждать, что дважды два пять?

— Люди должны уметь подчиняться любому приказу власти, иначе мир развалится. И Европа и Америка. Это тяжело, но я имею право говорить так, я сам сидел в концлагере.

— Вы — в концлагере?! — удивился Стэннард. — Никогда не слышал об этом.

Помедлив секунду, Хольц засучил рукав рубашки.

— Вот, — показал он татуировку на руке. — Триста шестьдесят семь тысяч двести сорок два, лагерь Гроссгринц. Специально для немцев. Тогда многих взяли, после покушения на Гитлера. Даже не имевших к этому прямого отношения...

Долгую паузу нарушил Кларк.

— Триста шестьдесят семь тысяч двести сорок два? Вам этот номер выкололи в Гроссгринце?

— Да.

— В сорок четвертом?

— Когда же еще!.. — Хольц опустил рукав. — После войны я уехал из Германии в Америку, — продолжал Хольц. — Я не симпатизировал фашизму, но отвратительно быть побежденным. Я стал американским гражданином. И в 65-м пошел добровольцем во Вьетнам.

— Чтобы победить и отомстить... — кивнул Максвелл понимающе.

— Да, может быть. И там я снова убедился: приказы надо выполнять... Любые... Иначе — крах, развал, дерьмо... Америка проиграла не на фронте, она проиграла в тылу. Благодаря умникам, которые принялись обсуждать приказы...

— Насколько я понимаю, все это говорится про нас? Про ситуацию, в которой находимся сейчас мы? — Кларк вопросительно посмотрел на своих коллег.

Дождь на улице не переставал. Проливной, тропический.

К двухэтажному небольшому зданию городской радиостанции подкатил «джип», из которого вылез Калишер, прикрываясь своим вечным черным зонтом. Было темно, и солдат подсвечивал ему карманным фонариком. Американские часовые у дверей на радиостанцию вытянулись, стукнули каблукми.

В комнате, уставленной радиоаппаратурой, положив ноги на низенький столик, сидел Фарадж и курил большую сигару. Увидев Калишера, поспешно убрал ноги со стола.

Тот стряхнул зонт, раскрыл его и поставил в углу сушиться. Затем подошел к окну, посмотрел на противоположную сторону улицы, на окна отеля «Лунный свет».

— Мрачно настроены журналисты, — заметил он, — ни музыки, ни песен.

— Цельный вечер тишина, — поддакнул Фарадж.

— Продукты для управляющего подготовили?

— Да, сэр.

— Хорошо. Вам на время придется превратиться в машинистку. Я тут кое-что набросал, перепечатайте.

С этими словами Калишер полез в карман и достал газетный обрывок.

— Не то, — пробормотал он, скомкал бумагу и бросил в корзину для мусора. Из другого кармана достал листок, исписанный от руки. — Вот, перепечатайте в одном экземпляре.

— Да, сэр.

— Стойте. Во сколько у нас первая утренняя радиопередача?

— Ровно в девять.

— Ровно в девять у генерала собрание начальников секторов. От моего сектора пойдете вы.

— Спасибо, сэр, — обрадовался Фарадж, но тут же встревожился: — А радиостанция?

— Ровно в девять я приду сюда с Кларком. Ваша физиономия будет ни к чему. Распорядитесь американских часовых внизу заменить местными, чтобы не раздражать. Ну, и чтобы вели себя подобающе — под козырек, каблучки и все прочее. Эти звезды экрана любят показуху. И еще. Разыщите где-нибудь то знаменитое танго, как его там — прощальное... последнее... ну, под которое Кларк записывал свое обращение к человечеству. На этих островах оно до сих пор модно. Для эмоционального эффекта.

— Боже, какое веселье! — воскликнула Катлен, появившись в холле. — Чьи похороны?

— Всех понемножку, — оценил ситуацию Максвелл.

— Первое марта, первый день весны. Не подходит для такого случая. — Катлен села между Игорем и Морром. — Мужчины, налейте-ка мне вина.

— Разве сегодня первое? — спросила Мэри.

— Через два часа уже второе, — отозвался Кларк.

— Здрате, — всплеснула руками Мэри, — у меня же сегодня день рождения. Забыла.

— И правильно сделали, — махнула рукой Катлен.

— Шампанского! — воскликнул Стэннард.

— Поздравляю вас, — сказал Максвелл.

— Поздравляем вас, мисс Мэри, — добавил Кларк.

Астахов подошел к стенке бара, достал две бутылки шампанского из холодильника.

— Поздравьте меня, Николай Владимирович, что же вы?

— Да, да, поздравляю вас, поздравляю. — Астахов отвечал рассеянно.

— Послушайте, мисс Мэри, я придумал! — оживился Стэннард, наливая шампанского в бокалы. — выйдите за меня замуж! Это будет прекрасно, честное слово.

— За вас или за Дугласа? — засмеялась Катлен.

Хольц взял бутылку водки, налил несколько рюмок, поставил перед Стэннардом.

— Если пить, так пить водку.

— Я вообще-то после девяти вечера не пью, — сказал Стэннард, — иногда я не пью даже после восьми вечера. Но раз такое дело... — Он выпил подряд три рюмки. — Нет, Мэри, правда, налейте мне еще и выйдите за меня замуж.

— Не слишком много? — спросила она.

Стэннард решительно затряс головой:

— Слишком много — это две рюмки. А когда три — это уже недостаточно. Так что наливайте четвертую.

Кто-то нажал кнопку старого музыкального автомата, стоящего в холле. На крутящийся диск медленно опустилась пластинка.

Стэннард подошел с рюмкой к Морру.

— Давайте выпьем, Эдвард, мы зря с вами погорчили.

— Я на диете, не пью, — ответил тот.

Стэннард удивился:

— На какой диете? А это что? — И он показал на рюмку в руке Морра.

— У меня диета особая, своя.

— Какая?

— Не пью с дерьмом...

— Знакомая мелодия, — сказала Катлен и положила руки на плечи Игорю. — Пригласите хорошенькую молодую даму на последнее танго...

— Откуда у вас эта пластинка? — спросил Кларк Астахова.

— Старый автомат. А что?

— Ничего. Просто это то самое танго, под которое я загибался в сорок третьем году на ватных Гранатовых островах. Можно, я куплю у вас эту пластинку?

— Я подарю ее вам.

Наклонившись к уху Катлен, Игорь сказал:

— У меня есть возможность передать телеграмму.

— Какую телеграмму?

— Обо всем, что происходит.

Катлен вопросительно посмотрела на него.

— Я не могу вам сказать, как. Надо, чтобы все подписали, и срочно!..

— Сейчас это, пожалуй, невыполнимо.
 — Можно спросить у каждого.
 — И опасно... У вас есть контакт с ними?
 Игорь смолчал.
 — Я не уверена даже, что вы правильно сделали, сказав мне...
 — Вы можете донести?!
 — Нет, на это я, пожалуй, еще не способна... Но и подписать мне, честно говоря, будет трудно... Идемте к Кларку...

Астахов был рад возможности прекратить танец Игоря и Катлен. Он быстро подошел к автомату и выключил его. Все обернулось к двери, возле которой стоял музыкальный ящик, и увидели Питера Калишера. Толстяк держал в руках свой неизменный черный зонт, с которого стекали капли воды, и улыбался приветливо.

— Что же вы? Веселитесь, я не помешаю.
 Калишер ждал вопросов. Но журналисты смотрели на него молча. Тогда он вздохнул, поставил зонт на пол и сказал:

— В таких случаях говорят: у меня есть для вас, господа, две новости — одна приятная, а одна неприятная. Начну с приятной. Неподалеку от отеля я видел на углу первую проститутку. Стоит, лапочка, под дождем. Это признак стабилизации нового режима. Жизнь нормализуется.

Никто не улыбнулся. Калишер еще раз вздохнул и уже серьезно, садясь в кресло, сказал:

— Другая новость неприятная. Я только что от премьер-министра, он наотрез отказывается освободить вас, пока вы все не подпишете заявления, опровергающего ваши вчерашние телеграммы насчет американских инструкторов и так далее.

Никто не проронил ни слова.

— Господа, положение очень серьезное. Новый премьер — человек решительный. Если он захочет вас... никто вам не поможет.

— Это он сам вам сказал? — спросил Максвелл.

— Нет, мне он этого не говорил. Но поверьте моему опыту, такое бывает. На редакции надежда маленькая, я сегодня слушал радио. Во всем мире уверены, что вас арестовало и даже, может быть, уже уничтожило не временное правительство повстанцев, а Центральное правительство республики Гранатовых островов. За то, что вы не поддержали

его домыслов насчет американского вмешательства.

— Вы ведете с нами битву по всем правилам науки, — сказал Кларк.

— Битва закончилась, — очень серьезно ответил Калишер. — Началась война.

Он помолчал немного, посмотрел выразительно на Астахова, Игоря и Мэри. Те беспрекословно удалились. После этого сказал:

— Ну, давайте говорить в открытую. Хорошо. Здесь есть американские советники. Даже солдаты. Вы считаете меня сотрудником Центрального разведывательного управления? Валайте. — Калишер поднялся с кресла, на котором сидел, и оглядел своих собеседников: — А чего вы хотите? Чтобы все эти Гранатовые острова с неимоверными запасами нефти, со стратегически важным положением в океане попали в руки к русским?

— Послушайте, — перебил Калишера Максвелл. — Мы болтаемся здесь десять, нет — уже одиннадцать дней и не встретили ни одного доказательства, что русские пытаются завладеть этими островами...

В окне, ведущем из кухни в сад и закрытом тонкой проволочной сеткой, показалось лицо американского сержанта, того, что был на ночном аэродроме. Он внимательно осмотрел кухню — там никого, кроме Астахова, не было, — негромко сказал:

— Господин управляющий...

Астахов вздрогнул.

— Господин управляющий, возьмите две корзины, идите со мной за продуктами.

— Сейчас? — удивился Астахов. — Не поздно?

— Возьмите две корзины и выходите, — повторил приказание сержант.

— Я позову сына, он мне поможет, — сказал Астахов.

— Я вам буду помогать. Идемте.

Астахов взял две корзины и направился к выходу.

— Через черный ход, — распорядился сержант.

Астахов повернул и вышел на улицу через дверь черного хода.

В холле продолжался разговор Калишера с журналистами.

— А вы думали встретить здесь русскую дивизию? Русские умнее нас. Они добиваются контроля незаметно... В мире идет война. Если не мы их — они нас. И в таких делах быть слишком чистеньким опасно. Знаете, есть рекламная песенка: «Сеledку в сметане не едят пуритане». Чтобы сеledку в сметане ели мы, а не они, можно позволить незначительные компромиссы с собственной совестью.

— Перед поездкой сюда я разговаривал по телефону с президентом, — сказал Кларк. — Он сказал мне, что у него есть договоренность с русскими — не вмешиваться в дела этого района. Он сказал мне, что не в интересах Соединенных Штатов создавать здесь напряженность.

— Президентов много, — жестко и властно сказал Калишер. Сейчас он вовсе не был похож на обаятельного толстяка, который явился журналистам утром. — А родина у нас одна-единственная, и мы служим именно ее интересам. Двое из вас, которые уже согласились подписать, — настоящие патриоты. — Калишер сделал паузу. — Я советую вам поразмыслить об этом. Рано утром я приду за окончательным решением. — Он повернулся было, чтобы уйти, но вдруг остановился. — Хотелось бы сказать два слова вам, господин Кларк. Насколько я знаю, у вас есть личные причины торопиться в Нью-Йорк.

Кларк посмотрел на Калишера так, будто тот ударил его хлыстом.

— Что вы имеете в виду?

— Есть у вас личные причины? — холодно повторил Калишер.

— Что вы знаете?

— Успокойтесь, — сказал Калишер. — Пока ничего конкретного. Но ее взяли в больницу раньше, чем предполагалось.

Калишер направился к своему черному зонту.

— Я буду здесь у вас ровно в восемь утра. — И снова обернулся к Кларку. — За ночь я постараюсь узнать, как она себя чувствует.

Сопровождаемый двумя солдатами и сержантом, Астахов с двумя пустыми корзинами в руках шел под проливным дождем через улицу к зданию радиостанции.

Продолжение следует.

"СМЕНА" 80

Заочная летучка читателей

Перед вами двадцать вторая книжка «Смены»-79. В работе находятся очередные номера. Размышляем мы и над планами будущего года. Вновь и вновь оцениваем сделанное, намечаем новые творческие рубежи. В журнал приходят тысячи писем. Мнение читателей, советы и просьбы помогают редакции скорректировать тематические планы с учетом новых адресов, новых интересов и тенденций, возникающих в гуще молодежи, гуще жизни, помогают сделать каждую журнальную книжку интереснее и разнообразнее.

В эти дни, разбирая редакционную почту, мы прочитали несколько писем наших читателей, в которых оцениваются наши публикации. Что-то понравилось, запомнилось, вызвало споры, а иная публикация полного удовлетворения не принесла. «Я ваш старый читатель и подписчик, — пишет инженер из Воронежа О. Сви́дёрский. — Недавно разбирал подшивки старых «Смен», сравнивал с номерами этого года. Поэтому хочу высказать несколько пожеланий и попрошу ответить на несколько вопросов». И далее на трех страницах идет перечень этих вопросов. Некоторые из них мы включили в нашу анкету.

«Смена» — издание, прежде всего рассчитанное на рабочую молодежь, имеющее свой круг тем и своеобразную подачу материалов. Вспомните постоянные разделы, рубрики, заинтересовавшие вас выступления. А теперь ответьте на следующие вопросы (в пунктах, где в скобках даны варианты ответа, подчеркните наиболее для вас приемлемый).

1. Назовите лучшие, на ваш взгляд, публикации этого года. В чем основные их достоинства (понравилась актуальностью, остротой, литературным исполнением, навеяли на размышления, вызвали желание поспорить, написать в редакцию — начать дискуссию).

2. По просьбе читателей редакция наметила серию выступлений под девизом: «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость». Какие нравственные аспекты воспитания молодежи в труде вы предлагаете вынести на коллективное обсуждение?

3. Рубрики «Беседы об экономике», «Уроки жизни». В какого рода советах, «уроках» на страницах журнала вы нуждаетесь?

4. Какие материалы на темы нравственного воспитания вам понравились? Какие новые темы вы предлагаете обсудить в рубриках «Письмо читателю», «Прошу слова!», «Человек среди людей»? Какие стороны характера современной молодежи, по вашему мнению, требуют особого внимания?

5. Учительница из Волгодонска и слесарь из Томска обращаются к читателям: какими морально-нравственными критериями должен руководствоваться человек, чтобы при любых обстоятельствах оставаться порядочным? И так, что значит быть порядочным человеком?

6. Молодая семья: проблемы быта, экономики, свободного времени. — эти темы журнал намерен продолжить с вашей помощью. Присылайте свои вопросы и предложения.

7. В прошлом году в журнале была открыта новая рубрика, «Как это делается...», материалы которой уже рассказали читателям о «секре-

КОНКУРС «СМЕНА-79»

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—14, 16—18, 20 и 21 журнала).

ДЕСЯТЫЙ ТУР

Мат в шесть ходов (3 очка).

Ход черных. Как должен завершиться поединок при наилучших действиях обеих сторон? (3 очка). Напоминаем, что ответ на каждое задание должен содержать

вариантные доказательства в сокращенной шахматной нотации без каких-либо словесных примечаний на отдельной открытке. Почтовые карточки на десятый тур следует посылать в адрес нашей редакции в период с 25 декабря 1979 года по 15 января 1980 года (по почтовому штемпелю отправления).

ИГРАЮТ ХОЗЯЕВА...

Осенний шахматный сезон открылся в Риге крупномасштабным соревнованием, для участия в котором в столицу Латвии прибыли известные мастера и гроссмейстеры двенадцати стран Европы, Азии, Африки, Южной и Северной Америки. Это был межзональный турнир мужского личного первенства мира.

О том, как темпераментно играли хозяева «поля», а советских шахматистов среди 18 участников было пятеро, свидетельствует финал поединка между экс-чемпионом мира рижанином Михаилом Талем (у него были черные фигуры) и московским гроссмейстером Львом Полугаевским.

Перед вами позиция, к которой пришли соперники после 20-го хода белых. Энергичными тактическими ударами черные буквально «растерзали» королевский фланг противника. Молниеносная атака оставляет сильное впечатление! 20... Kd3:f2! 21. Kh4—g6. Выясняется, что черный конь

неуязвим, ибо белым пришлось бы плохо в случае 21. Л:f2 Л:f2+ 22. Ф:f2 (или 22. Кр:f2 Лf8+) Ф:e4+ 23. Крg1 Ф:b1 и т. д. 21... Лd8—d3 22. Kb5—a3 Фc4—a4 23. Фе3—e1 Лd3—f3! 24. Кg6:f8 Кf2—d3 25. Фе1—d1 Фa4:e4! 26. Лf1:f3 g4:f3+ 27. Крg2—f1.

Черные искусно комбинируют — их пешку на поле «f3» взять ферзем нельзя ввиду неприятной коневой вилки.

27... Фе4—f5! 28. Крf1—g1 Сg7—d4+, и белые капитулировали.

...И ГОСТИ

С завидной боевитостью и старанием играли в Риге и наши зарубежные гости. Примером может служить любопытная концовка поединка бразильского мастера Германа ван Римсдейка с гроссмейстером из США Джеймсом Тарджаном.

Этот занятный эндшпиль возник после 49-го хода черных. Несмотря на материальное равенство, перевес бразильца, игравшего белыми, неоспорим в связи с наличием у него мощной пары связанных проходных пешек на ферзевом фланге и «реактивной» конницей.

50. Кc5—e4+! Крd6—d7 51. Ка6—c5+ Крd7—c7 52. Лb6:c6+! Крc7:c6 53. b4—b5+.

Жертва качества белыми была сугубо временной, ибо они теперь завоевывают целую ладью.

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА

53... Крc6—c7 54. Кc5—e6+ Крc7—b6 55. Ke6:f8 Kh4:f3+ 56. Крd2—c3+ h6—h5 57. g4:h5 g5—g4 58. h5—h6 g4—g3.

Появление на шахматной доске новых ферзей выгодно белым, так как инициатива у них, и им удается развить неотразимое наступление на неприятельского короля.

59. h6—h7 g3—g2 60. h7—h8Ф g2—g1Ф 61. Фh8—f6+ Крb6—a7 62. Фf6—e6+ Крa7—b8 63. Кc5—d7+ Крb8—c7 64. Фа6—d6+ Крc7—d8 65. Кd7:e5+, и черные сдались.

Победителем турнира с отличным результатом 14 очков из 17 возможных стал М. Таль, 11,5 очка у пришедшего к финишу вторым Л. Полугаевского. По 11 очков набрали наши венгерские друзья Андраш Адорьян и Золтан Рыбли. В дополнительном матче между этими молодыми гроссмейстерами определится еще один обладатель «путевки» в матч претендентов на мировую шахматную корону 1980 года.

тах» рождения хлеба и грампластинок, лыж и мультфильмов и т. д. Какие материалы этой рубрики вы хотели бы увидеть в 1980 году?

8. Какие повести и романы, опубликованные в «Смене», вам понравились?

9. Выскажите свое мнение о произведениях молодых авторов, опубликованных в нынешнем году. Подскажите имена новых талантов.

10. Назовите своих любимых актеров, режиссеров, певцов, музыкантов. Предложите свои заявки в рубрику «Молодые мастера искусства».

11. Как вы оцениваете сменовские публикации о международных событиях, о жизни молодежи зарубежных стран? Мир сегодня — что вы хотели бы узнать о нем, читая номер «Смены»?

12. Какие новые творческие конкурсы вы предлагаете? (Понравился ли вам конкурс интересного письма, конкурс одного стихотворения?)

13. Нравится ли вам страница досуга «Смены»: ее юмор, песня, шахматы, кроссворды? Может быть, у вас найдутся новые пожелания в ее адрес?

14. Что нового предлагаете вы внести в оформление «Смены»? (Нравятся ли вам обложки, цветные фотографии, рисунки, форма подачи материала, объем статей, шрифт?)

15. Являетесь ли вы подписчиком журнала?

16. Сколько человек приблизительно в вашей семье, в общедомовом, где вы живете, читают один экземпляр журнала?

17. Назовите, если хотите, ваши фамилию, имя, возраст, профессию, место жительства.

НАТАЛИ

Музыка
Евгения МАРТЫНОВА
Стихи
Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

Родное имя Натали
звучит загадочно и грустно.
Он с нею рядом и вдаль,
весь полон трепетного чувства.

Летят куда-то журавли.
А он с любимой быть не волен.
Его тоску по Натали
хранила болдинская осень.

Припев:
О Натали, он знал,
что нет любви без песен.
А жизнь всего одна
и мир для счастья тесен.

О Натали, он знал—
над ним судьба не властна.
И не твоя вина,
что ты была прекрасна.

Не ведал мир такой любви,
не ведал мир такой печали.
Он ей дарил стихи свои,
что для нее в душе звучали.

Он столько лет в нее влюблен.
Его любовь неповторима.
И в каждом звуке слышит он
ее божественное имя.

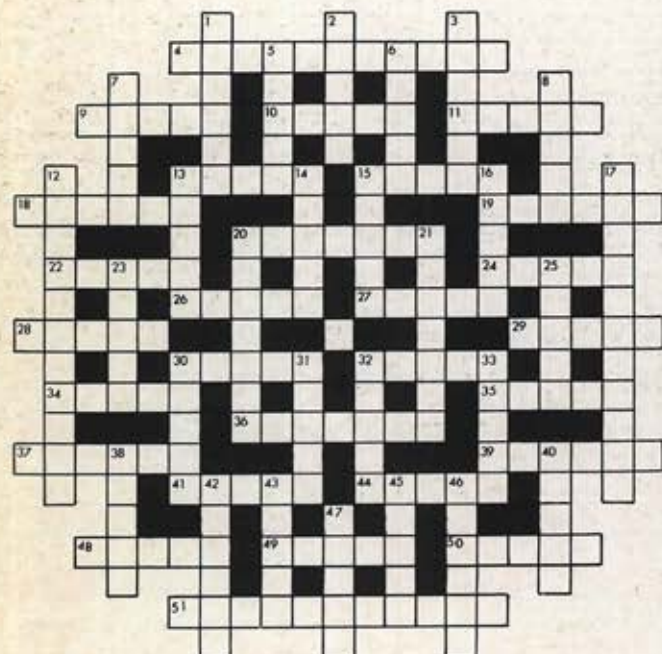
Припев.
И даже в тяжкий смертный час
назло сомненьям и обидам
свою любовь в последний раз
улыбкой вновь благословит он

Прошли года, пройдут века—
его любовь осталась с нами.
И так же трепетна строка,
и так же искренне признание.

Припев.

К Р О С С В О Р Д

Составил В. ЧЕРЕПАНОВ,
Химки, Московской обл.

По горизонтали:

4. Основной закон государства. 9. Семья злаков. 10. Лиственное дерево. 11. Рассказ М. Горького. 13. Система спортивной борьбы. 15. Школьный ученический стол. 18. Член рабочей дружины, участник восстания в 1905 году. 19. Часть круга. 20. Первый чемпион мира по шахматам. 22. Птица отряда куриных. 24. Промежуток времени схватки в боксе. 26. Сплав железа с углеродом. 27. Охотничья собака. 28. Французский писатель XVIII века. 29. Роман Г. Мопассана. 30. Дорожная машина. 32. Столица союзной советской республики. 34. Точка небесной сферы, противоположная зениту. 35. Вулкан в Японии на острове Хонсю. 36. Равносторонний прямоугольник. 37. Деталь вентиля в медном духовом инструменте. 39. Французский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 41. Красная строка. 44. Небольшое зернохранилище. 48. Герой древнегреческой мифологии. 49. Инертный газ. 50. Цирковая площадка. 51. Первая русская женщина профессор, математик.

По вертикали:

1. Сельскохозяйственное орудие для обработки почвы. 2. Ночная птица. 3. Научный спор. 5. Вертикально укрепленное бревно, брус. 6. Счастливы исход дела, успех. 7. Живописец, один из организаторов Товарищества передвижников. 8. Стихотворение А. С. Пушкина. 12. Совещание представителей общественных, научных организаций. 13. Пушной зверек. 14. Дикое парнокопытное животное. 15. Футляр для хранения карандашей, перьев. 16. Декоративное растение, цветок. 17. Прибор для накопления электричества. 20. Балет А. И. Хачатуряна. 21. Недостаток времени в шахматной партии. 23. Промышленное предприятие. 25. Действующее лицо в комедии А. Н. Островского «Лес». 30. Денежная единица Чехословакии. 31. Минерал, двуокись кремния. 32. Приток Сены. 33. Государство в Азии. 38. Гастрольная поездка артиста. 40. Объявление о предстоящих спектаклях, кинофильмах. 42. Домашнее парнокопытное животное в Закавказье. 43. Черноморский курорт в Краснодарском крае. 45. Киргизский на-

родный эпос. 46. Плод тропического растения. 47. Советский химик и металлург, академик.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21

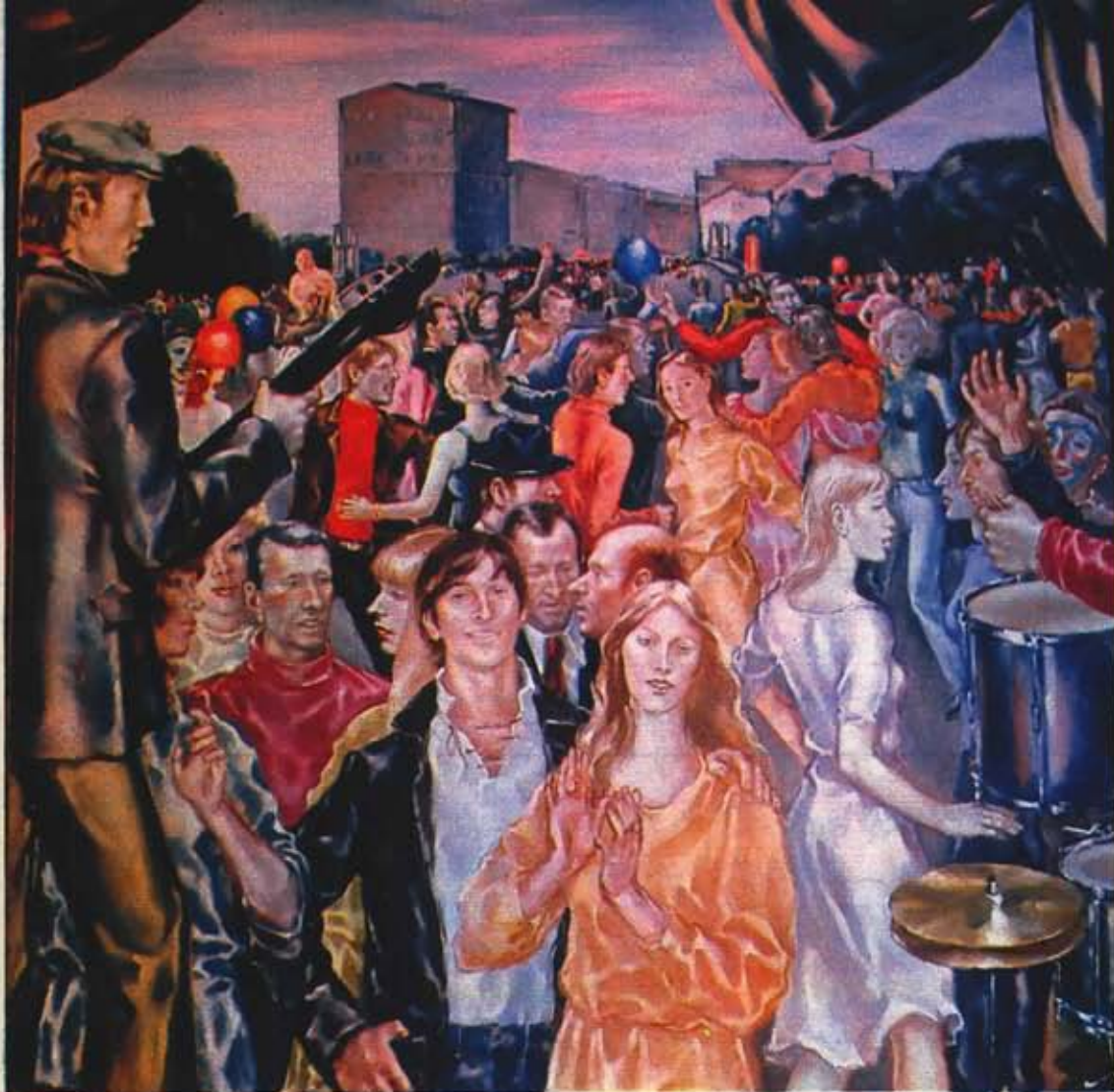
По горизонтали:

3. «Адели». 7. Корнилов. 8. Мерседес. 11. Пруд. 12. Азростатика. 13. Парк. 14. Пахмутова. 17. Альбатрос. 20. Краеведение. 21. Кветта. 22. «Ячейка». 24. Винтовка. 25. «Свидание». 27. Алтека. 30. Алейск. 32. Материализм. 33. Стрелочко. 35. Василенко. 36. Якут. 38. Мельничкайте. 39. Нева. 40. Ватутино. 41. Осетинка. 42. Носов.

По вертикали:

1. «Труд». 2. Дидактика. 3. «Аврора». 4. Иматра. 5. Ассамблея. 6. «Эдип». 7. Курчатов. 9. Сердолик. 10. «Оттепель». 15. Местомещение. 16. Владивосток. 18. Лингвистика. 19. Телевидение. 21. «Книга». 23. Аймак. 26. Бригадир. 28. Пустяков. 29. Амперметр. 30. Амфитеатр. 31. Стыковка. 34. Ольхон. 35. Власов. 37. Титр. 39. Нуна.

М. ГУРВИЧ. НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ.

Ф. АГАЕВ. РЕМОНТ СЕТЕЙ.

В. ХАРЛОВ. ЛИСТВЕННИЦА.

И. АРСЛАНОВ. КРАЙ ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ.

ПОСТИЖЕНИЕ МИРА

РАБОТЫ С ВСЕСОЮЗНОЙ ВЫСТАВКИ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ,
ПРОХОДИВШЕЙ В ЗАЛАХ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

О. КОТЮЖАНСКАЯ. НЕВЕСТЫ.

В. МАХИТАРЯНИ. ПОЛДЕНЬ.